

МАНИ
СТВОР

РИГМА
ЗОЛОТАЯ

16+

Мани Створ Ригма Золотая Да

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56566531

SelfPub; 2020

Аннотация

Молодой, кипящий и нестабильный мир не прятал от предшествующей цивилизации своей силы. Течения энергии еще не спрятаны под толщей времени и доступны людям. Как они распоряжаются доступным потенциалом? Каково быть юным в юном мире? Что способен вместить в себя человек? Биографии сплетаются в историю отношений и относительности, отвержения и притяжения. Мы расскажем сказку, в которой не существует добра и зла.

Содержание

Пролог	4
Июль	23
Август	59
Сентябрь	103
Октябрь	183
Ноябрь	247
Декабрь	298
Январь	376

Пролог

Некоторым существам довелось несколько раз пережить крах Мира. Взрыв, уничтожающий все сущее, который становится искрой нового пламени – возрождение Вселенной на собственном пепелище, дыхание времени – вот самое грандиозное зрелище, которое когда-либо доводилось видеть бессмертным.

Во времена третьей цивилизации на нашей планете было совсем мало суши, деревья вырастали до невообразимых размеров, а тогда имели доступ к энергии своей души – чакре. Чакра – это сила Мира, которая питает каждого человека, каждое живое существо, пронизывает все вокруг. Хотя лично мне всегда казалось, что, скорее, материальный мир пронизывает канву чакры, как узоры вышивальщицы.

Чакра – это сияющее пламя, которое течет внутри нас, как кровь. У разных людей, в зависимости от их характера и темперамента, она различается по цвету, температуре, сиянию. Наиболее талантливые посвященные смогли материализовать чакру и по своей воле предавать ей самые различные формы.

Увы, люди устроены так, что самые сильные из них стараются закрепить передат по наследству свои заслуженные привилегии. Поэтому вполне закономерно, что из воинов, сделавших чакру основой своих боевых искусств, сформирова-

ровалась закрытая каста, которая была лучше всех посвящена в тайны внутреннего потенциала. Люди передавали эти знания из поколения в поколение, но очень скоро заметили, что лишь несколько семейств может достичь в нем высокого уровня. Сильнейшие кланы стремились сохранить чистоту своей крови, но запрета на брак с человеком другой касты никогда не существовало. Даже когда некоторые семейства утратили первоначальное могущество, родиться в семье воина считалось большой удачей.

Семейство Най долгое время было единственным, кто мог преобразовывать чакру в Свет – сильнейшую категорию созидательного руслу в противовес Тьме. Клан Най стал правящим, их старшего мужчину называли Ханом, а всю незначительную территорию суши, на которой развивалась третья цивилизация, стали именовать Ханством. В мое время, после раскола единых земель, клан Най правил только Северным Ханством (занимающим около трехсот гектар), которое оставалось сосредоточением наиболее сильных воинов. Совершенствуя боевые техники, люди Северного Ханства стали придавать своей энергии форму природных стихий, что многократно увеличивало их силу. Некоторые заглядывали и дальше, преобразуя чакру в форму Света и Тьмы. Развитие чакры Тьмы на Земле, впрочем, скоро было запрещено.

Дворец Хана и окружающее его поселение находились в самом центре острова. Вокруг располагались крестьянские деревни и небольшие хозяйства. А на границах находились

четыре заставы, самая северная из которых называлась Ту. Местные жители считались изобретателями наиболее совершенных техник преобразования чакры. Впервые именно они стали именовать себя сихэ и выстроили такую систему иерархического управления, которую впоследствии переняли все другие заставы.

Главой деревни считался Комохо; ему непосредственно подчинялись военные стратеги Суури, стоящие во главе Мастеров. Мастера, в свою очередь, руководили молодыми воинами, которые чаще всего были их учениками – Секацу. Новобранцев-сихэ назвали Ширу. Чтобы стать Ширу, нужно было закончить специальную академию, где с раннего детства обучались искусству владения чакрой, метательным оружием и превращению в животных. В одном из потоков студентов этой академии учились сразу несколько ребят, которые мне как исследователю вопроса Перерождения были особенно интересны. Учебу большинство из них начало, когда им было всего по 5 лет от роду. У многих из них погибли родители, и все, что им оставалось – закалить свой дух и стать бойцами, способными вынести любые испытания.

С самых первых дней я обратил внимание на кузенов Сефидов – Инга и Алекса. Будучи не только двоюродными братьями, но друзьями не разлей вода, они представляли собой полную противоположность друг друга. Оба они казались мне очень красивыми, не слишком высокого роста, но отлично сложенными для своих лет. У Алекса были ярко-голу-

бые глаза и волосы пепельного цвета. Они с Ингом одинаково коротко стриглись и очень любили все внешние сходства между собой.

Алекс был спокоен и мудр не по годам, при этом не заносчив и дружелюбен, поэтому в академии его полюбили сразу. Преподаватели видели в нем большой потенциал. Очень рано Алекс стал осваивать техники с использованием меча и добился хороших результатов в развитии огненной чакры. К тому же он, в отличие от Инга, не вел себя столь дерзко и вызывающе. Умение интуитивно найти подход к каждому и ненавязчивая галантность сделали его душой учебной группы, и, может быть, именно его харизма построила надежную опору для взрывной силы Инга.

Словно для того, чтобы оправдать доставшееся авансом внимание группы, Инг стал самым большим хулиганом в академии. Он разрисовывал стены в честь своих всевозможных достоинств, дрался с каждым, кто обижал слабых или задевал его собственное достоинство, и всегда находил, что ответить на любое замечание. Чуть ли не ежедневно ему ставили в пример всеобщего любимчика Алекса, на что оба всегда отвечали одним и тем же: Алекс – сухой дипломатичной улыбкой, Инг – веселым оскалом. Он никогда не знал своих родителей, и жил в кампусе вместе с другими учениками, но всегда находился под невидимой опекой семьи Алекса.

У Инга были волевые серые глаза и черно-рыжие волосы, пестрые, как иглы Демона-дикобраза Агварэса. Инг считал,

что именно из-за цвета волос суеверные мамы стараются оградить своих детей от общения с ним. Но репутация «плохого мальчика» (в купе с влиянием Алекса) сыграли ему на руку в завоевании своей ниши в группе. Кроме того от природы он обладал невероятно сильными и огненной, и водной чакрами, что встречается крайне редко. Вот только управлять ими и применять в бою у него получалось с переменным успехом.

Такая ситуация могла бы затруднить для Инга выбор между огненным и водным профилями. Все будущие Ширу знали, что по окончании академии их поделят на команды по три – четыре человека и определят к Мастеру, который специализируется на той чакре, к развитию которой они предрасположены. Однако Алекс собирался учиться у собственного отца – Мастера огненного профиля, поэтому вопрос выбора для Инга не стоял. По этой же причине Инг заставлял себя подтягивать все предметы, даже скучную теорию – отец Алекса набирал к себе в ученики только лучших выпускников.

Группа выпускников, готовая к работе с Мастером, должна была состоять из сикэ разной специализации, то есть каждый из них должен был владеть всеми базовыми техниками, но углубленно изучать предмет своего профиля – превращение в зверя, владение мечом, арбалетом или найшу¹. Алексу одинаково хорошо давались все предметы; его распределили

¹ **Найшу** – короткий многогранный метательный клинок.

в мечники только потому, что в этой подгруппе был недобор. Общий учебный поток, включающий двадцать человек, курировал молодой наставник Иллис. Половину из них он сам обучал владению чакрой Огня, другая половина обучалась отдельно чакре Воды. Также Иллис вел занятия с пятью мечниками с обоих направлений.

Инг Сефид шел по профилю превращения в зверя. Превращался он в орла и дикобраза, причем он первый из группы освоил использование чакры Огня в состоянии зверя, хотя он не мог с той же легкостью обращаться с ней при использовании оружия. Это почему-то не понравилось Иллису. Вскоре среди старшего поколения еще больше укоренилось мнение, что Инг – воплощение огненного Демона-дикобраза Агварэса. В группе студентов эти разговоры носили характер дружеских шуток, и многие действительно считали череду странностей Инга забавным совпадением. Но сам он не мог не чувствовать напряжения, которое невольно повышает в воздухе в его присутствии при упоминании Агварэса.

В любом случае Сефиды были уверены, что смогут попасть к одному Мастеру. В качестве стрелка, третьего предполагаемого члена будущей команды, они, бесспорно, видели одну из немногих девушек – Селлах Реттер. Ее чакра, так же, как у братьев-Сефидов, принимала форму Огня, а специализировалась она на стрельбе из арбалета. Если Алекс уделял сокурсницам внимание хоть и весьма галантно, но довольно сдержанно и как бы делил себя поровну со всеми, то

Инг в упор не видел никого, кроме Селлах.

Селлах Реттер была очень красива: стройная, светлокожая, с яркими зелеными глазами и почти белыми волосами ниже плеч. Она появилась в академии, когда ей было уже семь лет – на два года позже обычного срока, – но была принята в группу Сефидов, благодаря тому, что родители-сихэ научили ее некоторым основам перед тем, как погибнуть на войне с Западным Ханством. До своей кончины мать Селлах, которая вдоволь насмотрелась на ужасы войны сама, старалась уберечь ее от пути сихэ и направить в медицину или в любое другое невоенное направление, доступное для девушки из касты воинов. После потери родителей по натуре довольно замкнутая девочка стала испытывать сложности в общении. Ситуация еще более обострилась, когда стало известно, что родители Селлах воевали на стороне неприятеля. Реттер – одно из ответвлений клана Най, отделившееся во время раскола единых земель, и сейчас известное как элита Западного Ханства. В академию она смогла попасть только потому, что по крови была одарена предрасположенностью к развитию чакры Света и представляла для деревни ценный ресурс. Правда, никаких преимуществ в учебе она от этого не получила: Свет и Тьма – энергии высшего порядка, о развитии которых в академии не может идти речи.

На защиту Селлах встал Инг, который жестко пресекал не только все нападки, но и недобрые взгляды в ее сторону при упоминании темы войны с Западным Ханством. Став

для нее защитным барьером, он рисковал подорвать завоеванную репутацию в группе, но дипломатия Алекса и здесь спасала ситуацию.

Инг все больше примерял на себя роль защитника и покровителя Селлах. Он каждый день провожал ее с учебы до общежития, а во время каникул назначал свидания, на которых иногда появлялся вместе с братом, всегда исчезающим удивительно вовремя. Он обдирал для нее все окрестные кусты бескиты², бегал по утрам в крестьянскую деревню за свежими сливками и даже прекратил разрисовывать стены, когда заметил ее укоризненный взгляд на каком-то из своих уличных «шедевров».

С тех пор, как поздним вечером сидя у лесного ручья, Инг первый раз поцеловал Селлах, все его устремления были направлены только на нее. К счастью, Алекс, контролировал его успеваемость, проявляя неюношескую настойчивость (старательно игнорируя ежедневные упреки в занудстве в свой адрес). Да и сама Селлах, хотя и ощущала себя рядом с Ингом совершенно счастливой, не допускала, чтобы эмоции уводили его слишком далеко от насущных дел. Но невозможно было запереть в клетке разума столь сильные чувства, какие захватили Инга в его тринадцать лет. Можно сказать, что это закономерно привело к определенным ошибкам. Но является ли ошибкой такой поступок, не со-

² **Бескита** – высокий куст с черной корой и листьями, цветущий большим количеством светло-желтых мелких цветов.

вершив который человек пошел бы против своей природы?

Начиная с восьмого года обучения, будущих Ширу посылали на тренировочные задания в составе команд разной численности, что помогало им оценить способности и характер друг друга и выработать тактику совместных действий. На одном из таких занятий группа была разбита на десять пар, стартующих с разных позиций, и Селлах с Ингом повезло работать вместе. Им была выдана миниатюрная шкатулка – так называемый «секрет», – и дано на первый взгляд пустяковое задание: доставить к указанной на карте точке ее содержимое. Но открыть эту шкатулку можно было, только выставив на вращающемся замке определенный код, который был выбит на «секрете» другой команды. Соответствующая друг другу пара секретов и кодов приходилась одна на две команды.

Полигоном для выполнения задания был выбран крупный участок леса к востоку от деревни Ту. Вероятность случайной встречи с любой командой была крайне мала, а искать нужно было единственную из девяти пар с такой же печатью на ладонях, как поставили Ингу и Селлах. При встрече двух команд правила предписывали показать друг другу ладонь, чтобы сразу определить, подходит ли один ключ к другому секрету, и есть ли смысл в схватке. Как только одна команда использовала ключ, секрет соперника уничтожался, поэтому каждая «счастливая» встреча неизбежно влекла за собой сражение за право ввести ключ первым.

Чтобы не двигаться в случайном направлении и не заблудиться на полигоне, Селлах предложила сразу же двигаться к указанной на карте финальной точке, благо она была у всех одинаковой. В надежде, что команда с нужным им кодом догадается поступить так же, она проложила маршрут и повела Инга за собой. За время пути он неоднократно пытался угадать код, потом взломать шкатулку, но делу это не помогло. Какое-то время спустя, они встретили команду Алекса (что вызвало у Инга восторженный возглас: «Кого же еще я мог первым найти в этом дремучем лесу!»). Увидев, что их печати не совпадали, братья вздохнули с облегчением. Несмотря на существовавший между ними договор не делать друг другу поблажек на тренировках, ни один не хотел встречаться с другим в поединке.

Своих соперников Инг и Селлах отыскивали только спустя три часа, за несколько километров до точки сбора. Ими оказались мечник и арбалетчик с направления водной чакры. Арбалетчик этот, милovidный юноша со светлыми волосами и нежно-голубыми глазами, никогда не отличался успехами в учебе, никогда не имел хороших друзей в академии, и никто не знал, были ли у него вообще друзья. Тем не менее, он заслуживает отдельного внимания как человек, сыгравший определенную роль в некоторых событиях. Звали его Артур Сен. Люди его рода, не имея таланта к развитию чакры, из поколения в поколение становились хозяйственниками или, в лучшем случае, медиками. Артур Сен начал обучение в

очень позднем возрасте, потому что три года ему пришлось уговаривать своих осторожных родителей отдать его в академию сихэ. Ему недавно исполнилось шестнадцать лет, тогда как остальным было по тринадцать. Куратор Иллис, который был всего на четыре года старше Артура, в тайне считал, что ему не место среди воинов. Единственное, в чем он блистал, – феноменальная природная меткость.

Увидев на протянутой ладони Артура подходящую печать, Инг сжал в зубах и в обеих руках по найшу и бросился в бой. Он не знал, у кого из пары противников спрятана шка тулка, но взял на себя более сильного – мечника. Тот стал защищаться, с трудом выдерживая заданный Ингом темп.

Оба арбалетчика, Селлах и Артур, заняли позиции по сторонам от своих товарищей. Казалось, что Инг весь поглощен своей атакой и не видит ничего вокруг; инициатива так и не перешла к мечнику. На самом же деле он интуитивно почувствовал ритм стрельбы Артура и вскоре начал предсказывать каждый его выстрел. Несмотря на меткость Сена, невероятно обострившееся чутье Инга позволяло ему вести эту схватку с легкостью танца и подставлять под стрелы Селлах спину мечника.

Но вдруг что-то сбилось в атаках Артура. Полсекунды лишней паузы. Заминка? Нет, Артур слишком хорош в стрельбе (уж в чем он мастер). Оторвав взгляд от мечника, Инг увидел направляющийся на Селлах арбалет Артура и бросился наперерез выстрелу. Все произошло в момент:

стрела вонзилась между сердцем и плечом, когда Инг возник перед Селлах.

Все четверо оцепенели. Инг взглянул на торчащую стрелу и извлек ее совершенно безболезненно. Шкатулка была привязана к груди Инга под курткой, в нее-то и попал выстрел. Местонахождение секрета было таким образом обнаружено, и еще секунда паузы дала Артуру возможность это осознать. По его расширившимся глазам и проглоченному восклицанию это было понятно – нужно было действовать без промедлений.

В следующий миг Инг, в обличии дикобраза, одним прыжком перемахнул через голову мечника, повалил Артура за землю и прижал когтистую лапу к его горлу. Селлах навела прицел на растерявшегося мечника.

– Это поражение. Код наш, – отрезала она.

Соперники не возражали. Содержимым шкатулки оказалась сложная металлическая деталь. На контрольном пункте ее предстояло поместить в отведенную для каждой команды ячейку, чтобы завершить задание.

Перед тем, как двинуться в путь, Селлах нашла укрытие под корнями упавшего гигантского дерева, чтобы обработать раны Инга.

– Что с тобой вдруг произошло? – спросила она, перевязывая его руку.

– Я просто спас тебя, как и должен был.

– Никогда не видела, чтобы ты так вел атаку. Это было...

очень круто. Как будто ты вдруг стал лучшим воином деревни, – тихо сказала она и покраснела.

– Ты просто раньше не была в настоящей опасности на моих глазах, – ответил Инг.

Иллис и несколько его помощников следили за ходом учений в обличии птиц. В точке сбора он встречал каждую команду и объявлял об успешном выполнении задания или его провале. Когда Инг и Селлах вставили пластину из секретной шкатулки в специальную нишу, он подлетел в виде вороны и, покончив с необходимой регистрацией, сказал:

– Сефид, научись расставлять приоритеты и соразмерять риск с опасностью. На первом месте твоя жизнь, на втором – выполненное задание. Члены твоей команды, кем бы они ни были, думают своей головой, и нужно помнить, что любые твои действия могут помешать их собственному плану. Ты обязан следовать Кодексу сихэ.

Ответом ему был только спокойный наглый взгляд.

Несмотря на свою молодость, Иллис часто казался бесчувственным занудой. Но он отлично понимал причины, по которым Инг бросился наперерез стреле Артура, чтобы уберечь от нее Селлах, и сам не раз совершал подобные ошибки.

Вечером Алекс пересказал Ингу историю о юности учителя, услышанную от отца: когда его лучший друг нарушил какой-то закон и покинул деревню, тот отказался сотрудничать со следствием, несмотря на риск попасть под подозрение.

Значит, Иллис и сам не чужд самоотверженного безрас-

судства, а значит, был не до конца искренним, настаивая на соблюдении Кодекса сикхэ. Думая об этом, Инг погрузился в задумчивое состояние. Он замедлил шаг и нахмурился, пытаясь понять причины, заставлявшие учителя жить по двойным стандартам. Вид он при этом имел, пожалуй, еще более жуткий, чем когда был зол. Чтобы отвлечь его, Алекс сменил тему:

– Знаешь, сколько команд смогло выполнить задание?

– Ну... больше пяти никак не выходит. Все выкладывались по полной, так что, я думаю, пять.

– А вот и нет. Шесть, – хитро улыбнулся Алекс, – Мы со своей парой не дрались.

– Как это ты провернул?

– Договорились вводить код одновременно. Мы очень внимательно следили за тем, чтобы никто не поспешил даже на полсекунды, и вот, получилось. Они согласились, потому что я предложил засчитать поражение нашей паре, если дело не выйdet.

– Ну, даешь! И что, согласился бы проиграть?!

– Планировал уладить все по ходу дела. Обычно получается.

Через несколько месяцев учения проходили в другом режиме: команда из пяти человек, будучи связанными по рукам и ногам и запертыми в клетку (не слишком крепкую, откровенно говоря), должна была выбраться из башни и покинуть огороженный участок, в центре которого она нахо-

дилась. Остальные пятнадцать учеников были в роли охранников башни и территории. Задача «пленников» состояла в том, чтобы каждый из них покинул обозначенную территорию. В их число вошли: мечник, арбалетчик, двое с профиля найшу и один с профиля превращения в зверя – Инг Сефид. В случае условной гибели кого-то из команды, они могли продолжать путь без него, но задание уже не считалось бы выполненным.

Охранникам была поставлена задача не упустить ни одного пленника. Координировал действия охраны Иллис, но на стратегические решения в ходе учений он старался не влиять.

Сам же Алекс остался в слабо укрепленном месте наверху башни, удобном для побега, вместе с найшистом огненного направления Максимом Дардом. Макс не блистал физической силой и выглядел даже слегка болезненно – астенического телосложения парень с большими, как у девочки, черными глазами, редко стригущий свои жесткие черные волосы. Несмотря на кажущуюся хрупкость, он был очень хорош в рукопашном бою, благодаря наработанной скорости удара. Чутье Алекса подсказывало ему, что после выпуска из академии Максим может отлично дополнить их будущую команду. Отец Алекса был известен как лучший наставник Ширу, а Дард был очень амбициозен.

Разговорить его даже в таких благоприятных условиях, как на этом задании, было не так-то просто. Шел уже третий

час дозора, но Макс безотрывно следил за участком, перекидываясь с Алексом лишь короткими сухими фразами.

Вдруг внизу началось волнение, и он тут же подобрался, как кот перед прыжком. Группа Инга выбралась из своей клетки, и теперь он вел всех на прорыв. На нижнем этаже башни началась схватка. Алекс дал знак ждать – двое охранников загоняли условных преступников наверх по винтовой лестнице.

Когда первый из группы пленников, вынужденных передвигаться один за другим, оказался в поле зрения Алекса, он тут же вступил с ним в схватку. Неожиданность и выгодная позиция делали преимущество Алекса бесспорным.

Через головы дерущихся перепрыгнул Инг в облинии дикобраза, который помчался прямо в атаку на Макса. В передние лапы ему вонзились несколько найшу, брошенных веером. Чтобы не потерять равновесие, Инг стал человеком и снова ринулся вперед, выдергивая на бегу из раны один из найшу, чтобы им же воспользоваться в бою. Макс встретил его потоком чакры Огня – техникой, недавно освоенной будущими сихэ и еще требующей от них большого напряжения сил. Инга прибило к каменной стене башни рядом с окном. Он знал, что Максим сейчас не в форме, а Алекс прикрыть его не может, занятый другим пленником. Не обращая внимания на легкие ожоги, Сефид бросился на Макса врукопашную.

Остальные пленники уже в полном составе прорвались на-

верх и заперли люк, заблокировав проход охранникам. Спуститься с башни можно было только с помощью троса, и один из пленников, под прикрытием другого, стал проворно закреплять его, пока двое его товарищей бились с Алексом и еще один – с Максом.

Окно оказалось разбито. Выбрав момент, Максим оглушил Инга и резко протащил к проему с явным намерением выбросить вниз на растерзание другим охранникам. Падение могло бы привести к серьезным травмам для Инга, не успевшего приготовиться к приземлению. Заметив это, Алекс командным голосом крикнул:

– Отставить, Дард!

Этой секунды хватило пленнику, закрепляющему трос, чтобы закончить работу. Инг отпихнул от себя Максима и покинул башню. Последовать за ним смогли еще трое, один из пленников был «убит» Максимом, который был так взбешен упущенной добычей, что набросился на первого подвернувшегося под руку.

Охранники провалили свою миссию: участок покинули трое из пяти пленников. После прорыва из башни, они загорелись таким запалом, что заранее одержали моральную победу в последующих схватках.

Когда учения были завершены, Алекс нашел Инга под присмотром Селлах; он что-то возбужденно рассказывал девушке. Медики уже оказали ему первую помощь, но он и не замечал своих ран.

– Этот парень, Макс Дард, он совсем озверел. Я уверен, он бы мог тебя убить, – перебил его Алекс.

– Да пес бы с ним! Круто же было!

– Когда он только пришел в академию, этот Дард, ты помнишь, каким он был? Бездельник, каких поискать! Я думал, у него вообще чакры нет! А теперь, смотри-ка, натаскался. Но дурная у него эта резкость, знаю я эту породу. У меня сестра такая была.

– Иллис говорил как-то, что Максим очень похож на свою сестру, – тихо сказала Селлах, – Я слышала, Иллис когда-то встречался с ней.

– Да ладно? Иллис и сестра Макса? Давно хотел узнать, как дела на личном фронте у нашего сухаря.

– Да уж, – усмехнулся Алекс, – Если он, и правда, похож на свою сестру... Не думал, что Иллису нравятся такие бешеные!

С тех пор братья-Сефиды с особенным вниманием приглядывались к Максиму Дарду. Три года назад бесследно исчезли его старший брат и сестра, и это повлияло на него неожиданным образом: он взялся за учебу с особенным усердием и из отстающего превратился в одного из лучших студентов. Максим и без того был не слишком общительным, а за эти три года стал совершенно нелюдимым. Он игнорировал любое общество, чем очень дразнил Инга, которому было необходимо безоговорочное признание его лидерства абсолютно всеми. Именно поэтому Инг, во что бы то ни ста-

ло, решил включить Макса в свою четверку.

Теперь вполне можно сложить представление о четырех будущих Ширу огненного направления, которые вскоре, вольно или невольно, стали дополнением и опорой друг друга не только на тренировках, но и вне стен академии. Иллис видел, что команда сформировалась, и не препятствовал их совместному развитию. Раньше, чем каждый из них, учитель понял, насколько сильно они нужны друг другу.

На выпускной ступени академии, когда каждому из них исполнилось по 17 лет, Иллис предпринял все возможное, чтобы к одному Мастеру смогли бы попасть Алекс и Инг Сефиды, Селлах Реттер и Максим Дард.

Июль

Однажды июльской ночью Инг пробрался к дому своего дяди и постучал в окно Алекса.

– Эй! Ты спишь? – спросил он появившегося из темноты комнаты брата.

– Уже нет. Что случилось? Надеюсь, что-то серьезное, иначе я тебя убью.

– Я не знаю, серьезное оно или нет, – Инг почесал затылок.

– Так, – напряженно выдохнул Алекс, зная манеру Инга преуменьшать свои проблемы, – Залезай быстро, пока отец не заметил.

– А у тебя не найдется чего-нибудь пожевать?

Алекс принес вяленого мяса с хлебом (про себя заметив, что аппетит, к счастью, Ингу не отказал). Расположившись на полу у кровати и проглотив бутерброд, Инг сказал:

– Я не могу спать, Алекс.

– Просто перестань наедаться на ночь.

Инг сделал вид, что не услышал, и продолжил:

– Уже где-то месяц так. Вообще такое и раньше бывало, но не дольше двух ночей подряд...

– Все-таки серьезно, – Алекс сел напротив, всматриваясь в Инга.

– Знаешь, – Инг запихнул в рот кусок мяса, выдерживая неприятную паузу, – Я совершенно выжат. А завтра экза-

мен... Дело не в нем! На самом деле, мне не важно, сдам я, или нет!

– Что ты несешь! Как ты можешь не сдать! Что с тобой такое?

– Почти месяц во сне ко мне приходит Агварэс, – Инг посмотрел брату в глаза.

– Да ты наслушался этих глупых сплетен! – не слишком уверенно возразил Алекс.

– Я же сказал, так и раньше было! Я задыхаюсь во сне. Он пытается вырваться... Во сне я вижу троих себя. Один он выглядит точно так же, как я. Другой... У него синие волосы, от него исходит чакра Воды. Еще один похож на тех крылатых Демонов, про которых нам рассказывал Иллис, с крыльями. И еще в моем сознании сидит скованный Агварэс, весь в цепях. Он великолепен, ты бы его видел!

– Я читал кое-что, Инг. Слышал про технику Сфорцы?

– Нет. Какого такого Сфорцы?

– Сфорца – это Демон-волк. Он изобрел так называемую «технику объединения начал».

– Объединения мочал? – оживился Инг.

– Как ты до девятой ступени-то дошел, чудовище! Вспоминай, давай, Иллис это сто раз говорил. У души есть темное, светлое и собственное начало...

– И их сила зависит от врожденных способностей и приобретенных навыков, – перебил его Инг, процитировав академический учебник, – Знаю я, не нуди, рассказывай лучше

дальше про этого Сфорцу.

– Говорят, Сфорцу очень интересуют люди. По легенде, от него происходит клан Кутта. Воины этого клана умеют объединять собственное начало с животным. Так к чему это все! Я думаю, эти три начала души ты и видишь в своих снах.

– У меня, значит, собственное начало с синими волосами?

– Наверное.

– Почему ж у него волосы синие... – пробормотал Инг, борясь с зевотой.

Алекс усмехнулся и сказал:

– Я не знаю, что там в тебе намешено. Но ты должен разобраться с этим. Возможно, твое темное начало каким-то образом было объединено с Агварэсом... Хотя это похоже на бред!

– Да, бред... – Инг растянулся на полу, отодвинув пустую тарелку, и закрыл глаза.

– Эй, ты тут спать собираешься?!

Инг пробормотал в ответ что-то несвязное.

– Наглец, – усмехнулся Алекс, – Ладно, тебе нужен сон, – он бросил на него махровое покрывало.

Выпускной экзамен начался с рассветом. Алекс еле растолкал Инга, который впервые за долгое время спал спокойно. Выпускное испытание представляло собой поединок в ближнем бою, в результате которого отсеивалась почти половина группы. Поражение в схватке почти всегда означало провал.

Братья прибыли на экзаменационную арену с небольшим опозданием. Первый бой уже был в разгаре; они суетливо поднялись на трибуны. На широкой каменной плите над ареной чакрой горели имена экзаменуемых:

Али Макарано. Чакра Огня. Меч.

Селлах Реттер. Чакра Огня. Арбалет.

Али Макарано училась в параллельной группе. Она принадлежала одному из сильнейших кланов Северного Ханства: Макарано славились своим искусством владения Огнем и собственной уникальной чакрой. Она была невысокого роста, с длинными каштановыми волосами, сейчас собранными в хвост.

В бою она показала себя хладнокровной, решительной и удивительно искусной воительницей, – совсем не похожей на милую, улыбочивую девчонку, как о ней говорили друзья; словно, взяв в руки меч, она превращалась в другого человека. Селлах была уже на пределе, на ее теле было множество ран. Инг в ужасе смотрел на арену, подавшись вперед и до дрожи сжимая кулаки. Еще немного, и он не выдержит – рванет через трибуны к своей Селлах и спасет ее от этой Макарано.

Али выпустила поток чакры – мощный золотистый пламенный ветер, сбивший Селлах с ног. В мгновение ока она оказалась перед Реттер и приставила к ее горлу меч. Реттер была не в силах сопротивляться. Бой окончен.

Инг, растолкав сидящих перед ним, кинулся к ней и при-

поднял ее голову над пыльной ареной.

– Держись, Селлах! – прошептал он, встревожено глядя ей в глаза.

Она попыталась выжать улыбку. Медики забрали ее у Инга и отвезли в госпиталь. Он стоял и смотрел им в след, не думая о том, что сейчас должен был начаться следующий бой. Он не замечал и того, что Али не отрывала от него виноватого взгляда.

Уходить с арены ему не пришлось. На каменной плите над ареной загорелись следующие имена

Инг Сефид. Чакра Огня. Превращение в зверя.

Артур Сен. Чакра Воды. Арбалет.

Никто не сомневался, что этот бой закончится быстро, и по трибуне прошел сочувствующий Артуру шепот.

Инг принял облик дикобраза. Артур старался не подпускать его к себе, пустив в ход свой арбалет. Он ни разу не промахнулся, несмотря на ломаную траекторию движения и немалую скорость Инга. А Сефид плевать хотел на раны. Он прыгнул на своего противника, сбив его с ног, и занес когтистую лапу. Артур Сен выставил перед собой щит из чакры Воды. Инг пустил в лапу чакру Огня и попытался пробить щит. Его удар отразился на самого Инга, здорово его разозлив. Тогда неожиданно для всех Инг тоже применил свою непрофильную чакру Воды, чтобы перетянуть защиту у Артура. Это не составило особенного труда, – Сен не был способен долго поддерживать технику. Артур пробовал исполь-

зовать найшу, но это было бесполезно: Инг игнорировал любые ранения. Бой остановили, когда он был уже полностью обезоружен и прижат Ингом к арене.

Услышав долгожданный сигнал об окончании поединка, Инг побежал к госпиталю, даже не приняв человеческое обличие, благо он не был обязан дожидаться результатов экзамена (очевидных в его случае). В госпитале ему пришлось немного остыть, потому что к Селлах его не пустили, пока не обработали его собственные раны.

Он пробыл с девушкой до полудня, почти все время держа ее за руку, пока к ней не явился еще один гость. Это был отец Алекса, Николас Сефид. Инг встал, чтобы поприветствовать его, Селлах приподнялась в постели.

– Не беспокойся, Селлах. Присаживайся, мальчик. Ты сегодня был хорош, особенно впечатлило перетягивание щита несчастного Сена.

– Что с ним будет, Мастер? Он снова провалился?

– Да, снова. Не лежит у него душа к воинскому искусству. Но мне кажется, тебя больше интересует другой вопрос.

– Конечно! Скажите, Селлах прошла?

Николас по-отечески улыбнулся и сказал:

– Я отвечу на этот и на все последующие вопросы сразу. Я набрал команду из четырех воинов. За мной числятся Селлах Реттер, Инг Сефид, Алекс Сефид и Максим Дард.

У Инга в глазах загорелся огонь. Он улыбнулся, показав свои крупные клыки, как охотничий пес. Это значило, что

все они успешно сдали экзамен и теперь будут работать в одной команде, во главе с самим Николасом Сефидом! Все именно так, как хотели они с Селлах и Алексом! А кроме того им четверым присвоено звание сихэ Ширу, то есть первый из пяти рангов сихэ.

Как только Селлах пришла в себя, новоиспеченная команда присоединилась к поискам лесных крыс юривай, которые способны менять цвет своей шерстки, подстраиваясь под окружающую среду. Обнаружить их возможно только в брачный сезон, то есть сейчас, в июле. Помимо маскировочного таланта, крысы обладают исключительным обонянием и прекрасно поддаются дрессуре, поэтому каждое лето сихэ отлавливают их, чтобы использовать в разведке.

Старшим в группе был назначен Алекс. Вскоре после начала поисков он принял решение разделиться.

– Инг, в интересах операции, я пойду с Селлах, а ты – с Максом. Иначе ты захлебнешься слюной, глядя на прекрасную девушку. Что я скажу отцу?

Ингу ничего не оставалось, кроме как порычать на брата и подчиниться. Алекс и Селлах быстро удалялись на запад, перепрыгивая с ветки на ветку огромных деревьев, как ловкие обезьяны. Инг провожал их взглядом и не спешил трогаться с места.

– Хорошо, что они ушли, – вдруг сказал Максим.

– Почему? Ты что тоже думаешь, что я способен захлебнуться слюной, глядя на Селлах?! – Инг изобразил на лице

возмущение и тут же рассмеялся.

– Нет, – Макс не разделял его веселья, – Я хочу покинуть деревню.

– Ну, так мы уже не в деревне!

– Нет, ты не понял, Инг. Я хочу насовсем уйти из деревни.

– Что ты несешь?! Хочешь стать вором³?! Ты же потеряешь запах нашей деревни, и тебя убьет любой сихэ, которому от нечего делать взбредет в голову поохотиться на воров!

– Кто бы читал мне лекции, Инг? Ты вчера это вычитал в учебнике? Да, я стану вором. Иначе все эти бессмысленные миссии будут мешать мне сделать то, чего я ждал уже так давно. Мне кажется, этот разговор бессмысленным, Инг, так что просто не мешай мне.

– Слушай, Макс, я не знаю, что на тебя вдруг нашло, и...

– Вдруг!? – взорвался Дард, – Я ждал этого дня три года! С тех самых пор, как погибла моя сестра!

Инг сделал порыв подойти к Максусу, но тот отступил и потянулся за найшу; Инг замер.

–Твоя сестра ведь пропала, а не погибла.

– Я видел, что она погибла! Я все видел своими глазами!

И я должен сам найти и прикончить того, кто это сделал!

– А ты знаешь, кого искать? Тогда нужно организовать поисковый отряд и...

³ **Воры** – бывшие воины, предавшие свою деревню или изгнанные из нее. Часто образуют преступные группировки. Убийство ара не считается нарушением закона и поощряется.

– Они говорят, это было не убийство, – в очередной раз перебил его Макс, – Никаких доказательств против него якобы нет, а запаха смерти вообще «не обнаружили»! Но это он сделал, я видел. Я сдал выпускной экзамен в числе лучших, значит, на что-то гожусь. Я найду его и уничтожу. И если ты встанешь на моем пути, я уничтожу и тебя.

– Ты в своем уме?! Почему раньше не говорил об этом?! Я бы всю деревню на уши поднял, чтобы наши ищейки прочистили свои носы! Я никогда не позволю тебе стать вором! Даже во имя твоей сестры.

– Никогда не позволишь? – ухмыльнулся Макс, – Ты уверен?

– Только через мой труп! – оскалился Инг.

– Будь осторожнее со словами, – Макс начал концентрировать чакру Огня.

– Я не возьму их назад.

– Тогда придется за них ответить!

Селлах Реттер и Алекс Сефид уже были на большом расстоянии от места, где оставили Инга и Макса, которые сейчас начали жестокий бой. Они решили тоже разделить между собой, договорившись встретиться после заката на условленном месте.

Алексу, надо сказать, повезло – он нашел целое гнездо юривай. Правда, лесная крыса, почуяв его запах, удрала вме-

сте со своим выводком, так что Алекс чудом успел ухватить только одного детеныша. Малыш сначала вырывался и беспрерывно пищал, но очень скоро обнаружил, что карман Алекса – место вполне пригодное для сна.

Сумерки начали сгущаться, заливая лес темнотой. Алекс уже дожидался Селлах у большого развилистого ясеня.

Она шла к условленному месту с чувством досады: за весь день ей не удалось поймать ни одной юривай. Пробираясь сквозь заросли, она думала о том, как бы оттянуть встречу с Алексом.

Неожиданно она ощутила чужую чакру и чей-то внимательный взгляд на себе. Это было похоже на чакру Инга, только от нее почему-то было жутко.

– Инг? – позвала Селлах.

Никто не ответил. Странное чувство усилилось.

Селлах услышала поблизости шорох. Властным движением ее развернули и прижали к дереву. Прямо на нее смотрели холодные серые глаза, расчерченные синими стрелами. На бледный лоб незнакомца падали рваные пряди темно-синих волос. Его высокую худощавую фигуру скрывал плащ с особым узором на груди, выдававший в нем адепта секты Кеаго.

Если откинуть личностное отношение к этим сомнительным типам, «секту» Кеаго правильнее было бы назвать орденом. Помимо религиозных ритуалов и жертвоприношений своему богу Дождю, они занимались изобретением новых боевых техник, нередко поражающих воображение даже са-

мых умелых воинов. В частности, у всех Кеаго на шее есть печать, позволяющая смешивать чакру Воды и Тьмы, что многократно увеличивает их силу.

Селлах сковал страх. В свете луны блеснули острые лезвия, прикрепленные к кожаной перчатке сектанта. В следующее мгновение эти когти коснулись ее лица, а вторая рука Кеаго схватила ее за шею. На левой щеке Селлах появилась тонкая струйка крови.

Боль привела ее в себя, и Селлах нанесла сильный удар кулаком с сосредоточенной в нем чакрой Огня. Она прожгла плащ сектанта и почувствовала, что на его впалом животе выступила кровь, но Кеаго так и не отпустил ее. Он сильнее сжал ее горло и впился своим безумным взглядом. Малейшее движение Селлах, и он сдавливал горло с новой силой. Она замерла, и Кеаго снова поднес к ней свои когти. К ее удивлению, он не прирезал ее, а стал выводить на лице символ из кровоточащих шрамов.

– Кнес⁴ Сатанг? Что ты делаешь? – раздался за его спиной растерянный голос молодого мужчины.

– Не лезь в дела своего Кнеса, – ответил ему Кеаго, не отрываясь от Селлах – Заканчивай повсюду совать свой длинный нос.

– Я не посмел бы потревожить тебя, Кнес Сатанг. Твои дела – это тайна, которую будут знать только Дождь и моя могила. Но я видел неподалеку двух наших братьев, они что-

⁴ Кнес – глава секты Кеаго.

то заметили здесь и побежали прочь. Я пришел сюда только для того, чтобы увидеть, что же их так ужаснуло.

– Даже если они видели меня, они оказались умнее тебя. Бежать, что есть мочи, увидев то, чего ты знать не должен – так бы следовало поступить и тебе, – Сатанг все еще не отпускал Селлах, которая не смела и шевельнуться, – Но, так и быть, я вернусь в пещеру. Возможно, Дождь послал мне тебя. Иди своей дорогой, брат.

– Тебе не нужно предупреждать меня о необходимости молчания, – поклонился ему Джакомо.

Сатанг бросил Селлах на землю, и она захлебнулась кашлем, встав на колени. Когда она опомнилась от первых раздражающих горло приступов и посмотрела вокруг, брат Джакомо был рядом с ней. Она потянулась за найшу, все еще кашляя и пытаясь подняться на ноги.

– Я тебе не враг, – сказал он.

– Ты же Кеаго!

– Вот еще! Я работаю под прикрытием. Вообще-то я думал, вся моя конспирация полетит к чертям, слишком уж у меня много знакомых. Неужели ты обо мне не слышала?

Он очаровательно улыбнулся, что шло вразрез с тем образом, который он выдерживал в присутствии Сатанга. Селлах хотела еще что-то спросить, но снова закашлялась. Джакомо усадил ее у дерева и дал воды. Когда ее кашель утих, он смыл с ее лица и шеи кровь и смазал рану какой-то зеленоватой мазью.

Жаль, конечно, что и вы наверняка не слышали, каким славным парнем был Джакомо Рубрус, Суури деревни Ма⁵, то есть сихэ рангом выше Мастера. По имени его мало кто называл – обычно просто Рубрус. Он был очень хорош собой, высокого роста, с ассиметрично обстриженными каштановыми волосами. У противоположного пола Рубрус пользовался огромной популярностью. Самый громкий его роман с наемницей крестьянского происхождения был на слуху, наверное, у всего Ханства. Надо сказать, после их расставания эта девушка немало повлияла на решение Комохо Ма заслать к Кеаго агента, а также на подбор для этой миссии подходящей кандидатуры – собственно бывшего любовника.

– Сатанг, которого я называл Кнесом, нарушает правила собственной секты. Поэтому он так быстро и сбежал, когда понял, что его могли видеть другие. Хотя ты же сама поняла, что не видел его никто, кроме меня. Про других это я приврал.

– Значит, подло нападать на невинных девушек – это вне ваших правил? Уже радуется! – фыркнула Селлах.

– Не «ваших» а «их»! – поправил Рубрус, – Нападать на девушек никто не запрещает, но такие жертвы должны приноситься от лица всех братьев сразу. А Сатанг хочет присвоить все себе и выгородиться перед их божком самым лучшим. Кеаго вполне могли бы убить его за это.

⁵ **Деревня Ма** – селение сихэ, западная застава Северного Ханства. Находится приблизительно в двух днях езды от деревни Ту.

– Так это было жертвоприношение? – спросила Селлах и сделала еще глоток из фляги.

– Да, один из их ритуалов. Будь осторожна, Сатанг теперь может тебя преследовать. Если он сможет закончить печать, твой аккуратный шрамик превратится в мучение на всю оставшуюся короткую жизнь.

Селлах обнаружила, что ее рана на глазах затягивается под воздействием мази, которая уже почти полностью впиталась. Она поблагодарила Рубруса, так неожиданно пришедшего ей на помощь – в ее глазах одного из Кеаго с неуместно обостренным чувством справедливости. Он лишь беззаботно отмахнулся и попрощался с ней. Селлах почти бегом направилась на место встречи с Алексом, а Джакомо зашел еще чуть глубже в лес.

Остановившись через несколько минут, он огляделся, присел около старого дерева и вытащил из-под его вздыбившихся корней сверток плотной бумаги. В этой бумаге в общих чертах описывались предполагаемые действия Кеаго на ближайшее время. Большого Рубрус и не ждал от своего агента: проклятые фанатики никогда не строили четких планов, полагаясь на волю своего бога.

Правитель деревни Ма имел виды на земли соседнего селения и собирался отстоять право на них, для чего привлекал на свою сторону Кеаго, для которых предусмотрел возможность свободного проживания на этой территории. Задача Рубруса состояла в отслеживании планов Кнеса и изме-

нений подводных течений внутри секты. Пока он успешно находил подход к Сатангу, действуя через одного из своих завербованных агентов. Если только можно назвать так любимую девушку, которая состоит в секте Кеаго.

Деревня, на которую должны были напасть воины Ма и Кеаго, располагалась на самом севере Ханства и занимала самую крупную территорию, которая всегда прельщала ее менее сильных соседей. Джакомо сразу понял, что Селлах родом из этой самой деревни. Но размен это могло иметь для него значение, если прекрасная девушка оказалась в беде?

Инг лежал в палате госпиталя, заложив руки за голову и сосредоточенно глядя в одну точку. Его черные брови чуть дрожали от напряжения. Он вспоминал свой бой с Максимом, который последнее время значительно превосходил Инга в боевых искусствах. Тем не менее, Инг чуть не прикончил своего друга, когда его чакра Огня внезапно вышла из-под контроля.

Впрочем, друга ли? Можно ли назвать Максима другом, если он решил отказаться от деревни, за которую Инг был готов умереть? И имеет ли он право назвать другом того, кого несколько часов назад в бессознательном состоянии сдал тюремной страже, доложив о попытке дезертирства. Инг никак не мог вспомнить подробности этого боя, стерты из памяти охватившим его гневом. Он помнил только, что такой

сильной его чакра Огня не была еще никогда. Дойдя до пика ярости, он вдруг обрел небывалое прежде спокойствие и уверенность, словно наблюдал за ходом боя со стороны. У Макса не было никаких шансов против того безжалостного холодного монстра, которым он стал в тот момент.

Инг зевнул и почувствовал, что напряжение постепенно отпускает его. Начало действовать лекарство. Вообще-то, он собирался покинуть госпиталь, как только его раны затянули с помощью исцеляющей чакры. Но медики были неумолимы: повязки с заживляющей мазью, какое-то вонючее зелье и два часа полного покоя.

Мягкие лучи заката и сонливость обволакивали его и тащили в спокойную темноту.

Инг не заметил, как уснул. А когда проснулся, солнце уже село, и в палате было темно. Но он сразу заметил, что у окна кто-то стоит.

– Ты очнулся!

Он узнал Али – девушку, которой, видимо, снесло крышу от собственной силы. Откуда в ней взялась та жестокость, которую она показала в бою с Селлах на экзамене, когда одну за другой наносила ей тяжелые раны? Это было не стремление к победе, а желание уничтожить врага, как на настоящей войне. При этом все говорили о ней как об улыбчивой общительной девушке, талантливой и обаятельной. Вот и сейчас она улыбалась Ингу – вполне располагающе.

– Я просто слегка задремал, – сказал он, сев на кровати и

спустив ноги на пол.

– Да? А я боялась тебя побеспокоить. Решила немного подождать, и вот ты... – Али опустила взгляд, и улыбка ее стала смущенной, а щеки покраснели.

– Я не понимаю, зачем ты пришла. Тебя совесть что ли мучает? Скажи все, что хочешь сказать, Селлах в лицо.

– О чем ты? – она искренне не понимала, за что ее должна мучить совесть, и смотрела на него своими выразительными глазами цвета коньяка, – Ты про экзамен? Я вообще-то пришла не за этим. Но, раз уж ты напомнил... Понимаешь, для меня бой это бой – так я воспитана. Мне жаль, что моя соперница, – тут она осеклась, – соперница на экзамене, мне жаль, что она пострадала.

– Сейчас она уже в порядке. Ну и постаралась же ты! И, по-моему, получала при этом удовольствие.

– Может быть, и получала, – неожиданно ответила Али и снова посмотрела ему в глаза, – На все могут быть причины, не так ли? Ты ведь не собираешься мстить мне за то, что я оказалась намного сильнее, чем она?

– Не собираюсь, – тяжело ответил Инг.

– Это хорошо. Вне боевой арены я никогда не позволила бы себе ничего подобного, что бы я не чувствовала к человеку, если он родом из моей деревни.

Инг раздраженно вздохнул. Он понимал, что не должен вмешиваться в вопросы чести двух соперников, даже если одним из них была его дорогая Селлах.

Али подсела рядом к нему на кровать. Не слишком близко, – интимная обстановка в полумраке ночи и без того складывалась сама собой. Луна, светящая в окно, была единственным источником света.

– Слушай, тебя ведь не смущает, что я Макарано? – спросила она.

– Твой клан считают одним из самых сильных и уважаемых. Ты и сама это знаешь. На комплименты нарываешься?

– Ни на что я не нарываюсь! – Али снова покраснела, – В деревне нас уважают, это правда. Но Кеаго всегда нас ненавидели. Это началось еще с вражды Древних Демонов⁶. Ты-то должен знать.

– При чем тут Кеаго и Древние? Не понимаю.

Инг встал и подошел к окну. Он опасался, что Али может заговорить об одном из Древних – Агварэсе, который каким-то образом был связан с самим Ингом.

– Ты прав, Кеаго ни при чем, – ответила она, – Я уже поняла, что ты не такой, как они.

– Я ни разу в глаза не видел ни одного Кеаго. Почему это я должен быть похож на них?

«Неужели он не знает?» – растерянно подумала она, глядя на Инга распахнутыми глазами, – «Или он просто не хочет говорить об этом?»

⁶ **Древние Демоны** – четыре Демона, первыми созданные непосредственно Дьяволом Денницей, имеющие не только темное, но и собственное начало. Среди них: дикобраз, росوماха, волк, ягуар.

– Наверное, я не с того начала. Дело в том, что я не просто Макарано. Я Царица Ягуаров.

– Возможно, это величайшая дерзость с моей стороны, Ваше Величество, но до сего дня я понятия не имел о том, что у ягуаров тоже есть цари, – Инг отвесил ей шутовской поклон.

– Да ты совсем ничего не знаешь! Разве вам не рассказывали об этом в академии?

– Что-то рассказывали, – Инг смущенно почесал затылок, – Я знаю, что Макарано подписывали мирный Договор между силами Света и Тьмы.

– Да, да, так и было, – покивала Али, – Макарано представляли сторону Земли и человечества при заключении второго Договора. Нас выбрали потому, что мы происходим от Древнего Демона-ягуара Макарано. И, кстати, унаследовали его золотую чакру.

– Получается, у вас есть и темная чакра? Ведь у всех Демонов она есть.

– Темная чакра была только у первых Макарано, мы давно уже ее утратили. Люди нашего клана вступали в брак исключительно с людьми. Но тайну золотой чакры ягуаров мы передавали из поколения в поколение с помощью особой печати. Так мы стали носителями самой сильной чакры, доступной людям. Поэтому, заключив договор, силы Света и Тьмы сделали нас своего рода гарантом сохранения мира. Младшей женщине из чистой линии клана Макарано они даровали меч, в котором заточили Демона, и приставили служить

ей одного из сильнейших светлых на Земле.

– Почему это они отдали меч с заточенным Демоном именно младшей женщине? – спросил Инг.

– Я думаю, потому, что она на тот момент была еще совсем маленькой. Старшие внушали ей, что она – хранительница разрушительного оружия, воспользоваться которым может только в случае самой страшной опасности. Впрочем, первая Царица Ягуаров ни разу не призывала Демона, потому что вообще не умела обращаться с мечом. Нам не запрещают становиться воинами, просто стараются найти для нас другое дело... Я потому и становлюсь такой в бою, – тихо закончила она.

– Понятно, – буркнул Инг и отвернулся к окну, обдумывая все сказанное.

Али подошла к нему и сказала:

– Сегодня видно созвездие Росомахи.

– Я люблю смотреть на него. Слышал, его создал сам Агварэс. В честь своей Антарес, наверное, она ведь дикобраз. Там даже есть звезда, названная ее именем.

– Я тоже люблю это созвездие. Правда, в прошлом месяце его было видно получше, – она открыла окно и вскарабкалась на подоконник, – Если тебя не беспокоят раны, полезли на крышу, посмотрим на него.

– Давай! – оживился Инг.

Они забрались на крышу, перебираясь по крупным кирпичам здания госпиталя. Небо над ними было нескромно чи-

стым, не прикрывая ни единым облачком все свое звездное великолепие. Все семнадцать звезд созвездия Росомахи ярко сияли над ними. Несколько минут они молчали, любуясь небом и ночью.

– Али, – позвал Инг, – ты сказала, что Царице Ягуаров, тебе то есть, служит сильнейший светлый. Я думал, самый сильный светлый это наш Хан. Неужели..?

– Нет, я сказала не «сильнейший», а «один из сильнейших». Конечно, Хан мне не служит, это невозможно. Но таким же сильным светлым началом, как Хан обладает еще и Харар.

– Харар! – воскликнул Инг, – Это тот парень, которому Хан поставил такую же печать, как своему сыну, и передал самую сильную светлую чакру?

– Вообще-то первый Харар и был сыном одного Хана. Младшим. Хан исхитрился поставить печать Света не только своему старшему сыну, как должен был, а им обоим. Власть, как и полагается, продолжала передаваться внутри ханского рода, а от младшего сына Свет перешел к его лучшему воину. Тот перед смертью поставил печать своему другу, и так далее. Короче, так и появились Харары – обладатели сильной светлой чакры, не принадлежащие к ханской семье.

– Значит, они так всех могут сделать светлыми?

– Эта специальная печать устроена так, что Харар может быть только один, – она произнесла это очень уверенно, но тут же тише добавила: – Я сама толком не могу объяснить,

почему так должно быть, и как все это устроено. Спроси лучше у Николаса. Сейчас ведь он Харар.

– Николас?! – Инг смотрел на нее во все глаза, – Алекс мне ничего не говорил! Я знал, что наш учитель крут, но не настолько же! От кого, интересно, он получил свою печать?

– Я не знаю.

Али смущенно улыбнулась, и неожиданно ее взгляд выдал все ее чувства. В ее глазах была влюбленность, преданность и восхищение.

Инг застыл, пытаясь осознать свое открытие. Не теряя ни секунды, Али поцеловала его в щеку и исчезла.

Когда Максим очнулся, еще до того, как он смог открыть глаза, в его голову стали ввинчиваться звуки капающей с потолка воды. Уже через минуту это стало здорово раздражать. Злость встряхнула нервы и позволила расширить рамки восприятия: он ощутил холодный камень и сквозняк. Его руки и ноги были скованны, а сам он лежал на полу тюремной камеры. Все его тело ныло и горело после боя с Ингом. О помощи медиков заключенные по статье «дезертирство» и мечтать не смели. Максим кое-как сел, облокотившись на стену, и сплюнул густой красной слюной. Отяжелевшие веки накладывали на скромный интерьер камеры мутную сетку густых ресниц.

Вдруг за дверью послышались шаги. Макс сразу понял,

что зайдут именно к нему. Ему стало противно при мысли о том, что сейчас придется слышать чей-то голос. Открылась мерзкая скрипучая дверь, и стражник ввел черноволосую девушку.

– Я всегда знала, что оба моих брата рано или поздно окажутся в тюрьме, – сказала она и улыбнулась.

– Ты кто такая? – с трудом проговорил он.

– Я Лина Дард, сестра твоя.

– Моя сестра мертва, – голос Макса оставался ровным и тихим, но он был готов вывалить на незнакомку целый спектр эмоций: от гнева до крайнего любопытства.

– Я абсолютно жива, – улыбнулась она, – Ты мне не рад?

– Не смей даже упоминать мою сестру. Что тебе надо?

Максу пришлось приложить усилие, чтобы сфокусировать зрение на образе девушки. Такая же астеничная, смуглая, как он сам, с длинными черными волосами. Яркие черные глаза, аккуратные широкие брови, вздернутый нос – все в точности, как у его родной сестры Лины.

– Ты ведь сам уже понял, что я не лгу, – она присела на пол рядом с ним, – Что с тобой произошло?

– Теперь уже не знаю, – выжал Макс, – Я хотел уйти из деревни, чтобы найти Айрана. Он ведь убил мою сестру! Поймай, я ведь сам все видел!

– Наш старший брат убил меня? Как такое могло быть? В иллюзии, которую сотворил Айран, меня убивал вор! Так он мне сказал, по крайней мере.

– В какой иллюзии? О чем ты? Хотя не важно, я плохо соображаю. Расскажешь мне все потом, я могу вырубиться.

– Ты совсем плох, брат. Надо тебя отсюда вытаскивать. Мне ужасно жаль, что я не владею исцеляющей чакрой. Все, что я могу для тебя сделать – забрать в Ад. Но придется дать тебе силу Шегана⁷, чтобы ты там выжил в таком состоянии.

– То есть ты усилишь мое темное начало?

– Да, ты еще кое-что соображаешь. Тебе сейчас не продержаться даже на самых верхних Уровнях Ада. Так что я переведу твоё темное начало на вторую ступень. Это должно быть безопасно.

– Почему ты сомневаешься? – с трудом проговорил Макс, тут же забыв, о чем спрашивал.

Его накрыл приступ тошноты. Только сейчас он заметил сильное кровотечение из раны под ребром.

– Соберись, Макс, я сделаю это прямо сейчас, – сказала Лина.

Она впустила в его сердце темную чакру, как разряд электричества. Макс ощутил вспышку боли. На смену ей пришло ощущение тяжелой новой силы.

Солнце уже почти село, когда Рубрус с опозданием прибыл на место встречи Кеаго. Его ожидал крупный отряд воинов-сектантов в сопровождении нескольких десятков чер-

⁷ **Шеган** – человек с темным началом второй ступени развития.

ных волков и огромных седых воронов.

– Ждать таких, как ты, не в моих правилах, – бросил Сатанг.

Джакомо почтительно поклонился и пробормотал извинения.

На него, не скрывая ухмылки, смотрела девушка в легком плаще – тот самый агент, поставляющий ему информацию о решениях Кнеса. Благодаря ей, Рубрус заранее знал, что Кеаго не станут ломать планы его Комохо и присоединятся к войску деревни Ма, которое еще вчера выдвинулось к деревне Ту. Эту девушку звали Амба. Она была среднего роста, с короткими светло-пепельными волосами и такими же, как у всех Кеаго, прошедших обряд инициации, глазами – стальными, с синими полосками на радужке.

Отряд шел всю ночь. Амба держалась рядом с Рубрусом и тихо говорила с ним о чем-то, иногда мотая головой, чтобы отбросить с глаз отросшую челку, или улыбаясь ему – радостно и дерзко, как скалятся волки.

Когда Кеаго добрались до деревни Ту, солнце уже вставало. Но небо было затянуто такими темными тучами, что расцветные лучи тонули в них, не достигая земли. Кеаго нашли в этом добрый знак. Они посчитали ниже своего достоинства проверять, прибыл ли отряд из Ма, и согласовывать с ним свои действия. Небо дрогнуло. Вороны замахали крыльями, а черные волки завывали, призывая к бою.

Сектантов заметили из обзорного пункта деревни Ту. Тут

же мобилизовался дежурный отряд, и вскоре сихэ вышли навстречу Кеаго. Начался бой.

Звон пересекшихся в полете найшу. Движения воинов так стремительны, что уследить за ними невозможно. Николас Сефид во главе с Селлах, Ингом и Алексом оказался в эпицентре сражения.

Инг послал чакру в найшу и метнул его в сектанта. Кеаго отбил его своими когтями и оскалился, показав большие клыки (такие же, как у самого Инга). Сефид снова атаковал, уже в ближнем бою. Удар был блокирован. Кеаго толкнул его вперед, при этом ранив когтями. Инг, опираясь на руки, нанес удар ногой, и, провернувшись, снова атаковал шурикенами⁸.

Со спины на Сефида напал другой Кеаго. Но щит из чьей-то сильной чакры заслонил его от подлой атаки.

– Джакомо Рубрус, будем знакомы! – выпалил незнакомец, защитивший Инга.

– Инг Сефид! – ответил он и задним числом понял, что его без всяких на то причин защищает человек, одетый в плащ с символикой секты Дождя.

Селлах создавала из чакры Огня шары и в облике гарпии бросала их с воздуха. Ее ранили найшу в крыло, и она вынуждена была приземлиться. Налету приобретая человеческий облик, она сбила с ног Кеаго и перерезала ему горло.

Николас с найшу в обеих руках, вел стремительный ближ-

⁸ Шурикен – метательное оружие сихэ в виде стальной звезды.

ний бой одновременно с несколькими противниками. Внезапно он замер, заметив в мельтешащей толпе лицо своей дочери. Амба, родная сестра Алекса, урожденная Сефид, два года назад покинувшая деревню и ставшая вором, теперь была в стане его врага. Не просто врага – она была в числе тех, кого презирало все естество Николаса. Замешательство стоило ему раны в плечо. Он очнулся и в ярости поразил сектанта сильным потоком чакры Огня.

К этому времени на поле боя появились воины деревни Ма. Тучи в очередной раз угрожающе зарычали.

Меч Комохо Ма пронзил тело учителя из академии сихэ, Иллиса, который неожиданно появился на его пути. Рана такая серьезная, что Иллис уже не смог подняться.

Инг, увидевший это, бросился на воина высшего ранга, не думая ни о чем, кроме мести за своего первого наставника. Комохо в совершенстве владел своим коротким мечом и чакрой Ветра (о существовании которой большинство выпускников академии только читало в книжках). Инг не выстоял бы в этой схватке трех минут, и, вероятно, разделил бы участь Иллиса, не будь рядом так сильно влюбленной в него девушки.

У Инга сильно кровоточил разодранный бок. Комохо замахнулся мечом, уверенный, что с мальчишкой покончено. И тут перед Ингом возникла Али и приняла удар на себя. Из последних сил она глубоко вонзила найшу в солнечное сплетение Комохо. Оба они упали замертво.

Инг оттащил Али в сторону и навис над ней. «Я люблю тебя!» – сказала она тихим голосом, жадно глядя ему в глаза, и Инг уже ничего не слышал, кроме этих слов.

Снова грянул гром, и обрушилась стена ливня. В нем утонули Инг и Али, и поле битвы и земля, пропитанная кровью. Ее сердце больше не билось. Знакомый гнев подступал к горлу Инга, а незнакомая влага скапливалась в глазах.

До краев наполнившись дрожью, он выпустил в небо столб чакры Огня и ринулся в бой. Теперь, когда Али поставила его жизнь выше своей, он должен был оказаться достойным этой жертвы. Инг знал, что уничтожит любого, кто пришел с войной на его землю.

В последний день второго месяца лета деревня Ту начала готовить ответное выступление в деревню Ма. Инг, Селлах и Алекс вошли в этот отряд без своего наставника, которому Комохо доверил какие-то важные организационные работы. Максима Дарда, конечно, тоже не было с ними. Николасу уже сообщили о его непостижимом побеге из тюрьмы, уйти из которой не представлялось возможным для обычного си-хэ. Стены камеры не были повреждены, к тому же, благодаря чакре стражников, они считались абсолютно устойчивыми к любым атакам. Единственный способ покинуть это место оставалась техника телепортации Хантай-Ни, но владеть ей могли только светлые и темные. Помочь ему тоже было

некому, ведь все допрошенные стражники, как один, утверждали, что никаких посетителей к Дарду не пускали.

Но исчезновение Максима сейчас меньше всего волновало Селлах Реттер и братьев Сефидов, ожидающих прибытия к точке сбора еще нескольких десятков сихэ и командира их отряда. Они пришли сюда в компании своих бывших сокурсников, и всю дорогу Алекс в красках рассказывал приятелям о своих подвигах в их первом большом сражении. Те не отставали и при каждой возможности перебивали его. Увлечшись болтовней, он не заметил, что Инг и Селлах за все это время не проронили ни слова и даже как будто его не слышали.

Теперь эти двое так же молча сидели спина к спине на большом валуне, глядя каждый в свою сторону. Селлах вспоминала вчерашний бой: как она, раззадоренная сражением, летала в облинии гарпии над полем боя и метала в Кеаго свои огненные шары. А когда ей пришлось приземлиться, она удивительно легко впервые убила человека. Но все это меркло перед врезавшимся ей в память зрелищем, представшим перед ней чуть позже. В высь устремился поток чакры Огня – такой плотной, как горящий ствол дерева. Этот столб стремительно приближался к ней, уничтожая все на своем пути. Вскоре она смогла различить в красно-оранжевом пламени Инга в облинии дикобраза, до смерти похожего на канонические изображения демона Агварэса. Внезапно Селлах поняла, что не может сдвинуться с места, как в

лесу, когда на нее напал Кеаго по имени Сатанг. Инг был уже рядом, и ей показалось, что он может не узнать ее и порвать на части. Но в нескольких шагах от Селлах он рухнул на землю, и столб Огня исчез. В этот момент началось экстренное отступление сихэ Ма. Селлах вынуждена была уйти с их пути, потому что уходили они так стремительно, словно были единой отхлынувшей волной океана.

– Что это с вами обоими? – вернувшийся из шумной компании Алекс перебил ее волнующие воспоминания, – Ладно Селлах, ей можно находиться под впечатлением от первой резни, все-таки девушка. Ты-то, брат, что? – обратился он к Ингу, который тоже был мрачнее тучи.

– Знаешь что-нибудь о потерях с нашего потока? – спросил его Инг и сам не узнал свой тихий хриплый голос.

– Почти вся наша группа здесь, двоих я видел в деревне, трое в госпиталь попали, но все живы. Про другие группы, правда, не узнавал.

– Не все, – перебил его Инг, – Не все живы, Алекс.

– Не все? – повторил он, шокированный новостью, которая делала его настроение совсем неуместным.

– Али погибла.

Алекс помрачнел. Селлах осторожно обернулась, чтобы посмотреть на Инга, но увидела только его спину. Мысль о том, что смерть Али так выбила его из колеи, заставила руки девушки дрожать. А то, что он видел все своими глазами, объясняло, почему вчера он потерял над собой контроль.

Реттер резко поднялась с валуна и отошла в сторону.

Большую часть отряда составляли Ширу – выпускники этого и прошлого года. Вскоре подошли сихэ рангом повыше – Секацу, – и командир, один из Мастеров. В приветственной речи командира не было ожидаемого воодушевления и настроения на победу – лишь холодный приказ не щадить себя. Инг подумал, что именно это он и хотел услышать: напоминание о смерти, дышащей каждому в затылок, заставляло собрать волю в кулак.

Через несколько часов пути отряд остановился на привал. С помощью чакры сихэ быстро развели костры. Пока Селлах помогала группе новичков разжечь огонь, к Ингу и Алексу подошел командир.

– Задание вашей команде. Разведать обстановку далее по маршруту следования, – он протянул Ингу карту, – Если встретите наших друзей из Ма, на рожон не суйтесь. Ваша задача – собрать информацию, остаться незамеченными и вернуться.

– Можете на нас положиться, – сухо сказал Инг.

В его голосе чувствовалось презрение к этим разъяснениям. Что, мол, он не знает, что такое разведка? Командир строго покосился на него. Развиться конфликту не позволило только появление Селлах.

– Я с ними в команде, Мастер. У нас миссия?

– Мы справимся вдвоем, – сказал ей Инг.

– Это решать командиру.

– Задание для всей команды, – решил Мастер.

Осматривать территорию было решено «поверху» – не спускаясь с деревьев на землю. С помощью специальной прыжковой техники они перелетали с ветки на ветку и быстро отдалялись от места стоянки отряда.

– Что, если бы я не успела подойти вовремя? – наконец спросила Селлах.

– Подождали бы тебя! – ответил Алекс.

– На самом деле лучше бы ты отдохнула. Мы бы скоро вернулись. На таких заданиях чем меньше команда, тем лучше, – сказал Инг.

– Значит, команда? Вы двое?

Селлах почти не обращала внимания на дорогу, несмотря на риск повредить лицо ветками.

– Нет, без тебя – не команда! – твердо сказал Алекс.

Они остановились на толстом суку, почувствовав, что разговор принял серьезный оборот. Алекс сел ближе к стволу, Инг стоял и смотрел Селлах в глаза.

– Мы команда. Но я думал, если ты останешься, для тебя так будет лучше. И для задания.

– Уже хорошо, что команда, – Селлах отвернулась и сжала кулаки, – Но только лишь?

На секунду у Инга перехватило дыхание. Он не ожидал, что разговор примет такой оборот.

– Сейчас непросто думать об этом. Если я правильно понял тебя.

– Боюсь, что правильно. А может быть, не понял совсем совсем-совсем ничего.

Команда продолжила путь.

Тем временем за ними наблюдал другой отряд, затаившийся в засаде. Обнаружить их в густых зарослях бескиты без использования чакры было, пожалуй, невозможно – сихэ Ма всегда славились своим мастерством маскировки. Их отряд состоял из трех, а вернее сказать, даже из четырех воинов. Среди них была высокая сероглазая девушка с длинными черными волосами. Ее звали Зара. Рядом с ней держалась девушка, как две капли воды похожая на нее, но словно застывшая: лишенная мимики и естественности движений. Чуть поодаль сидели два молодых парня: один смуглый, небольшого роста, другой высокий и светлокожий.

Заметив разведотряд деревни Ту, они получили возможность застать их врасплох, атаковав с тыла. Первым из строя был выведен Алекс, который шел во главе клина. Его ранили в ногу, лишив возможности продолжать движение. Перед ним возник смуглый сихэ Ма с нашивкой ранга Секацу на рукаве. В следующую секунду Селлах сбила с дерева Зара, а Инга прижал к стволу светлый горноста́й размером с крупную собаку, в которого превратился третий сихэ Ма.

Началась схватка. Атакующие явно не собирались ее затягивать: они просто не давали никому опомниться. Селлах пыталась увеличить дистанцию с противницей, чтобы иметь возможность использовать свой арбалет, но Зара не отпус-

кала ее от себя ни на шаг. Ближний бой был слабым местом Реттер, а Зара производила впечатление опытной воительницы. Селлах попыталась атаковать Зару шурикенами, но она ловко уклонилась, и снова повела бой. Их найшу пересекались под таким напором, что из-под лезвий вылетали искры, но Зару, похоже, это только раззадоривало. Наконец, Реттер смогла ранить ее, и Зара создала с помощью чакры Ветра вихрь, который скрыл ее в поднявшейся пыли. Как только вихрь утих, она атаковала Селлах из укрытия, снова сбросив ее с ветки дерева. Впрочем, Зара ли это была? Селлах не сразу осознала, что, когда возник вихрь, произошла замена: на время, которое требовалось для заживления раны, Зара подсунула ей свою копию – куклу-близнеца.

Алекс в это время вел бой с другим сихэ Ма, – низко-рослым смуглым Секацу, который, как оказалось, мастерски владел чакрой Воды. Выйдя из ближнего боя с Сефидом, он направил на него поток водной энергии. В противовес Алекс выпустил такой же поток чакры Огня. Долго ни одна сторона не могла взять верх, пока, наконец, огненная сторона не пересилила. Пригвоздив сихэ Ма к дереву, поток оставил на его теле многочисленные ожоги, а ствол самого дерева местами обуглился. В схватке Алекс вышел победителем. Но, увы, это была не тренировочная арена, где сейчас бы ему была присуждена безоговорочная победа, и на этом бы все закончилось. Сейчас врага нужно было добить. Алекс взял себя в руки, чтобы метнуть найшу точно ему в горло.

Инг уже расправился со своим противником. В обличии дикобраза, он стоял на глотке горностая. Он уже задыхался и в агонии извивался, раздирая в кровь лапы Инга. Но Сефид словно наслаждался и не желал подарить ему быструю смерть. Алекс, заметив это, окликнул брата. Инг очнулся от дурного оцепенения и одним ударом лапы положил конец страданиям врага.

Он услышал шум, вызванный очередным применением чакры Ветра, и заметил, как Зара снова подставляла под удар свою живую куклу. Не успела подмена завершиться, как Инг оказался в эпицентре техники Ветра. Бросившись на куклу, он выбил ее из вихря и стал рвать на части.

Это произвело и на Селлах, и на Зару странный эффект: обе забыли про бой и стали наблюдать, как объятый чакрой Огня дикобраз треплет куклу, которая только что была похожа на одну из них, как две капли воды. Алекс попытался воспользоваться моментом и атаковать Зару, но та не расслаблялась и смогла уклониться. Завершать сражение она не стала и просто исчезла, применив технику телепортации Хантай-Ни.

Только Заре, таким образом, и удалось сохранить себе жизнь – ее отряд был разбит. Братьям-Сефидам достаточно было переглянуться, чтобы, залечив раны, выдвинуться в обратный путь.

Инг посадил Селлах на спину. За все время пути она не проронила ни слова, потому что в ее голове кишело так мно-

го мыслей, что они наслаивались друг на друга и спутывались в узел. Она смотрела на плечи Инга, обожженные его собственной чакрой, которые просматривались сквозь порванную одежду. Осторожно, как если бы касалась крыльев бабочки, она провела ладонью там, где выступала покрасневшая кожа. Инг дернул плечом и мельком обернулся на нее. Вдруг Селлах беззвучно заплакала, но при этом у нее даже не сбилось дыхание и не участилось сердцебиение. Осознание собственной беспомощности свалилось на нее, а вместе с ним как анестезия смиренное безразличие.

АВГУСТ

Макс Дард шел по коридору дворца Хвостов. Он пока плохо понимал, откуда взялось такое странное название, но и не рассчитывал на четвертый день в Аду узнать все здешние тайны. Впечатлений на его голову и так свалилось немало. Начиная с воздуха, который сначала казался Максиму столь густым, что он дышал осторожными глотками; заканчивая тем, что, став Шеганом, он каждый день открывал новые особенности восприятия себя и всего вокруг. Лина говорила, что только сейчас он и учится видеть мир настоящим, но Макс воспринимал ее слова как неуместную метафору.

Его тело едва восстановилось после той схватки с Ингом, из-за которой-то он и попал под заключение, а его внезапно объявившей сестре пришлось его спасать. Он остался жив благодаря той самой силе Шегана, которую все лучше ощущал как свою собственную, пропитывающую каждую его клетку, каждый нерв. Максу нравилось находиться в обличии Шегана и чувствовать за спиной тяжелые крылья, похожие на ангельские, но черного цвета. Он уже успел научиться летать. Это оказалось удивительно просто, словно он всю жизнь знал, как это делается и только ждал момента, когда, наконец, вырастут крылья. Возможность летать привела его в восторг, но, увы, с непривычки от полетов он быстро уставал, поэтому успел облететь только окраины города Азура,

куда его закинула судьба.

Вот она, дверь в зал заседания Хвостов, у которой Лина назначила встречу в три часа – дня или ночи не имеет значения. На Первом Уровне Ада круглые сутки и круглый год стояли однообразные серые сумерки, поэтому время текло совсем не заметно, если только было здесь это самое время. Но на кухне Лины висели настоящие часы и вообще все, не в пример большинству местных жителей, было устроено в полном соответствии с потребностями живого человека. В том, что она на самом деле живая, Макс окончательно убедился лишь, условно говоря, вчера (то есть перед тем, как он последний раз спал). Нарезая фрукты, сестра порезала палец, и тогда он увидел ее кровь – настоящую красную кровь, а не ту отвратительную жидкость, из которой состоят бестелесные души. Кстати, Лина утверждала, что фрукты, как и другая еда, в Аду никогда не портятся.

Судя по доносящимся из-за стены голосам, собрание еще продолжалось. Макс сел на пол у массивной кованой двери, подобрав под себя крылья, и прислушался. К своему удивлению, он различил лишь один мужской голос и четыре женских. На самом деле он надеялся, что услышит голос своего брата, но единственный мужчина явно был кем-то другим.

Голос Айрана Максим хорошо запомнил. Когда они виделись последний раз, он сказал: «Лина погибла. За ее смерть ты обязан отомстить». Впрочем, говорил ли он что-либо вообще, раз оказалось, что Лина все это время была жива?

Она рассказала, что Айран владеет техникой иллюзии Хосуто Соу, для применения которой нужно иметь темную чакру. Неизвестно точно, Дарды ли изобрели эту технику, но именно ради Хосуто-Соу они часто становились Шеганами и вырезали на ладони специальный символ, глядя на который их враги погружались в глубокий транс и лишались возможности защищать свое сознание. У самой Лины на ладони тоже красовался узорчатый шрам, почерневший от энергии Тьмы. Собственно, с помощью этой техники она и смогла пройти в его тюремную камеру, а потом стереть воспоминания о своем визите из памяти стражников.

Да, ее гибель была лишь иллюзией; но три года, в течение которых Макс считал, что Айран убил сестру, иллюзией не были. Поэтому месть все равно свершится – не за убийство, значит за годы мучительного одиночества; за то, что брат так внезапно бросил совершенно одного, непонятно зачем. Потому что три года Максим мечтал о том, как победит в этой смертельной схватке – только ради этого он и старался учиться в академии.

– Собрание окончено, – наконец послышался за стеной мужской голос.

– Наконец-то! – воскликнула одна из девушек, и Макс услышал ее торопливые шаги.

– Лина, задержись, есть разговор, – продолжил мужчина. Тем временем девушка с длинными рыжими волосами с трудом открыла тяжелую дверь и куда-то заспешила. Прохо-

дя мимо Макса, все еще сидящего на полу, она словно споткнулась и уткнулась на его крылья своими огромными зелеными глазами. Взгляд ее был до крайности беспокойным, а в дрожащих руках она держала черно-белую маску на все лицо.

– Это ты? – спросила она, подавшись к Макс, не столько телом, сколько взглядом и, наверное, всем своим сердцем, полным неясными ему надеждами.

– Может быть. А кто нужен?

– Кто-нибудь!

– Тогда это я, – ухмыльнулся Дард.

– Ждешь кого-то? – продолжила она с полной серьезностью.

– Да, сестру, Лину, – ответил Макс, поднимаясь с пола.

– А, Лину Дард, да. Ну, хорошо, – замялась она, сжимая края маски, – А ты... Ты же Шеган, да?

– Шеган, – с удовольствием ответил Макс, – Я недавно им стал.

Дверь снова открылась, и из-за нее показалась невысокая блондинка с хмурым лицом. Макс задержал на ней взгляд; заметив это, она с показным безразличием надела наушники, из которых едва доносилась какая-то приятная музыка, и ушла, не оборачиваясь.

– А почему Лина не сделает тебя Хвостом? – рыжеволосая девушка заставила Макса вернуться к беседе.

– Она сказала, что торопиться некуда. Для этого ведь нуж-

на какая-то маска?

– Да, у всех Хвостов есть маски! Они этим-то и отличаются от Шеганов!

– И все?

– Ну, да, это все! Маска нужна, чтобы увеличить свою силу. Правда, придется сидеть на собраниях, как сегодня у нас было. Но на них бывает весело. Особенно, когда пекут пирожки.

Рыжеволосая тараторила, как в лихорадке, глядя Максую в глаза с просьбой, если не мольбой, а руки уже сами протягивали ему маску.

– Мне нужно посоветоваться с Линой.

– Зачем, зачем? Быть Хвостом, или нет, решать тебе. Ты уже большой мальчик, можешь просто забрать маску у меня.

– А она тебе больше не нужна?

– Нет. Я решила, что хочу вернуться на Землю. По сестре скучаю, она одна осталась в огромном доме.

– Ну, хорошо... – Макс с сомнением протянул руку, и девушка тут же сунула ему маску.

– Да, хорошо! Спрячь ее, пока Лина не вышла, а то догонит меня, будет говорить, что тебе еще рано, и все такое. Старшие сестры вечно так пекутся о младших братишках, – она нервно посмеялась, – Так что просто надень ее, когда останешься один.

– И я стану Хвостом?

– Да, все так просто, – она стала отходить вглубь коридора,

а на лице ее все четче проступало облегчение, – Удачи тебе!

В этот момент дверь снова отворилась, и Макс машинально сунул маску в огромный внутренний карман своей мешковатой куртки.

– Отделалась я от него! Идем, Макс, – сказала Лина и, схватив его за локоть, повела прочь.

На Земле, в Северном Ханстве, шла война между деревнями Ма и Ту. Но здесь, на восточной границе, в селении сихэ Эр, не знали ни войны, ни каких-либо других потрясений. Эр была родной деревней рыжеволосой девушки, которая только что избавилась от главной проблемы своей жизни и ощущала такую легкость, что улыбка не сходила с ее лица.

Надо сказать, что Эр с недавних пор стала довольно необычной деревней. Когда здешний Комохо умер, жители не стали сообщать об этом Хану, а организовали коллективное управление деревней. Здесь рыжая красавица по имени Ката Мэхила прожила всю жизнь как мирная селянка и зарабатывала на жизнь мелкой торговлей и сдачей в наем нескольких комнат в своем большом доме, где они с сестрой-сихэ жили вдвоем. Ката с детства жила в уверенности, что внутри стен родной деревни ей не может ничего угрожать.

Знакомые ворота, знакомые деревья, знакомая лавка рядом с ее домом, а на ней... совсем незнакомый и очень сим-

патичный парень. У него загорелая кожа и собранные в хвост черные волосы. Чистит длинный меч и посматривает вдаль, словно кого-то ждет. Ката встала на месте, ощутив, как при одном взгляде на него из живота разлилось тепло, а ладони в один миг стали влажными. Все ее внимание приковали жилистые руки и выделяющаяся линия скул на напряженном лице незнакомца. Она постояла-постояла, вздохнула и направилась к лавочке.

И вот она уже рядом, – теперь надо с ним заговорить. Но с чего начать?

– Меня зовут Айран Дард, – сжалился он.

– Привет, а я Ката, Ката Мэхила, – она заставляла себя произносить каждое слово.

– Хорошо, Ката, ты садись рядом. Пока я жду одного... – Айран покашлял, подыскивая слово помягче, – болвана.

– Почему ты его так назвал?

– Он ужасно непунктуальный. Это напрягает.

– У тебя, наверное, очень серьезное дело, раз ты так напряжен, – сказала она, присаживаясь.

– Да, дело серьезное, но оказалось, что я многого не предусмотрел, – он говорил, словно сам с собой.

– И надолго ты здесь?

– Думаю, придется задержаться. У тебя случайно не найдется на пару месяцев местечка для двух усталых воинов, которые два года кочевали по всем Ханствам и уже не помнят, когда последний раз спали под крышей? – усмехнулся

он, как будто считал невозможным получить ее соглашение.

– Еще как найдется! – воскликнула Ката, – У нас с сестрой большой дом, достался по наследству. Раньше у нас была большая семья, но остались только мы с Аней.

– Да? – он с интересом смотрел на нее, оставив, наконец, меч, – А твоя Аня не будет возражать?

– Не будет, мы постоянно сдаем несколько комнат. Это только сейчас дом пустует. Кстати, Аня еще не дома, так что возражать точно некому. Ты заходи, я тебя блинчиками угощу, – улыбнулась она, сама не понимая, что болтает.

– А это и есть твой дом? Вот так повезло! Большое тебе спасибо.

Ката повела Айрана к себе.

– Ты с чем блинчики будешь? С вареньем или со сметаной?

– И с вареньем, и со сметаной. А если есть что-то кроме блинов, тоже не откажусь.

Они только начали трапезу, как в дом вошла Анна Мэхила. Она была одно лицо с Катой, только с короткими русыми волосами, более загорелая и немного выше ростом. Следом за ней зашел, – кто бы вы думали, – тот самый «болван», более известный как Артур Сен. Почти детское лицо, усыпанное веснушками, отросшие выющиеся пшеничные волосы, добродушные круглые глаза с густыми ресницами плохо сочетались со словом «вор». Однако в родной деревне Ту, которую он покинул после провала выпускного академиче-

ского экзамена, он с недавних пор числился именно вором.

– Артур! Где ты ходишь? – Айран нагнал на себя строгости, – Жду тебя целый день.

– Ну, что ты! Ну, погулял немного с девушкой! Совсем чуть-чуть! – ответил блондин, улыбаясь, – Тем более, Анна разрешила нам пожить у нее!

– И ты согласился?

– Мне кажется, ты тоже согласился, разве нет? Анна сказала, ее сестра хорошо готовит. Наконец-то будем есть нормально, а то никакого режима!

– Да, я неплохо готовлю, – смущенно улыбнулась Ката.

– Только если ты не влезешь в дверной проем через две недели, я не буду тебя проталкивать, – так же строго сказал Айран.

– Что ты! Посмотри на Анну, – Артур обхватил ладонями талию Анны, которая только что села за стол, – Она вовсе не толстенная, хотя ест блинчики каждый день.

– Буду я ей каждый день готовить, – пробормотала Ката.

– Хорошо, хорошо, – ответил Айран, – мы остаемся. Ты рад? Только учтите, посуду я мыть не буду.

– Как это «не будешь»? – угрозой произнесла Анна.

– Никакой посуды, – отрезал Айран.

– Червяк, ты будешь делать все, что скажет Анечка! – злобно сощурился Артур.

Новым гостям была выделена комната на втором этаже. На что, собственно, и был расчет.

Войско из Ту уже приблизилось к деревне Ма в ожидании ответного выдвижения. Воины Ту использовали все свои преимущества, включая верную позицию на местности, сумерки и выгодное построение, что компенсировало численное превосходство противника. Немаловажно было и то, что деревня Ма в последнем бою лишилась своего Комохо, который был опытным тактиком, и его обязанности исполнял совсем молодой Суури.

Но Сатанг, Кнес Кеаго, уже вел к месту битвы подкрепление. Он смотрел на Амбу и любовался, как она встряхивает коротко стриженными светло-пепельными волосами, выдающими ее происхождение. Сатанг помнил, что Кеаго она была не по крови, ее отец был одним из лучших Мастеров деревни Ту. Еще он помнил, как вился вокруг нее этот новенький, Джакомо Рубрус, который после первого же сражения куда-то подевался. А еще, глядя на Амбу, Сатанг думал, что не повел бы своих людей на такую бессмысленную смерть, если бы она не высказалась в поддержку Комохо Ма. И где это видано, чтобы Кеаго воевали на чьей-то стороне? Но так захотела Амба, а ему показалось, что это неплохое развлечение. Сейчас же у Сатанга проскользнула мысль, что Амба воспользовалась своим несколько привилегированным положением, чтобы протащить в их ряды своего Джакомо, который, наверняка, был агентом Ма. Возможно, и так. Но

что это меняет?

Когда Амба только стала Кеаго, она решила участвовать в схватке за звание Кнеса. А ведь если бы не ее самоуверенность, Сатанг бы мог Кнесом и не стать. Ни одна женщина раньше не принимала участие в этом священном поединке. Пришлые, некровные Кеаго, вообще редко решались на это, – а уж женщины...

Правила гласят: если упал на лопатки – проиграл; если проиграл – не имеешь права сопротивляться победителю, твоему новому Кнесу. Если Кнес захочет забрать твою силу, он может вскрыть тебе горло и умыться твоей кровью. И до сих пор еще не было случая, чтобы проигравший остался в живых. Сатанг не хотел продолжать эту традицию, потому что его соперницей была Амба, но оставлять в живых поверженного врага – позор. Поэтому он надеялся, что она сможет победить. Впервые тогда он ощущал невыносимое для себя нежелание драться. Но он вышел на поле боя и победил.

Сейчас же, приближаясь к деревне Ма, Сатанг предчувствовал свое поражение. Не допустил ли он ошибки, оставив ее тогда в живых?

Кеаго прибыли на место к разгару боя. В глаза Сатангу сразу бросились две фигуры: Николас и Алекс Сефиды, отец и брат Амбы, которые сражались с сихэ Ма. Николас почти не прикрывал сына, который и сам отлично управлялся с мечом.

Но еще больше Сатанга заинтересовала другая фигура:

Инг, двоюродный брат Амбы, который по досадному недоразумению тоже носил фамилию Сефид. Его атаковали двое сихэ – он принял облик дикобраза и выпустил в них свои иглы, насыщенные чакрой Огня. Сзади напал третий, и один шурикен все же угодил ему в спину. Но Инг не обратил на это никакого внимания, схватка полностью поглощала его.

В эпицентре сражения отбивалась от атак Зара верхом на гнедом коне. Собранные в хвост волосы растрепались, лицо было забрызгано кровью. Она так уверенно оборонялась, словно была неуязвима, пока находилась в седле. Но Алекс в облике белого тигра совершил какой-то невероятный прыжок и вцепился в шею ее коня. Конь дернулся, встал на дыбы, сбросив Алекса, и хрипло заржал, падая в месиво. Зара чудом вовремя соскочила на землю.

В каждой руке она держала по длинному легкому мечу. Белый тигр, которым оставался Алекс, зарычал, оцетинился и бросился на нее. Зара применила свою скрывающую технику Ветра и исчезла. Алекс в недоумении скалился, вертел головой и нюхал воздух. Она атаковала откуда-то сверху; Алекс едва успел увернуться и бросился на нее снова.

Тем временем Инг... Впрочем, Инг ли? Захлебнувшись гневом, он позволил высвобождающейся силе унести себя в глубину подсознания. Сейчас он представлял собой чудовищную помесь между человеком, большим дикобразом и стустком чакры Огня. Это уже не было похоже на применение боевой техники. Казалось, наружу рвется древняя мощь

Ада.

Николас попытался взять ситуацию под контроль и стал направлять атаки Инга. Тот поначалу подчинялся, цепляясь за его голос как за последнюю связь с реальностью.

Но вскоре к чакре Огня стала примешиваться материя иной категории: иглы, которые покрывали уже почти все тело Инга, стали чернеть. словно под тяжестью Тьмы, Инг опускался на все четыре конечности, видоизменяющихся на манер дикобразных. Он уже не слышал учителя и весь полыхал Огнем и Тьмой.

Он душил врагов одной лишь чакрой, раздирал их тела когтистыми лапами. Мелкие сосуды начинали лопаться от напряжения, пламя рвало его кожу, рот искажился в безумном оскале. Демон овладел им. На лапах и морде смешалась кровь разодранных им людей, лошадей, своих и чужих, его собственная кровь. Он орал, визжал, испуская черно-рыжую чакру.

Николас обнажил меч, готовый атаковать Демона Агварса, которым становился его ученик и племянник.

В этот момент на поле боя оказался ягуар. На его спине сидела девушка с очень длинными каштановыми волосами. За ней следовал целый отряд всадников клана Макарано верхом на ягуарах, экипированных, как боевые кони.

Длинноволосая воительница встретилась взглядом с Ингом, – нет, с Демоном! – и стала пробиваться к нему, послав в меч свою золотистую чакру. Она не вступала в бой с воз-

никающими перед ней Кеаго и сихэ Ма и только отбивалась от них на пути к своей цели. Другие Макарано жестоко расправлялись со всеми, особенно – с сектантами. Вскоре на поле боя уже отчетливо выделялись точечные яростные схватки Макарано и Кеаго.

Наконец, Царица Ягуаров оказалась рядом с Ингом. Он рвал на части тело большого коня, выпуская сплошной поток чакры, такой мощной, что создавался ветер, шелест и жар. Демон перевел на нее свои одуревшие, целиком почерневшие глаза и показал окровавленные клыки. Макарано прыгнула с ягуара, отослала его прочь и с силой вонзила меч в землю. Перед ней появилась огромная черно-белая росомаха, а сама Царица заступила под защиту Николаса, который был рядом с мечом наготове.

Увидев росомаху, Инг и Агварэс – то существо, которым они сейчас одновременно являлись, – выбросил титаническую волну энергии, похожую на вспышку звезды, и завыл. Если только можно описать этим словом тот чудовищный звук, что издавал Демон-дикобраз. Росомаха стала вторить ему. При этом она выглядела раззадоренной и, кажется, была в восторге от встречи с Агварэсом. Она приблизилась к нему и лизнула в морду. Все, кто имел возможность наблюдать эту необычайную картину, были потрясены. Дикобраз радостно скалился, глядя на нее, и усмирлял свое буйство.

Постепенно он словно с чем-то смирился и сник, чакра перестала струиться из его тела. Чувствуя ослабление Демона,

Инг взял над ним контроль. Иглы и когти стали исчезать, с тела сходила рыжая шерсть, глаза становились похожи на человеческие. Росомаха смотрела на развоплощающегося Агварэса с неопишуемой скорбью. По приказу Царицы она покорно нырнула внутрь меча и исчезла. Сама Макарано присела к обессилевшему Ингу и заглянула в его мутные глаза.

Он с трудом узнал неясно поменявшееся лицо Али и попытался улыбнуться. Она подалась к нему и поцеловала обожженные чакрой губы. Инг закрыл глаза и уже не смог открыть их, полностью лишенный сил.

*«Хорошо мне с тобою быть,
Тебе верить, тебя любить.
Хорошо все отдать тебе -
Все, что было в моей судьбе.
Разве можно с тобою скучать?
Я могу часами молчать,
Сознавая, что рядом ты
Разделяешь мои мечты.
Хорошо мне с тобой везде,
Даже в горе, в любой беде,
Даже если темно вокруг.
Ты намного больше, чем друг».*

Инг держал в руках лист плотной желтоватой бумаги, оставленный на его кровати, и раз за разом перечитывал стихотворение, выведенное на нем аккуратным почерком Али. Ничего подобного он никогда в жизни не чувствовал (да и стихов ему тоже никто раньше не писал). Восхитительное волнение разгоралось в его колотящемся сердце. Он вскочил с кушетки, сорвал капельницу и, как был в одних больничных штанах, выбежал из палаты искать свою Царицу.

Несмотря на свое ослабленное состояние, он мог бы сейчас пробежать сотню миль, следуя по ее следу. Но, к счастью, ему не пришлось подвергать себя таким испытаниям. Али сидела на скамье в небольшом сквере, разбитом вокруг госпиталя. Она ломала свежий хлеб и кормила воробьев.

Инг подбежал к ней и встал напротив. Обоим потребовалось время, чтобы осознать реальность этого момента. Сердце Инга неистово рвалось наружу, а сбитое дыхание никак не выравнивалось, потому что он забывал дышать.

– Али, – беззвучно произнес он, – Ты живая?

– Да! – воскликнула Макарано и для выразительности мотнула головой, от чего ее шелковистые волосы тут же растрепались.

Инг залюбовался ее небрежной естественностью и заставил себя снова заговорить с большим усилием.

– Как ты смогла?

– Это один из секретов моей семьи, и я не могу выдать его первому попавшемуся Кеаго, – подмигнула Али.

– «Первому попавшемуся»?! – возмутился Инг, но осекся: – Ты опять говоришь так, как будто я Кеаго.

– Ну, да, ты же и есть Кеаго, – она улыбнулась, маскируя смущение.

Ее слова выплеснулись маслом в костер его волнения; чакра пронеслась по всему его телу и короткой вспышкой вышла наружу через дрожащие пальцы.

– Обычный Кеаго, – Али с опаской покосилась на его руки, – Вернее, необычный, конечно!

– Я Кеаго? – повторил Инг.

– Садись! – Али подвинулась на скамье, – Ты еще в неважной форме.

– Каким боком я Кеаго? – не унимался он.

Макарано осмотрела оба его бока и заключила:

– Так сразу и не скажешь.

Инг позволил себе улыбнуться и присел рядом с ней.

– И все-таки, Али, умирала ты, или нет?

– Умирала. Но я больше так не буду, – она посмотрела ему в глаза, нежно и почти виновато.

Инг порывисто обнял Али, словно она вот-вот могла бы нарушить только что данное обещание. Он прижимал к себе свою маленькую Царицу и думал только об одном: что обязан стать Хараром и, согласно Договору между Светом и Тьмой, хранить ее жизнь. Мысль о Договоре напомнила ему про росомаху, которую Али призвала во время боя.

– Это ведь была Антарес? Тот Демон, который появился

из твоего меча.

– О! Ты ее даже запомнил! Лучше расскажу тебе все по порядку. Помнишь, я говорила, что клан Макарано из поколения в поколение передает золотую чакру ягуаров? Ты вчера видел эту чакру в действии. Так вот, мы делаем это с помощью специальной печати, которая называется Кибитау. Но у этой печати есть еще одно свойство. Вместе с силой передается своеобразный резервуар телесности. Я не знаю, как еще точнее выразиться. Если Макарано умирает не на поле боя, и у него есть возможность провести соответствующий ритуал, он может расстаться с телесностью еще до того, как наступила его смерть. После этого он становится бесплотным духом и, как все умершие, предстает перед Судом Инквизиторов⁹. Печать Кибитау мы получаем при рождении, и в ней заключается телесность кого-то из предков. Тот, кому повезло иметь печать с дополнительной телесностью, имеет возможность воспользоваться ей в момент смерти и продолжить свое земное существование как вполне полноценный живой человек. Сейчас у меня бьется сердце, и кровь такая же красная, как у живых.

Инг смотрел на нее, не моргая, потрясенный открывающимися ему торжеством жизни. Жизни Али.

– А та росомаха это правда Антарес, возлюбленная Агварэса, – продолжила она, – Она заточена в моем мече. При-

⁹ Суд Инквизиторов – процесс посмертного определения души на какой-либо Уровень Ада или в Рай.

звать ее было первым, что пришло мне в голову, когда я увидела тебя, то есть вас с Агварэсом. Антарес успокоила его, иначе вы оба могли бы погибнуть. Нечего и говорить, сплетни о том, что в тебе заточен Агварэс оказались правдой, ты это и сам уже понял...

– Есть только одна серьезная проблема, – сказал Инг, – Если я Кеаго, а еще и носитель Демона, значит во мне столько Тьмы, что о чакре Света мне и думать должно быть противопоказано.

– А зачем..?

– Собираюсь стать твоим Хараром вместо Николаса.

– Ты ведь можешь погибнуть! – прошептала Царица.

– Я теперь никому не смогу тебя доверить.

Лина была сама не своя после собрания Хвостов. Слишком много в ней было беспокойства. Макс понимал, что она могла чувствовать присутствие маски, которая лежала во внутреннем кармане его куртки. Но он тешил себя мыслями, что Лине просто заморочило голову ее инфернальное начальство. Спрашивать напрямую он не хотел, чтобы не подтвердить свои опасения.

Макс чудом отговорился от сестры, чтобы покинуть дом без ее сопровождения. Узкие загроможденные улицы адского города Азура завели его в темный пустой тупик. Ни одно окно обступивших его домов не выходило сюда, уличных

фонарей в Азуре не было вовсе, поэтому тупик показался ему подходящим местом для неведомых и опасных дел.

Только сейчас Максим вытащил маску и посмотрел в ее пустые глазницы. Мешер, так она называется. Словно сделана из фарфора, молочно-белого цвета, а вокруг глаз, как акварель по мокрой бумаге, растекается чернота. Вокруг глаз? Да, было бы не удивительно, если бы она сейчас каким-то образом подмигнула. В том, что Мешер обладает собственной волей и даже сознанием, Макс уже не сомневался. Но это несколько не пугало: он держал в руках осуществление своей трехлетней мечты – убить Айрана, превзойти и уничтожить.

Наконец, Максим решился надеть маску. Первые несколько секунд он не ощущал ничего, кроме холодной гладкости на лице. Ему пришла в голову мысль, что нужно было сначала принять облик Шегана.

Уже в следующую секунду он испытал физическую потребность сделать это, выпустить наружу всю свою темную мощь, взлететь к самым небесам и камнем упасть на землю. Максим откуда-то знал, что Мешер хочет его убить, но это знание наполняло восторгом и смыслом, словно сейчас он нашел свое истинное предназначение – быть съеденным живо собственной маской, извиваясь в страшных мучениях.

Темная чакра скапливалась в его сердце и почему-то никак не могла вырваться наружу, отдаваясь болезненной щекоткой и жжением. Ему хотелось хоть как-то действовать,

чтобы избавиться от гнетущих ощущений. Смутное чувство подсказывало, что сделать это можно, только отдав маске душу: свою или чужую. Макс рванул с места и помчался, не разбирая дороги.

Множественно падая и спотыкаясь, он бежал, пока перед ним не возникла лестница на Землю. Взлетев по ступеням, он распахнул дверь, пробежал несколько метров и упал на колени. Дрожащая рука потянулась, чтобы сорвать маску с лица, но Мешер самопроизвольно выпустила поток темной чакры, пронзившей каждую клетку его тела. Макс повернулся, царапая и комкая серую почву, потом вскочил на ноги, расправил крылья и мощным толчком взлетел.

Объятый Тьмой, он стремился все выше и выше. Достигнув своего внутреннего пика, Хвост взорвался в небе черной вспышкой, сложил крылья и вошел в свободное падение. Он терял высоту, и сквозь наслаждение своим минутным величием стал пробиваться страх смерти. Собственное начало души вопило о неотвратимости гибели. Лишь перед самой землей он усилием воли заставил себя снова распахнуть крылья и смягчить падение.

Мешер боролась с ним. Она заставляла сворачивать крылья и выкручивать тело самым невероятным образом, выбрасывать колоссальное количество чакры.

Макс попытался снова набрать высоту, но вдруг что-то обхватило и потянуло его вниз. Ударом крыльев он освободился от захвата, развернулся и увидел Лину. Макс узнал сестру

только по ощущению ее чакры, потому что впервые видел ее в обличии Хвоста. На лице Лины была черная маска Кота с рельефным рисунком морды и торчащими сверху кошачьими ушами.

Ее вмешательство разозлило его до бешенства, и он полетел прочь, на огромной скорости выписывая в небе страшные виражи. Лина отправилась следом, выдерживая дистанцию. Когда Макса снова скрутило, она бросилась к нему и опять потащила к Земле. Лина собиралась вернуть его в Ад: даже если не удастся остановить его буйство, пусть лучше оно пройдет где-нибудь в адской пустоши, чем в крестьянской деревне.

Прямо под ними открылось зеркало озера Найгери. Неожиданным броском Лине удалось сбить Макса в сторону, крепко обхватить руками и направить вниз. Они рухнули в воду. Секундная утрата внимания, и Лина сама оказалась захвачена Максом. Она начала захлебываться и ослабла. Вынырнув на поверхность по безмолвному приказу Мешер Макс едва не вскрыл Лине горло своими длинными когтями. На миг он обрел контроль над ситуацией, но не смог сделать ничего лучше, чем выбросом чакры откинуть Лину на берег. Ударившись головой об дерево, она потеряла сознание и осталась лежать в толстых вздыбившихся корнях.

Мешер была возмущена тем, что ее собственный Хвост запретил ей полакомиться молодой душой. Она была очень голодна. Но маска выдохлась – Хвост ей попался на удивле-

ние выносливый, да еще и с крепким светлым началом. В качестве наказания Максуду достались две болезненные вспышки в сердце, которые едва не лишили его сознания, пока он выбирался на берег.

Отдышавшись, он смог, наконец, по достоинству оценить свое новое обличье. Руки стали похожи на звериные лапы: по локоть покрыты жесткой шерстью, с длинными черными когтями на полу-антропоморфных пальцах. Волосы на голове вздыблены, как шерсть россомахи, откуда-то взялось некое подобие бакенбард, доходящих до самой шеи. Вокруг шеи и на плечах появился ворот из не то черно-белых игл, не то из склеившейся шерсти. А его шеганские крылья стали светло-серого цвета с рябью тонких игл-штрихов; от спины к кончикам крыльев на манер рисунка на маске скользили языки черного пламени.

Макс не сразу заметил, что со стороны деревни Эр к нему приближался молодой воин, вооруженный арбалетом. Помутненное сознание Дарда сначала приняло его за Ангела, хотя крыльев у него за спиной не было. Такое уж амплуа было у Артура Сена: он действительно был похож на Ангела или, в крайнем случае, на крестьянского сына.

Как воин Артур был хорош только в стрельбе из арбалета. Но именно это оценил по достоинству его единственный друг, Айран, которому был необходим человек, обладающий такой феноменальной меткостью, светлым умом и при этом напрочь лишенный жестокости.

Артур был уверен, что меньше месяца назад Айран спас ему жизнь. В тот же день, как Сен покинул свою деревню, он столкнулся с Кеаго и, вероятно, имел бы честь лично познакомиться с их богом, если бы вдруг не появился Айран, который в одиночку смог противостоять трем адептам секты. Надо сказать, что это внезапное спасение сложно было назвать чудом и даже счастливым стечением обстоятельств. Всю дорогу Айран следил за ним, только и выжидая случая, чтобы вовремя прийти на помощь.

Более того, наблюдение велось еще с тех времен, когда сам Айран учился в академии. Он взял Артура под молчаливую анонимную опеку, распознав в нем очередную жертву кастовой системы, обязующей каждого родившегося в семье сихэ становиться на путь войны.

После случая с Кеаго чувство долга за спасение жизни, как и ожидал Дард, стало для Артура достаточной причиной, чтобы проникнуться идеей своего покровителя и стать его верным псом. Айран собирался восстать против Хана и совершить революцию. И ему нужен был помощник, которому можно доверять, который был бы ярким противником кастовой системы и был бы достаточно метким, чтобы взять на себя ответственность за главный выстрел восстания.

Сейчас Артур Сен пришел на место встречи с Айраном, чтобы поговорить вне стен дома сестер Мэхила, где организаторы восстания остановились два дня назад. Сюда же чуть позже должна была подойти одна из милых хозяек этого до-

ма, Анна. Вместе они отправятся на ярмарку в крестьянское селение Фога, чтобы купить травы и имбирь для ее любимого чая.

Встреча была назначена в том самом месте, где пытался привести себя в порядок мокрый до нитки Хвост. Увидев Макса издалека, Артур прибавил шагу. Однажды он видел Айрана с черными крыльями за спиной, поэтому силуэт показался ему знакомым.

– А ты не Ангел, – хриплым шепотом проговорил Максим, – Кажется, я тебя видел где-то.

– Да и ты не Айран, – огорчился Артур.

Макс не верил своим ушам. Несколько секунд он безотрывно смотрел на Артура, пока не смог выжать из себя:

– Айран?! Айран Дард?!

– Да, так его зовут. В чем дело?

Макс невесело засмеялся. От волнения у него сбилось дыхание, и каждый истеричный смешок заставлял его судорожно глотать воздух.

– Ты его ждешь? Когда он должен подойти?

– Уже вот-вот.

– Тогда беги отсюда. Не надо вставать между двумя братьями, которые так давно не виделись.

– Мне не нравится, как ты это говоришь. Почему я должен бежать? – Артур попытался придать своему растерянному лицу строгое выражение.

– Потому что ты вряд ли захочешь смотреть, как я буду

его убивать. Или присоединишься к нему?

Мешер бы с удовольствием поддержала последнее предложение. Душа Артура Сена была не так хороша, как душа Лины Дард, зато Хвост готов добровольно поспособствовать ей в этом случае.

– Я не позволю, – неожиданно твердо произнес Артур, – Только через мой труп ты встретишься с Айраном.

– Через твой труп, говоришь? Ха! Вот и договорились!

Одним броском Макс свалил Артура на землю, но тот отпихнул Хвоста ногами, вскочил и веером метнул в него несколько шурикенов. Все они попали в цель: плечо, грудь и нога. Не чувствуя боли, Макс грубо выдернул их и был готов снова атаковать. Артур успел отбежать в сторону и зарядил стрелу в арбалет.

– Пусти меня, шенад¹⁰! – прохрипел Хвост.

– Никогда!

Макс выпустил несколько тросов из темной энергии, обхватил ими Артура и притянул к себе. Он успел увидеть в глазах Сена дикий ужас – невысказанный для воина даже на пороге смерти. Макс нанес удар своей когтистой лапой прямо в солнечное сплетение Артура, пронзив его тело.

Артур не был гордым, и мог бы сейчас попросить пощады, даже встать на колени, если бы это помогло прекратить бессмысленный бой. Айран обучал его искусству владения исцеляющей чакрой, которое давалось Артуру так легко, что

¹⁰ **Шенад** – экспрессивное ругательство.

он даже пожалел, что не пошел учиться на медика. Если бы только он мог сейчас взять себя в руки и сосредоточить заживляющую энергию в ране. Но боль оказалась столь сильной, что затмила его сознание, поглотила все мысли и ощущения, даже страх, даже сама себя.

Повинуясь воле Мешер, Макс склонился над телом Артура, как сама смерть, чей последний поцелуй Сен готовился получить. Мешер тянулась все ближе к его лицу, Макс не смел ей мешать. Он явственно ощущал, что из маски сейчас появляется кончик длинного скользкого языка, которым она слизнет душу Артура.

Внезапно какая-то неведомая сила резко развернула Максима, и он ощутил обжигающий холод под ребром. Короткий меч Анны Мэхила пронзил его легкое. Хвост задохнулся кашлем, отхаркнув кровью на внутреннюю стенку маски. Мешер зашипела, как разгневанная змея. Анне уже приходилось видеть Мешер, когда маска принадлежала ее сестре; в ужасе она шарахнулась в сторону и угодила прямо в руки появившегося позади Айрана.

– Это по мою душу, Анна. Я разберусь с ним, возвращайся домой.

– Он убил Артура, – впервые в жизни голос Анны так дрожал.

Она никак не могла избавиться от вставшего в горле напряжения. Что-то внутри толкало ее прижаться к груди Айрана и выпустить наружу свою горячую мокрую боль, но она

лишь неподвижно стояла в его объятиях. Он деликатно отстранил ее и опустился к своему брату.

Макс, как мог, цеплялся за жизнь, извиваясь от пульсирующей боли в легком и удушья. Он стащил маску с лица и зашвырнул ее в кусты, откуда послышалось невнятное шипение. Айран впустил в виски Макса вспышку своей фиолетовой чакры, сняв с него обличие Хвоста, и поднял на руки.

С помощью техники Хантай-Ни темные могут перемещаться с Земли в Ад и обратно, чем и воспользовался Айран, чтобы оказаться в доме Лины. Но ее самой не было дома, – она еще лежала без сознания под гладким черным деревом на берегу озера Найгери.

Айран уложил Макса на стол и взялся за дело. Он снял с мальчишки разорванную одежду, стер влажным полотенцем кровь и стал аккуратно извлекать из его тела меч Анны, одновременно обрабатывая рану заживляющей чакрой. Макс тихо стонал, сжав зубы.

– Зачем же ты убил Артура? – спокойно спросил его Айран, будто разговор шел за чашечкой чая.

– Я хотел найти тебя... А он... он не позво... не позволил... Кто он?

Залечивающая синеватая чakra ласкала его грудь.

– Напарник он мой. А Мешер тебе кто сосватал? Неужели Лина?

– Он никакой ценой не хотел пускать... Неудачник из академии...

– Ты меня слышишь, Макс? – Айран переложил руки на его раненое плечо, – Откуда у тебя Мешер?

– Я хотел найти тебя, – бредил Максим, – Ненавижу... Я хотел убить тебя... Я еще найду...

Он совсем обессилил и замолчал.

Айран вскоре закончил обрабатывать раны Максима и перенес его на диван в соседнюю комнату, потом смыл с рук кровь и вернулся, чтобы забрать со стола меч Анны. И еще одну вещь он решил унести с собой из этого дома – маску Хвоста своей сестры. Это станет сигналом для Лины: теперь она может быть свободна, как птица. Шеганы ведь не несут никаких обязательств перед Адом, и даже душой своей не слишком рискуют, в отличие от Хвостов.

Он, конечно, не стал бы заставлять сестренку так серьезно связываться с темными, но не мог он сам быть на привязи у Первого Хвоста, когда полным ходом шла подготовка к восстанию. Теперь же, когда до начала операции, на подготовку которой ушло три года, оставались считанные недели, сила маски стала ему необходима. Кто же знал, что Максим вобьет себе в голову, что нужно убить своего старшего брата? Приходилось только надеяться на благоразумие Первого Хвоста, который, конечно, не станет возлагать на Айрана никаких обязательств, пока он не закончит свои дела на Земле. По крайней мере, до сих пор Первый играл на его стороне: присматривал за Линой, давал ей какие-то поручения и проводил бестолковые собрания с чаем и горячими пирож-

ками. А как еще уберечь девчонку от опрометчивых поступков? Например, от возвращения домой к Максимке и к своему любимому Иллису. Тяжело ей пришлось, не поспоришь. Однако, если бы у нее сейчас был выбор, она бы еще колебалась, расставаться ли с силой Хвоста, обладать которой так привыкло ее темное начало.

Айран взял оставленную на полке маску Кота и покинул дом.

Исполняющий обязанности главы деревни Ма инициировал переговоры с деревней Ту. Старый Комохо, лишивший Царицу Макарано одного из тел, в последнем бою был убит, и его место занял Джакомо Рубрус. На этот пост его избрали за пронырливость и хорошо подвешенный язык, которые вполне могли бы сойти за дипломатические навыки. Подписать мирный договор с северной заставой было необходимо как можно скорее, чтобы обеспечить защиту от Кеаго, лишенных обещанной добычи.

Сторону деревни Ту на переговорах представляли Николас Сефид и его сын Алекс. После заключения мира Комохо приставил команду Николаса к награде и повысил всех четверых в звании. Став Суури, Николас мог снять с себя обязательства по обучению группы.

Ребята были уверены, что он так и поступит, и обучение продолжит только один из них. Казалось очевидным, что

предпочтение будет отдано Алексу.

Но Николас не спешил с официальным решением вопроса. Он сократил контакты со своей командой – то ли чтобы иметь возможность самому обдумать этот вопрос, то ли в ожидании инициативы с их стороны. В силу своего размеренного характера, он мог бы достаточно долго бездействовать, если бы ранним утром Инг не заявился бы к нему со словами:

– Я должен стать Хараром, учитель.

Несмотря на множество сложностей, которые могли бы возникнуть при передаче светлой чакры носителю Демона, Николас был готов к такому развитию событий. Только вчера Али Макарано приходила поговорить о чем-то с Алексом. Они просидели в саду за беседой около двух часов, после чего Али рассказала Николасу о желании Инга стать Хараром. Услышав эту новость в первый раз, он был категоричен:

– Это невозможно.

Но спустя всего полчаса они вместе с Алексом искали в библиотеке материалы, описывающие техники параллельного развития темной и светлой чакры на высших уровнях. Сделав Инга Хараром, Николас мог погубить его, а возможно и всю свою деревню, а мог, напротив, открыть ему перспективы полного контроля над Демоном.

Теперь Николас вел Инга на так называемую тайную тренировочную арену, которая представляла собой выжженную чакрой лесную поляну, где не одно поколение сихэ начина-

ло свое индивидуальное обучение. Но впервые здесь собирались отрабатывать столь редкие техники.

Сегодня Николас был куда более словоохотлив, чем обычно:

– Особенность печати Света, с помощью которой передается сила Харара, состоит в том, что, владеть этой силой может только один человек. Прежний носитель печати остается со светлым началом второго уровня. Ты, наверное, помнишь, что первым Хараром был младший сын Хана. Собственно, не совсем верно говорить «был первым Хараром», потому что Харар Най это его имя. Техника наследования ханской власти предполагала возможность сделать наследником силы только одного человека, но Харар стал исключением из этого правила. За видоизменение печати его отец заплатился на Суде Инквизиторов – он стал единственным Наем, который попал после смерти в Ад.

Николас говорил, а Инг до сих пор молчал. Почувствовав возросшее напряжение учителя, он остановился и посмотрел ему в глаза.

– Да, это смертельно опасно. Возможно, тебе придется навсегда забыть об этой идее, какой бы романтической она тебе ни казалась. Сначала мне нужно увидеть, как взаимосвязаны ваши с Агварэсом начала. Придется вмешаться в твое сознание, Инг. Процедура болезненная, но выбора нет, – сказал Николас и добавил: – Я в любом случае хотел бы изучать твою демоническую чакру, если позволишь. Не важно, полу-

чится ли сделать тебя Хараром.

– Если вы знаете, как укротить этого дикобраза, помогите мне, – решительно сказал Инг.

Николас усадил Инга в центр площадки, чакрой вычертил вокруг него замысловатую печать и занял внутри нее определенную позицию.

– Ты готов?

– Готов!

В следующий миг Ингу показалось, что Николас прошел сквозь него, а потом все вдруг провалилось в темноту. В этой темноте постепенно с какого-то непривычного ракурса вырисовался силуэт учителя. Вернее, одновременно с нескольких ракурсов: Инг видел Николааса глазами всех трех своих ипостасей.

Его светлое начало полностью доверяло Харару и ждало от него поддержки. Собственное начало смотрело на наставника с добродушием и уважением. Только темный Инг, чернокрылый Шеган, скованный с Агварэсом, горделиво отвернулся. Ему было тяжело переносить этот вынужденный контакт, но он тоже не был настроен к Николаасу враждебно. Демон же оскалился при появлении светлого, разъяренный его вторжением, и распушил свои черные иглы. Рядом сидел еще один дикобраз, огненное начало Агварэса, которое было готово оказать сопротивление.

Само по себе оно не могло освободиться, но было свободно в своих действиях внутри Инга. Вспыхнув пламенем,

дикобраз бросился на Николаса. Тот поставил перед собой прочный барьер из чакры Света.

На тренировочной площадке от тела Инга стала исходить демоническая энергия. «Все это только устрашение, – подумал Николас, – Агварэс уже далеко не так силен. Мать мальчишки здорово его потрепала, когда пыталась бороться с печатью Сфорцы».

Огненный дикобраз бился об стену чакры Света, а Харар незаметно открыл за этой стеной проход на Землю. Он дождался, пока вступит в игру второе начало Демона, скованное с Ингом-Шеганом. Темный Агварэс рвался в бой, а Инг сдерживал его и одновременно пытался разрушить цепь, понимая, что не выдержит долго.

Светлое и собственное начала Инга пришли на помощь Николасу и оттащили Агварэса от щита. Демон стал рвать их обоих когтями, выбрасывая мощную чакру Огня.

В это время темный Агварэс справился с Ингом и устремился в атаку на Харара. Ему легко удалось пробить брешь в стене Света, которую Николас уже значительно ослабил.

На спине Инга, сидящего в центре печати на тайной тренировочной арене, мгновенно появились черные иглы, он зазмурился и оскалил клыки. Его руки облачились контуром темной чакры и самопроизвольно стали вытягиваться вперед. Постепенно из чакры сформировалась лапа дикобраза. Инг завопил, сжался в комок и выбросил вспышку Тьмы. Лапа опустилась на землю и сделала шаг, за ней показалось пле-

чо. Потом часть спины. Затем вторая лапа. Демон постепенно обрастал шерстью, иглы становились плотными и острыми.

Заклятье Сфорцы все сильнее душило Шегана. Как только неразрушимая цепь показалась из тела Инга вслед за дикобразом, Николас резко закрыл проход.

Темный Агварэс полностью отделился и оказался на Земле. Не пробыв в материализованном состоянии и пары секунд, дикобраз бесследно исчез – парные начала не могли существовать по раздельности вне чужого сознания.

Инг на секунду загорелся отчаянным выбросом чакры Огня и отключился.

Несколько часов Лина пролежала на берегу озера Найгери после неудачной попытки остановить обезумевшего Максима. Она не могла знать, что роковая встреча между ее братьями уже состоялась, что Айран побывал в ее доме и забрал маску Кота.

Она сидела под тем же деревом, где очнулась, и наслаждалась мягким проникновением чужой исцеляющей чакры в виски. Позади сидел Иллис и массировал ее голову, предотвращая возможные последствия сотрясения.

Это был превосходный солнечный день, созданный специально для того, чтобы потратить его абсолютно впустую и быть при этом счастливым. Расслабившись в объятиях Ил-

лиса, Лина прокручивала в памяти момент их первой за три года встречи. Это он, Иллис, привел ее в чувство и с такой нежностью улыбнулся, когда она смогла открыть глаза.

– Лина! – сразу воскликнул он.

– Я так...

Она хотела сказать, что рада видеть Иллиса, но внезапно потеряла дар речи. Их взгляды встретились, и Лина почувствовала, что ее сердце замерло.

– Я тоже! – Иллис взял ее замерзшую руку и поднес к губам.

Они были парой со времен академии сихэ. Иллис учился в одной группе с Айраном и был его хорошим другом. Им нравилось проводить время втроем, вместе каждому из них было спокойнее всего. Но Айран почти всегда где-то пропадал, и после тренировок Лина с Иллисом наедине уходили на луг, где паслись лошади. Их отношения были так чисты и красивы, они наслаждались каждым днем, проведенным вместе, и беззаботно тонули в своей юной любви.

И сейчас, сидя с Иллисом на берегу озера, Лина чувствовала себя так хорошо, что боялась открыть глаза, чтобы не разрушить чудесное видение. Она почти слышала фырканье лошадей и шорох высокой травы. Решившись взглянуть на своего любимого, она чуть не сошла с ума от его все такого же влюбленного взгляда. Лина сощурилась от улыбки и прикрыла лицо ладонью.

– Ты так красиво морщишь носик! – неожиданно сказал

Иллис.

– Здорово у тебя получается делать комплименты! Как и прежде. Мне вот тоже нравится доставлять людям радость. Нравится, когда они смущаются, краснеют, глупо хихикают.

– От меня мало кто слышал комплименты. Я их берег.

– Берег? – она вскинула брови, – Зачем?

– Для одной... Для единственной девушки.

Иллис закончил обрабатывать ее ушиб, погладил Лину по голове и посмотрел в небо. «Берег комплименты для единственной девушки. Значит, он ждал меня?» – думала Лина.

– Иллис, мне не хочется возвращаться. Мое место здесь, с тобой.

– Я ведь и не знаю, куда ты исчезла так надолго. Максим говорил, ты погибла, но я никогда в это не верил.

Лина села, скрестив ноги.

– Ох, сколько же натворил этот Айран! Из-за него я жила в Азуре, в Аду. И должна была оставаться там, но не выдержала, когда Максимка попал в тюрьму.

– В Аду? Почему? Почему ты должна быть там? Ты ведь живая?

– Не волнуйся. Конечно, я живая. Ты же слышал, как бьется мое сердце, – Лина покраснела, но заставила себя продолжить серьезно: – В нашем Ханстве скоро будет восстание.

– Восстание?

– Да, бунт воров против Хана. Поэтому Айран запер меня в Аду, чтобы уберечь от этих ужасов. А Макса бросил одно-

го! В самое пекло бросил, раз считал, что ему придется воевать. То, что я объявилась на Земле, нарушило его планы. Невозможно было оставаться там. Без тебя. И видеть, как тяжело Максимке.

– Кажется, я понимаю далеко не все. Послушай, ведь можно было поставить меня в известность.

– Айран готовит восстание, Иллис. Ты не должен был с этим связываться. Тем более, мы теперь темные. А еще ты ведь мог невольно выдать все Максиму.

– Так это его рук дело?

– Да. Он хочет сделать так, чтобы никому больше не пришлось становиться воином или крестьянином только потому, что его отец, дед и прадед жили так. Короче говоря, сломать кастовую систему.

– Это самоубийство.

– У Айрана много людей. Не знаю, где он их собрал, я не лезу в его дела. Он хочет создать новое государство силами воров.

– Звучит, как будто он добивается анархии.

– Однажды он сказал, что во время этой бойни наоборот собирается избавиться от воров. Я точно ничего не знаю, попробуй разберись в Айране, он стал совсем чужим. Иногда мне кажется, что он сходит с ума.

– Он всегда был такой, замкнутый, упрямый.

– Да, да, – вздохнула Лина, – Идея восстания к нему давно пришла. Еще когда Максимку начали готовить к поступле-

нию в академию, и стало понятно, что воин из него не выйдет. Он от вида крови-то дрожал. Тогда-то Айран первый раз и заговорил о том, что не справедливо принуждать людей тратить свою жизнь на дело, которое они не считают своим призванием.

– Но если Айран делает это на такое ради Макса, почему же он так жестоко с ним обошелся?

– Я бы сказала, он делает это, скорее, ради самой идеи, чем ради кого-то. Айран считал, что Макс в любом случае должен переступить через себя и стать сихэ. Он решил применить на нем Хосуто Соу и внушить, что меня убили воры. Тогда у Макса появилась цель отомстить за меня, он добился хороших результатов. Но какой ценой.

– Да, помню, как он изменился, когда это произошло. Что Айран сделал с бедным парнем! И с тобой, милая моя.

– Самое ужасное, что Максим все это время думал, что Айран сам меня и убил. Теперь-то он уже знает, что я жива, но все равно собирается прикончить Айрана. По большому счету, есть за что... Но им движет слепая ненависть, он не в силах думать ни о чем, кроме убийства собственного брата. И дров уже наломал, не углядела я за ним...

– О нем ничего не было слышно с тех пор, как он сбежал из нашей тюрьмы. Кстати, у меня есть подозрение, что тут не обошлось без Хантай-Ни, так? – Иллис посмотрел на нее разоблачающим взглядом, – Это ведь ты забрала его в Ад?

– Конечно! – с гордостью ответила Лина, – Советую вы-

нести на совете деревни вопрос о введении дополнительной охраны тюрьмы от применения темной чакры, иначе любой Шеган сможет обвести стражников вокруг пальца.

– Для этого придется искать нескольких тюремщиков, владеющих темной чакрой. Где же нам их взять? Комохо никогда не пойдет на это, ты ведь знаешь, какие консерваторы стоят у власти.

– Да уж, знаю. Не будь они консерваторами, людям бы не приходилось никого убивать, чтобы достучаться до Хана.

Последние слова Лины слышал подошедший со стороны деревни молодой сихэ с черно-рыжими волосами. Заметив учителя с незнакомой девушкой, он пошел в другую сторону, но Лина увидела его раньше, чем он успел скрыться.

– Ты не знаешь его, Иллис? – спросила она.

– Это Инг Сефид, мой ученик.

– Если тебя волнует его судьба, поговори с ним, прямо сейчас. У него душа вся изорвана, я это чувствую.

Иллис спешно кивнул и окликнул Инга. Тот постоял пару секунд на месте, но потом резко развернулся и вернулся нервной походкой.

– Что с тобой? – учитель не смог скрыть своего волнения, – Садись. Это Лина, моя старая подруга.

– Мне лучше уйти, – мрачно отозвался Инг.

– Куда ты пойдешь, парень? Прыгать с обрыва? – строго сказала ему Лина, – Садись и рассказывай, что с тобой случилось.

Инг небрежно сел на землю. Он был совсем на себя не похож, так непривычно тяжел был его взгляд, столько напряжения было в жестах.

– Меня зовут Инг Сефид, я бывший ученик Иллиса, – представился он Лине, – Сейчас я в ранге Секацу, учусь у Николаса Сефида.

– Николас Сефид, слышала это имя, – сказала Лина, – Кажется, ему моя мать передавала силу Харара. Ты не в курсе?

– Да, он сейчас Харар. Скоро им стану я. Если только доживу до этого дня.

– Не ходи вокруг да около. Как ты собираешься становиться Хараром с таким бардаком в душе?

– Ты меня чувствуешь?

– Вижу, как на ладони. В твоём сознании была битва?

– Да, сутки назад я чуть не лишился светлого начала, и меня покинуло темное начало Агварэса.

Пояснив, что с рождения является носителем заточенного Демона, Инг рассказал Лине и Иллису о событиях, произошедших на тайной тренировочной арене. Николас еще раз проникал в сознание Инга, но нарвался губительные для Инга атаки огненного Агварэса, и тренировки было решено приостановить.

– Мне нужно поподробнее узнать про Древних Демонов, особенно про Сфорцу и Агварэса, – также сухо, как излагал все предыдущие факты, закончил Инг.

– Тут ты по адресу, – ободряюще улыбнулась Лина, – Ис-

тория Древних очень похожа на сюжет Нойраба¹¹. Древних Демонов всего четыре: это Агварэс, Антарес, Сфорца и Макарано. Их создал Денница после первой Войны между Светом и Тьмой. От других Демонов они отличаются развитым собственным началом. С незапамятных времен Агварэс и Антарес любили друг друга. Сфорца тоже к ней неровно дышал, и Агварэс как порядочный Демон враждовал с ним. После второй Войны Антарес заточили в мече Царицы Ягуаров. Сфорцу возмутило, что она безропотно выполнила волю людей клана Макарано, и он обвинил Агварэса в бездействии и трусости. Еще много лет после этого они пытались друг друга убить, пока Сфорца не запечатал Агварэса в не рожденном ребенке из своего клана. Я имею в виду клан Кеаго.

– Значит, моя мать все-таки была Кеаго... А почему именно Антарес заточили в мече Царицы? – тон Инга был пугающе сухим.

– Тут нужно знать о предмете второй Войны. Ее ведь начали светлые, когда темные нарушили первый Договор, и один из Шеганов выкрал у Инквизиторов Мешер.

– Так, Шеганы – это существа с темным началом второго уровня развития, – напомнил себе Инг, – А Мешер? Что это? Или кто?

– Мешер – это маска, которую создали силы Света и Тьмы, чтобы Инквизиторы, наши Судьи, в исключительных случа-

¹¹ **Нойраб** – популярный в прошлом десятилетия поэт-романтик, известный банальностью сюжета и стилистическим нагромождением своих поэм.

ях могли скармливать ей некоторые души или их начала. Со стороны Ада в ее изготовлении принимала участие Антарес. Пока Мешер находилась под контролем Инквизиторов, она была орудием справедливости. А потом... – Лина видимо напрягла желваки, подумав о Максе, – Потом Мешер выкрал у Инквизиторов один Шеган. Антарес раскрыла ему секрет, как подчинить маску своей воле, поэтому она и ответственна за все последующие события. Этот Шеган (как его зовут, никто не помнит) последовал указаниям Антарес и надел маску на лицо. Под влиянием темной чакры Мешер модифицировалась. Она превратилась в чудовище и требовала у своего Хвоста новых, и новых жертв, пока не сожрала его самого. Не сложно догадаться, что после его смерти Мешер нашла себе нового хозяина. Поэтому Антарес и приговорили к заочению – она дважды виновна в том, что вторая Война началась. Хоть первый раз и косвенно, когда вместе с Ангелами только изготавливала Мешер.

– Я удивительно многого не знал, – сказал Иллис.

– Просто в твоём распоряжении были не те библиотеки, – пожала плечами Лина.

Инг неожиданно поднялся с места и сказал:

– Вы, Иллис, сразу могли бы сказать мне, что по праву крови я мог бы называться Кеаго. Кто знает, вдруг я бы сейчас был Кнесом!

– Инг... – Иллис с беспокойством посмотрел на него.

– Простите, я не в себе. Спасибо за все.

Он быстро пошел прочь, оставив Иллиса и Лину с целым ворохом мыслей.

Сентябрь

«Куда делась маска? Где она?» – лихорадочно думал Максим, в панике разбрасывая вещи в доме Лины. Он слышал зов Мешер с того самого дня, как стал Хвостом, но старался не замечать ее вкрадчивого шипения, пока оно не стало невыносимо навязчивым. Игнорировать его сегодня было невозможно, Макс должен был срочно найти Мешер, но ему словно отшибло память – он не мог вспомнить, куда она подевалась, и почему не удалось отдать ей душу Артура Сена. «Мешер, Мешер, где ты?! Если бы мы только были вместе! Мы бы прямо сейчас убили Айрана! Не расстанусь с тобой никогда! Только найдись!» – метались беспорядочные мысли Макса.

Беспорядок, который он устроил в жилище Лины, привел бы ее в ужас. Она, к счастью, уже давно не появлялась дома. Максим вскользь подумал о том, когда последний раз видел сестру. Неожиданно это стало толчком к тому, чтобы восстановить в памяти события после боя с Артуром на озере Найдгери, когда Макс снял и забросил Мешер в кусты, где она и осталась лежать до сих пор. Тут же он с удвоенной силой ощутил ее зов, приказ отдать ей душу того человека, который прямо сейчас приближался к ней, чтобы забрать себе. «Айран!» – прошептала Мешер. Сам добровольно идет туда, где лежит изголодавшаяся маска! Удачнее обстоятельства сло-

житься не могли.

Макс вернулся на озеро Найгери, оказавшись неподалеку от места смерти Артура. Ощущение близости встречи с Мешер наполняло его сладостным нервным ожиданием, которое охватывает охотничью собаку, когда она слышит шаги хозяина.

Подняв взгляд к горизонту, Макс замер, как вкопанный. Он увидел напротив, уже буквально в нескольких метрах от себя, Айрана. Он действительно пришел сюда, чтобы забрать Мешер. «Зачем она ему? Он хочет обладать всей силой сам?» Макс смотрел на брата и дрожал, не в силах пошевелиться: одновременно от предвкушения, ненависти и страха. Он бросился в кусты и схватил Мешер. Надеть маску ему не позволил заломивший его в болевом захвате Айран.

– Руки прочь! – прорычал Макс и вырвался из захвата в вихре чакры.

В следующий миг он заметил, что выронил маску. Айран схватил Мешер, напорвшись при этом на сук. Из рта маски показался черный склизкий язык. Не успев телепортироваться, Айран отбросил маску в сторону.

Воспользовавшись его замешательством, Макс применил технику захвата Ланса. Сотня жгутов из чакры Тьмы сдавили тело Айрана и стремительно поволокли вверх. Подняв его на высоту примерно двадцати метров, они должны были так же стремительно обрушиться и впечатать жертву в землю, превратив ее в месиво из крови и костей.

Преодолевая боль и удушье, Айран сконцентрировал чакру, и вспышкой собственной Тьмы разрушил кокон жгутов Ланса. Оказавшись в свободном падении, он принял обличие Хвоста, чтобы распахнуть крылья и спуститься на землю.

Айран подошел к Максиму, который ошеломленно смотрел на него, держа Мешер в руках. Никогда раньше он не сомневался в скорости своего Ланса, который, по его мнению, не оставил бы шансов на выживание никому. Но первое применение этой техники в условиях боя показало, что она еще далека от совершенства. Айран смотрел на брата с глубокой досадой. Темно-серые крылья с характерным кошачьим рисунком из пятен и полосок он держал наготове к новому взлету.

– Максим, оставь Мешер. Она тебе не по зубам. Сожрет, как и всех Хвостов до тебя.

– С ней мне по зубам ты! – оскалился Макс.

Резким движением он надел маску на лицо, приняв обличие Хвоста, и выпустил поток темной энергии. Айран предвидел атаку и смог вовремя выстроить вокруг себя плотный щит.

– Да очнись же ты! – прокричал он сквозь треск чакры, – Мешер не дает тебе силы, она выжимает соки из тебя самого!

– Тебе никогда не понять, чего я так сильно хочу! – усиливал напор Макс.

– Ты хочешь убить меня. И что потом? Счастливее ты ста-

нешь от этого?

Макс прекратил выпускать чакру, отошел на несколько шагов и начал нервно смеяться. Если бы Айран собирался убить его, он бы очень легко мог сделать это сейчас, потому что истерика полностью захватила Макса.

– Это похоже на речи Ангелов! Айран! Давно ли ты записался в святоши? И почему же ты вдруг начал охотиться за моей Мешер?

Рот маски тоже чуть заметно исказился в ухмылке. Хвост задыхался от смеха, согнувшись пополам и упершись ладонями в колени так, что его длинные когти касались голеней, а пестрые крылья тряслись от судорог смеха.

Вдруг Максим распрямился и с яростью посмотрел на Айрана. Тот терпеливо ожидал, холодно глядя на брата. Макс зарычал и, как зверь, бросился на Айрана, повалив его с ног. Он полоснул его грудь когтистой лапой, и кровь окропила Мешер. Айран ответил резким ударом в область печени, потом захватил Макса ногой, прижав его к земле, и несколько раз глубоко продрал его по бокам. Макс стал вырываться, выпуская чакру, вращался в разные стороны, но все равно оставался крепко прижат к земле лицом вниз, так что Мешер тоже не могла дотянуться до Айрана. Когда попытки высвободиться, боль и кровопотеря окончательно истощили Макса, он выставил перед ним ладонь с сияющим узором Хосуто Соу.

Из поколения в поколение Дарды становились Шегана-

ми ради возможности использовать эту секретную технику. Среди членов клана было принято не становиться темными до рождения детей, чтобы не передавать по наследству усиленное темное начало и не лишать потомков возможности выбора. Айран же, расставив приоритеты, принял решение, что техника необходима ему значительно раньше, чем представится возможность заняться семейной жизнью. Он нарушил негласную внутриклановую договоренность, и больше трех лет назад вырезал на ладони символ Хосуто Соу.

В очередной раз он отметил правильность этого решения. Он знал, что одурманенный голодной Мешер Хвост полностью теряет контроль над собой, и единственное, что ему нужно – убивать. Причем становится безразличным, кого убивать. Почувствовав, что Мешер овладевает сознанием Макса, Айран погрузил его в транс и внушил, что собирается отправиться в Ад.

– Объяснюсь с тобой на собрании Хвостов, – отчетливо проговорил он.

В последнюю секунду он попытался сорвать Мешер с лица брата, но ее длинный язык заставил отдернуть руку. Айран исчез, оставив израненного Макса лежать на земле.

Он тут же вскочил на ноги, не чувствуя боли, и, ведомый внушенной идеей, последовал на первый Уровень Ада. Айрана он там, конечно, не нашел, ведь на самом деле тот отправился в деревню Эр, к Кате. Значения это уже не имело, Мешер звала его. Он взлетел над адской равниной и стал

набирать скорость. «Вперед! Куда Ты скажешь! Душа? Тебе нужна душа? Их тут полно!» – лихорадочно думал он.

Спикировать на какую-то душу, даже не успевшую удивиться, и порвать пополам. Кровь души – мицура – растеклась отвратительной темной лужей. Макс припал к густой жидкости, и из маски вылез длинный склизкий язык. Она стала лакать мицуру, засасывать ее, слизывать. Вскоре от души уже ничего не осталось.

Макс поднялся и взлетел над землей. Души успели разбежаться по сторонам, но двух-трех взмахов было достаточно, чтобы нагнать одну из них. Ее постигла та же участь, что первую. И он снова склонился над лужей мицуры, и снова длинный гадкий язык показался из маски. «Мешер! Дай! Дай мне тоже попробовать душу!» Макс попытался лизнуть кровь души сам. Выброс чакры Тьмы в сердце пресек его острой болью. Дард в шоке отдернулся от души, но Мешер тянула обратно. И он дал ей напиться мицуры. А взамен она наполнила его силой.

Он уже ощущал только Тьму. Одурающую Тьму и Мешер. Он не мог держать всю эту силу в себе, и чакра стала выходить за пределы его тела, расходиться огромными черными волнами. Вдруг произошел выброс такой силы, что за чакрой несколько секунд невозможно было различить самого Макса.

Волна энергии сотрясла стены дома одного из Хвостов, разбудив его хозяина. Вернее, хозяйку, потому что владе-

ла домом еще совсем молодая девушка со светлыми волосами, разреженными черными крашеными прядями. Это она недавно стала единственной свидетельницей того, как Ката передала свою маску Максиму, пока он ждал сестру у зала заседаний Хвостов. Эту девушку звали Анкс. Она была Хвостом и большую часть сознательной жизни провела в Аду, хоть и была живой. Когда обезумевший Макс устроил охоту на душ, она, как обычно, слушала громкую музыку в своих больших наушниках и не заметила ни стонов умирающих душ, ни дикого рычания Хвоста.

Но последнюю волну чакры она не могла не почувствовать. Все вздрогнуло и загудело от вибрации. Кровать, на которой лежала Анкс, находилась прямо на крыше дома. Девушка подскочила с места, сорвав с себя наушники, свесилась с края и осмотрела расползшуюся по стене трещину. С крыши ее дома было видно угасающий источник разрушительной силы.

Постепенно мерцание чакры прекратилось. Ад вдруг показался Анкс мрачным и угнетающим, как никогда.

Она еще долго стояла на месте, всматриваясь в мутный горизонт, пока не увидела приближающегося к ее дому Хвоста. Его силуэт был плохо различим в поднявшейся пепельной пыли.

– Поднимайся, сумасшедший! – крикнула Анкс.

Хвост тяжело взлетел на крышу. Она оглядела Максима с ног до головы: нетвердо стоящего на самом краю, в чер-

но-белой маске.

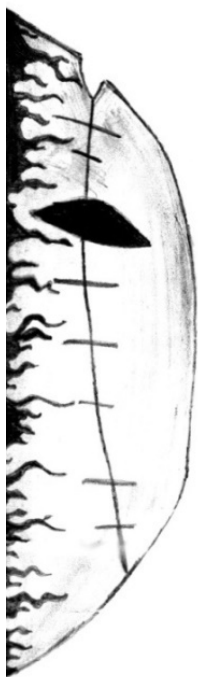
Он пошатнулся, чуть не свалившись вниз. В мгновение ока Анкс оказалась рядом и толкнула его в сторону. Хвост раскинулся на крыше. Мешер на лице стирала с него всякий след жизни.

– Шенад, – прошептала Анкс.

Она осторожно отложила в сторону маску и невольно засмотрелась на Максима. Даже страшная бледность, следы мицуры и полуприкрытые закатившееся глаза не лишали его лицо красоты.

– Шенад! – повторила Анкс с отчаянием.

Максим не двигался и едва дышал.

В центре Северного Ханства было расположено селение ксэ¹². Ровно восемь дней назад, сразу после заключения мира между воевавшими деревнями Ма и Ту, двое представи-

¹² Ксэ – гвардейцы Хана, владеющие чакрой, мечами и луками. Существует тринадцать рангов ксэ.

телей власти выехали оттуда, чтобы объехать с инспекцией все земли в буквальном смысле вдоль и поперек.

Пересечь Ханство с запада на восток выпало на долю Хелен – лучницы лет двадцати пяти с собранными в длинную косу светлыми волосами. Она носила широкий белый пояс, обозначающий принадлежность к высшему рангу. Ей было поручено посетить западную и восточную заставы, Ма и Эр, (последняя сохраняла нейтралитет в недавнем конфликте).

Всего двое воинов могли одновременно занимать высшие ранги. Большого влияния на Хана, чем эти двое, не имел никто, включая членов семьи Най. Особенной властью обладала именно Хелен, – как не сложно догадаться, благодаря личным отношениям с Нацхи. Нельзя сказать, чтобы молодой Хан был падок на женщин. Однако Хелен была для него не просто любовницей, а лучшим другом и советчиком.

Итак, она получила приказ провести инспекцию деревень Ма и Эр. Основная задача Хелен заключалась в осмотре местности и сборе информации о доминирующей чакре, то есть о том, энергия какого типа преобладает у населения, и какие сильные ее вспышки происходили в последнее время. Эта информация с помощью секретных рун наносилась на карту.

Хелен понадобилось пять дней, чтобы добраться до крайнего восточного муниципалитета, закончить дела в деревне Ма и вернуться обратно. К тому времени Джакомо Рубрус был назначен Комохо и занимался восстановлением по-

страдавших территорий. Руны показали явное присутствие в Ма чакры Кеаго, но Рубрус объяснил это тесным контактом предыдущего Комохо с сектантами. В настоящее время единственной из Кеаго в деревне была возлюбленная Джакомо, Амба, о чем он, конечно, умолчал.

Побывав у Хана с промежуточным отчетом, Хелен выехала в деревню Эр (где до сих пор держали в тайне смерть Комохо). До восточной окраины она добралась значительно быстрее, за два дня, – как раз к тому времени, как Айран вернулся домой, к Кате.

Айран был занят военной подготовкой недоучившихся или утративших навыки воров из числа бывших сихэ и ксэ, которые в большом числе собрались в деревне Эр. Небольшой отдых он позволил себе только после встречи с Максимом, и Ката была этому очень рада. Они остались жить в ее доме вдвоем после гибели напарника Айрана, Артура Сена. Когда это случилось, Анна, сестра Каты, не смогла оставаться с ними под одной крышей. Без Артура ее сердце так заняло от тоски, что она попыталась убедить Айрана помочь ей отправиться в Ад на поиски его души. Он отказался; но на следующий день Анна исчезла, не оставив даже прощальной записки.

Сегодня Ката жарила свои восхитительные блинчики, и воздух на кухне был густым, теплым и сладким. За треском масла хозяйка не заметила, как Айран подошел сзади. Он тихо обнял ее и уткнулся в плечо. От неожиданности она

чуть вздрогнула, но сразу расслабилась и нежно улыбнулась ему.

– Выспался?

– Даже слишком. Солнце уже высоко.

– Иногда и тебе нужно отдыхать, как человеку.

– Кстати, на человека я теперь еще меньше похож.

– Ты стал Хвостом, да? – Ката посмотрела ему в глаза и вздохнула, – А мне вот больше понравилось быть Шеганом, так спокойнее. Я не чувствую прежней силы, но зачем она мне? Хочешь блинчиков?

– Не откажусь.

Ката подвинула к нему тарелку со стопкой блинов и занялась остатками теста. Айран накрыл на стол, положил на тарелку Каты побольше сметаны и стал наблюдать за ней, такой довольной, сосредоточенной и ловкой, но от чего-то тревожной.

– Ты здорова?

– Да, конечно! Абсолютно! – ответила она с деланной веселостью.

– Правда?

– Да! – Ката повернулась к Айрану, но вынуждена была отвести взгляд от его пронизательных глаз, – Ой, спасибо тебе! – тут же обрадовалась она, заметив нехитрую сервировку на столе, – Ты не жди, ешь!

– Не нужно ничего от меня скрывать. Лучше будет, если ты на время уедешь в другое Ханство. Я это устрою. Оста-

ваться здесь небезопасно.

Ката замерла, забыв про подгорающий блин.

– Я серьезно, – сказал Айран, – В конце концов, это моя ответственность.

– Так ты все знаешь?

– Не все. Ни точного срока, ни пола ребенка не знаю.

Она смущенно притихла.

– Недавно твоя чакра поменялась. Это ощущение, что в женщине появилось что-то новое, одновременно и чужое, и родное, и очень слабое, и невероятно сильное. Похожее было у моей матери, когда она вынашивала сестренку и брата.

Ката погасила огонь под сковородой и села за стол, не поднимая глаз на Айрана.

– Ты боишься? – спросил он.

Она молчала и мялась, не желая говорить, насколько сильно боится.

– Ката, это испытание, конечно, предстоит пройти не мне. Но ты не одна. Я тебя не оставлю.

Она в секунду раскраснелась, в глазах заблестело счастье.

– Раньше для меня главным было добиться цели, установить в Ханстве справедливый режим. И положить жизнь на это казалось нормальным, – продолжил Айран, – Конечно, я бы в любом случае постарался как можно дольше продержаться, хотя бы потому, что без меня все может рухнуть, да и Рай мне не светит. Но сейчас остаться живым, иметь возможность вернуться к тебе – это условие, без которого мне

недостаточно самого лучшего результата.

Его прервал требовательный стук в дверь и крики на улице.

Хелен прибыла в деревню Эр. Привратник строго запрещал ей проход, пока не увидел пропускной документ от Хана – и даже тогда скорее стушевался, чем успокоился. Такая строгость в отношении ксэ высшего ранга, которого легко было узнать в Хелен по широкому белому поясу, насторожил ее и заставил мобилизоваться. Поэтому, когда у резиденции Комохо ее атаквали арбалетчики, она смогла быстро уйти из-под огня и укрыться в тупике между домами. Ее лошадь была подбита стрелой; лучница повела ответный огонь, используя ее тело как баррикаду. «Деревня или захвачена ворами, или саботирует. Необходимо сохранить свою жизнь любой ценой», – настроилась она.

Тогда один из воров, еще совсем юный мальчишка, пробрался к дому Каты и стал барабанить в дверь. Айран приказал ему остаться с Катой и в обличии коршуна вылетел из окна.

В это время Хелен концентрировала в руке чакру Ветра, формируя из нее щит, чтобы пойти на прорыв. Она заметила приближающегося коршуна и решила применить на нем технику объединения, чтобы обрести крылья. Необходимо было установить с птицей телепатический контакт и внушить ей свою волю. Сделать это оказалось на удивление легко – в какой-то момент Хелен даже показалось, что коршун хотел

ответить ей нечто вполне осознанное.

Им предстояло стать одним единым существом, внешне напоминающим Хвоста. Нельзя было предсказать, какие именно свойства коршуна передадутся телу ксэ, но многочисленные эксперименты по объединению с различными крупными птицами показали, что получившийся гибрид всегда способен летать. Хелен велела птице спуститься к ней в тот момент, когда она выйдет из своего укрытия, и вокруг окажется достаточно свободного пространства. Запирать себя в узком закутке во время объединения с незнакомым существом было бы слишком безрассудно, потому что даже при благополучном установлении контакта нет гарантии, что животное не будет сопротивляться. Иногда в первые минуты после слияния неукротенная воля животного вынуждает ксэ на бесконтрольные выбросы чакры и разрушительные действия.

Обнажив меч, Хелен перепрыгнула через тело своего коня и пошла на прорыв, прикрываясь щитом из энергии Ветра. Она увидела, что коршун снижается, и подготовилась к объединению, открыв доступ к началам своей души. Но в тот момент, когда когтистые лапы должны были коснуться ее плеча, она вдруг встретила небывалое сопротивление, с каким не сталкивалась никогда. Ведь она еще ни разу не объединялась с человеком, тем более с Айраном Дардом.

Нанесенный им удар по светлому началу поверг Хелен в шок, и она утратила контроль над формой щита. Несколько

стрел вонзились в ее тело. Айран дал приказ отставить атаку. Попытка объединения с Хвостом и выброс темной чакры в распахнутую настежь душу нанесли Хелен серьезный урон, а ранение окончательно вывело ее из строя. Она пошатнулась, выронив меч, не в состоянии взять себя в руки, и рухнула бы на землю, если бы Айран не придержал ее, поставив перед собой на колени.

Осознав, что произошло, Хелен со страшным гневом посмотрела на него. Навстречу ее взгляду Айран выставил ладонь со шрамом техники иллюзии Хосуто Соу.

Хелен вошла в транс. По приказу Дарда все разошлись прочь. Но сосредоточиться на технике ему помешал чей-то тревожный взгляд. Рядом стояла Ката, образ которой тут же полностью заполнил сознание Айрана. Ката подошла ближе и сказала:

– Всея деревней вы дрались против одной девушки.

– Это человек Хана, излишняя чувствительность здесь ни к чему.

– Что ты с ней делаешь?

– Ката, пожалуйста, не отвлекай меня. Я объясню тебе все позже.

Она посмотрела на Айрана и произнесла:

– Ее раны нельзя так оставлять.

Ката встала на колени рядом с Хелен, осторожно извлекла стрелы и стала затягивать ее раны исцеляющей чакрой.

Стараясь не смотреть на Катку, Айран принялся за рабо-

ту. Он заставил Хелен выложить информацию об обороне деревни ксэ и полностью забыть произошедшие с ней события. Потом он посадил лучницу на коня и направил к Хану, отпустив ее разум ровно настолько, чтобы она не выпала из седла. Прийти в себя Хелен должна была только на следующий день.

После разъединения с темным началом Агварэса Инг снова оказался в госпитале.

Селлах Реттер ходила навещать его. Она рассказала, что сейчас все свободное время посвящает самостоятельным тренировкам, иногда прибегая к помощи Алекса и Иллиса, и недавно познакомилась с Линой Дард. Лина больше не числилась в списке пропавших без вести и вернулась на службу в ранге Ширу.

Селлах скучала по временам, когда они были одной командой, когда Инг был всегда рядом. Она не хотела разыгрывать драматических сцен, но слезы сами собой навернулись на глаза. Инг был слишком слаб, чтобы как-то ее утешить, да и вряд ли смог бы подобрать нужные слова.

Чувство собственной ненужности и неуместности распустилось в Селлах пышным цветом, когда в палату неожиданно заглянула Али. Макарано с улыбкой поприветствовала ее, но Селлах не смогла ответить ей и вышла из палаты.

Али присела на кровать Инга, положила руку на его сжа-

тый кулак и сказала:

– Сегодня один Инквизитор сообщил мне, что темное начало Агварэса вернулось в Ад. Темные начала даже у Демонов не могут существовать сами по себе. Это значит, что Ад поглотил Агварэса, и он не вернется к тебе.

Инг тихо, но уверенно ответил:

– Я стану Хараром. Мне не важно, что для этого нужно сделать.

Его слова не остались пустым обещанием. Он продолжил тренировки с Николасом, постепенно приучая себя к светлой чакре и пытаясь взаимодействовать с Агварэсом. Периодически Демон пытался покинуть тело носителя, чем сильно изводил его.

Николас предложил Ингу временно поселиться у него вместе с Али. Мальчишка нуждался в контроле со стороны и элементарной заботе – за последнее время он почти перестал спать и находился в постоянном нервном напряжении.

В одну из ночей в доме Сефидов случился пожар. Али почувствовала, что причиной возникновения пламени был выброс чакры Агварэса. Тут же проснувшиеся Алекс и Николас быстро справились с огнем, но Али никак не могла разбудить Инга. Сжав зубы, он метался в бреду.

Николас попытался проникнуть в его сознание. Для этого Инга вытащили на улицу и начертили во дворе необходимую печать. Но все попытки оказались напрасными – душа Инга словно была намертво замурована, пока внутри шла безум-

ная битва. Али впускала в его тело свою чакру, пытаясь достучаться до него, и крепко сжимала его трясущуюся руку.

В какой-то момент все прекратилось само собой. Инг вдруг очнулся, сделав глубокий вдох.

– Он теперь будет ручным, – выдохнул он.

– Что ты сделал с Агварэсом?

– Я же Кеаго? Правнучек Сфорцы, да? Вот я и сковал его, как дедушка завещал.

На следующий день Инг смог более внятно объяснить, что его собственное начало каким-то образом применило заклятие Сфорцы и соединило себя с огненным Агварэсом. Проникнув в его сознание, Николас увидел, что собственное начало парня скованно с пылающим огненно-красным дикобразом такими же цепями, какие раньше были на темном. Случай этот был настолько уникален, что привел Николаса в восторг.

А еще через несколько дней этот невероятный парень сказал, что готов принять силу Харара. Темное начало Инга оставалось в состоянии Шегана, то есть находилось на втором уровне развития, а значит, принять светлую чакру было бы для него еще одним стрессом. Но Инг не хотел ждать: он был абсолютно уверен в благоприятном исходе и на все возражения Николаса, Алекса и Али продолжал требовать, чтобы это произошло именно сегодня. В конце концов Николас рассудил, что сила Харара может восстановить его куда быстрее, и есть смысл рискнуть.

Николас принял обличие Харара: за спиной у него распахнулись три пары тяжелых серебристых крыльев, окутанных чакрой Света. Чтобы сбросить одежду, ему пришлось обнажить торс. Инг стоял напротив и был похож на лучшего ученика академии перед вручением диплома с отличием, со своим счастливым, но изможденным лицом.

– Ты готов? – последний раз спросил Николас.

– Готов! – выпалил Инг, восхищенно глядя на него.

Харар подошел к нему и впустил в его сердце чакру Света. Инг сразу ощутил сильное головокружение, злость и желание отдернуть руку учителя, но сдержал свой порыв. Чакры поступало все больше, она расходилась по его телу, и гнев темного начала уже не позволял ему спокойно стоять на месте. В какой-то момент он закричал от боли и схватил Николаса за руку. Силой воли он заставил себя не пытаться ее отстранить, дрожа всем телом.

Чакра Харара формировала на его спине светлые крылья. Этот процесс был куда более продолжительным, чем трансформация в Шегана. Происходил переход светлого начала сразу на четвертую ступень, которым не обладал никто из живущих на Земле, кроме Хана и Харара. Ноги Инга подкашивались, но он продолжал стоять, вцепившись в руку Николаса. В какой-то момент он перевел взгляд на Али и смотрел на нее до самого завершения ритуала.

Он весь горел светлой чакрой и чувствовал наполнение новой живительной силой и одновременно полное истоще-

ние. Николас убрал руку с его груди и отошел в сторону. Не отрывая взгляда от счастливой Али, Инг припал на колени и проговорил:

– Клянусь служить тебе до последнего вздоха, Царица Ягуаров!

«Ты совершил невозможное», – подумал Николас.

После того, как Максим Дард устроил охоту на душ на первом Уровне Ада, а потом неожиданно для себя самого стал гостем Анкс, он около тридцати часов пролежал без сознания. С крыши его перенесли внутрь дома. Анкс постоянно была рядом и, подолгу глядя на его неподвижное бледное лицо, не раз ловила себя на непривычной нежной улыбке.

Когда он, наконец, очнулся и с трудом открыл глаза, Анкс сидела на краю его кровати и тихо говорила что-то огромному черному то ли псу, то ли волку с желтым узором на морде и шее. Едва пошевелившись, он тут же привлек к себе ее напряженный взгляд.

– Анкс, – представилась она и протянула руку, – Меня зовут Анкс. Я тоже Хвост, как и ты. Только моя маска больше похожа на ангельскую лиру рядом с твоей.

– Очень приятно, Анкс, – он нетвердо пожал ее руку, слегка приподнявшись, – Я Максим. Мы встречались, кажется? У зала заседаний.

– А память тебе не отшибло. Удивительно, – фыркнула

она.

– Да, не отшибло. Мне еще кажется, что я вырубился прямо на твоей крыше. Хотя там вроде была кровать и еще что-то. Или это бред?

– Спать на крыше – последний писк моды в Азуре, а вовсе не бред, – деликатно возразил сидящий рядом волк.

– Это Сфорца, Демон, – представила его Анкс, – Скажи ему спасибо, это он спустил тебя с крыши. Он у меня тут вроде приставленной няньки от моего учителя.

– Он умеет говорить? Мне кажется, я слышал его голос, когда потерял сознание.

– Да будет вам известно, умею, как и всякий уважающий себя Демон, – хриплым отрывистым голосом ответил Сфорца и обратился к Анкс: – Прошу заметить, что я не «спустил» Максима, как ты выразилась, а аккуратно его перенес. И я вовсе не нянька, а доверенный телохранитель, – удовлетворенным кивком пес закрепил произведенное на Анкс воспитательное воздействие и протянул Максиму лапу, – Будем знакомы. Кстати, с учителем Анкс тебе тоже следовало бы познакомиться.

– Успеет еще. Мой учитель – Первый Хвост, ты его еще неоднократно увидишь, – в устах Анкс это прозвучало, как приговор, – Не надо сейчас об Ольгерде, Макс ведь только пришел в себя. Кстати, может, воды хочешь?

– Да, пожалуйста, – только сейчас Макс заметил, что его горло иссушено жаждой так, будто забито иглами.

– Я принесу, – Сфорца обменялся с Анкс взглядом и вышел из комнаты через приоткрытую дверь.

– Сфорца возится со мной с тех пор, как я бросила вызов Деннице, – сказала она и кивнула на прикроватную тумбу, где лежала ее серебристая маска, покрытая неброской чешуей, через правую пустую глазницу, которой проходила залапанная трещина.

– Денница? Это же сам Дьявол? Ты сражалась с Дьяволом?

– Да, это он ее так потрепал.

Макс присмотрелся ко шву, скрепляющему блестящую поверхность маски, как живую плоть, и она вдруг показалась ему разумной – такой же, как Мешер.

– Мешер! – хрипло выкрикнул он, резко сорвавшись с кровати.

Его взгляд лихорадочно окинул комнату, успев зафиксировать малейшие детали скромного интерьера, но его маски нигде не было.

– Я оставила ее там, на крыше, – осторожно сказала Анкс.

– Она мне нужна. Прямо сейчас, – Макс был еще слишком слаб, чтобы тут же броситься наверх, и вместо этого осторожно сел обратно на кровать, держась за холодный мокрый лоб.

– Зачем она тебе? Будешь так резко вскакивать, вывернет тебя прямо на мой ковер. Представляю, какой мерзкой должна быть рвота после всего...

– Ты это о чем? Последнее, что я помню – это как отпра-
вился в Ад искать Айрана. Он сбежал в Азур, не окончив
схватки со мной на Земле, как последний трус.

– Айран-то трус? Видимо, плохо ты знаешь собственного
брата. Тем более, раз ты ни с того ни с сего решил, что Айран
оказался в Аду после вашей потасовки, значит он применил
на тебе свою технику иллюзий. Откуда тебе было знать, где
он? Он тебе это внушил, а ты повелся. Включил бы мозги –
так сначала залечил бы свои раны, а потом на трезвую голову
уже и прикинул бы, где мог скраться Айран, раз он тебе так
сдался.

– А я..? – напряженно спросил Максим, не глядя на Анкс.

– А тебе было, видимо, не до этого. Ты порвал в клочья
несколько душ, скормил Мешер их мицуру, и не удивлюсь,
если сам ее пил. Хорошо, что эти души нельзя назвать невин-
ными, все же это Ад, а то разбирался бы с Инквизиторами
за каждую.

Издав приглушенный стон, Макс завалился на спину.

– Это ты меня залечила?

– Вот еще! Это Сфорца. Повезло тебе, что кровь сверну-
лась от чакры. Сколько ты ее потратил зря... – под конец ее
резкий тон немного смягчился.

Только сейчас Сфорца вернулся в комнату, каким-то об-
разом взгромоздив себе на спину поднос со стаканом воды.
Макс с трудом вернулся в сидячее положение и, поблагода-
рив, осушил его почти залпом.

– По-хорошему тебя бы моим чаем отпаивать, – сказал Демон, – Как особому гостю могу предложить.

– Особому? Это из тех гостей, что учиняют массовые убийства, а потом врываются в дом без приглашения? – кое-как усмехнулся Максим.

– Не выпендривайся, – одернула его Анкс, – Чай у Сфорцы – что надо, быстро приведет в себя.

Макс не стал отказываться и под ее присмотром вышел в другую комнату – больше и светлее, с круглым деревянным столом посередине, на котором появился чайный сервис. В доме Анкс не оказалось ни единого зеркала, и Макс, пока заваривался чай, вслепую пытался хоть как-то пригладить волосы, оставшиеся почти такими же вздыбившимися, как были в обличии Хвоста.

– Одна моя знакомая была бы в восторге от тебя, – усмехнулась Анкс, глядя на него, – Мы с ней вместе учились у Ольгерда, пока она не вбила себе в голову, что на краю света ее ждет некий красавчик обязательно с черными лохматыми волосами.

– Н-да, ну и дела, – растерянно приподнял брови Макс, – Расскажи мне лучше про Ольгерда. Он кто? Первый Хвост – это как понимать?

– Ольгерд... – задумалась Анкс, – Ольгерд у нас что-то вроде начальства. Наверное, после Роксаны он самый старший из Хвостов. Ну, то есть, мне он говорил, что стал Хвостом уже после смерти. Шеганом был еще при жизни, как-

то умудрялся при этом оставаться сихэ и ото всех скрывать, что он темный. Потом на какой-то миссии он погиб.

Сфорца тем временем поставил на стол небольшой торт, спокойно стоя на задних лапах и прекрасно управляясь передними, как руками. Он разрезал ножом торт на три части, потом, покосившись на Макса, разрезал один из кусков еще пополам, подвинул к себе две трети торта и сказал, как ни в чем не бывало:

– Угощайтесь, пожалуйста!

Он уселся совсем как человек – лапа на лапу и, отпив чай, обратился к Максусу:

– Ты скоро увидишь Ольгерда. Уверен, в ближайшее время будет собрание. По крайней мере, Роксана собиралась посылать кого-нибудь за вишней на Землю. Значит, она будет печь пирожки, а значит, будет собрание, так уж заведено.

– Всем Хостам обязательно присутствовать на собраниях, да? – Макс от чего-то слегка оробел.

– Конечно, всем обязательно, – подтвердила Анкс, – Когда нас вызовут, пойдем ко дворцу мимо одного интересного места, покажу тебе следы былой славы нашей Рейнлан. У нас раньше полгорода было в ее граффити, а сейчас осталось только на одном доме. Ты это должен видеть!

– Бр-да-а, – с рыком протянул Сфорца, – Рейнлан была та еще демоница! Талант, одним словом. Среди учеников Ольгерда она была лучшей. Не в обиду, Анкс. Что поделать, если отец ее был Демоном, а мать – шестикрылым Ангелом. Плюс

на минус дает, в нашем случае, Рейнлан. Это я Макс у разъясняю, ты-то эту сказку уже не раз слышала. В общем, Макс, Рейнлан – экземпляр потрясающий, и, возможно, иногда излишне.

– Это я про нее тебе говорила, что она помешана на лохматых брюнетах, – вставила Анкс, – Она сказала, что отправляется исследовать Землю, и больше к нам не вернулась. Наверное, опять влюбилась тогда в кого-нибудь. А незадолго до этого...

– Ох! Не говори об этом чудовище! – перебил ее Сфорца.

– А я ему лучше покажу! После собрания заглянем в рубку Ольгерда, Макс, там у него до сих пор хранится один такой черный и лохматый! Рейнлан его когда-то сама сделала. Клянусь, она сумасшедшая! – Анкс уже совсем оживилась и стала похожа на озорную выпускницу академии.

Глядя на улыбающуюся девушку-Хвоста и болтливого Демона, Макс вдруг почувствовал, что именно здесь, в Аду, к нему возвращается утерянная еще в детстве радость жизни.

Появление Хелен в деревне Эр заставило Айрана поторопиться со своими планами и отложить отдых у Каты. Отправив лучницу обратно к Хану под действием техники Хосуто Соу, он отправился в муниципалитет Ту, где сейчас находилась резиденция Кеаго. Огорченная Ката снова осталась одна.

Чтобы выиграть время, Айран воспользовался техникой телепортации. Долго искать Сатанга ему не пришлось – Кеаго сами почувствовали приближение чужака, и ему навстречу выслали Амбу верхом на огромном волке.

– Привет, красавец! Снова ты к нам пожаловал? – крикнула она, приближаясь к Айрану.

– Да, есть одно предложение для Кнеса. Ты Амба, если я правильно помню?

– Да, Амба, и я по тебе скучала! Только если опять думаешь получить у Сатанга людей, даже не пытайся. Он как-то разуверился в твоих идеях.

– Разуверился в том, что каждый человек волен свободно входить в любую касту? Странно, потому что это в его же интересах. Или он забыл, что Кеаго сейчас вне закона?

– Я думаю, он все это понимает. Но он слишком осторожен. Садись-ка на моего волка.

Зверь окинул Айрана недобрый взглядом, но позволил ему сесть себе на спину позади хозяйки. Амба повернула волка обратно.

– Без дальновидности осторожность загоняет в угол.

– Ты прав! – с интересом согласилась Амба, – Но я уверена, что Сатанг больше никогда не пойдет на контакт с сихэ. Он был в бешенстве, когда вскрылось, кем был Рубрус. Да и мне от него досталось, если честно. Я даже думаю, что он не поверил, когда я стала отрешиваться от связей со шпионами Ма.

– Джакомо был не совсем шпион – скорее, вербовщик. Его подослали к вам в основном для того, чтобы он подвел Сатанга к необходимости сотрудничать с Ма и мог информировать деревню, если он вдруг передумает или случится что-то непредвиденное.

– И готова спорить, не просто так Комохо Ма вдруг решил, что Кеаго хорошие, а деревня Ту – плохие. Это тоже твоих рук дело, хитрец?

– А я готов спорить, что такие обширные сведения Рубруса обо всех делах секты – дело твоих рук. Я-то работал не сам. Заинтересовал одного приближённого Комохо. Приближённую, точнее. Благодаря ей, руководство деревни шло на сближение с Кеаго.

– Как же именно ты ее заинтересовал? – Амба многозначительно посмотрела на него, двинув бровями.

– С ней не сложно договорится, – спокойно продолжил Айран, пропустив пошлый намек мимо ушей, – Ее зовут Зара, могла слышать о ней, дочь кукольника. Она с юности выполняет заказы со стороны. Обычно она остается верна интересам своей деревни, но, по сути, она наемница. Такие люди знают толк в деньгах.

– Да, слышала, интересный персонаж. Насколько я знаю, она не темная, но может применять Хантай-Ни, владеет чакрой Ветра, использует в бою куклу-двойника и крутит всей деревней, как хочет.

– Да, точно она.

Нынешняя резиденция Кеаго представляла собой укрытый растительностью грот неподалеку от озера Найгери. Место это было облюбовано кланом Кеаго задолго до того, как он отошел от принципа семейственности и стал сектой. Рисунки на сводчатых стенах пещеры рассказывали о встрече первого из тех, кто стал звать себя Кеаго, с их богом по имени Дождь и о познании им секрета самого торжественного и кровавого ритуала жертвоприношения.

Из влажной темноты донесся голос Сатанга:

– Опять ты со своим восстанием против системы? Ты как ребенок, Айран, а ведь не многим младше меня. У тебя было достаточно времени, чтобы понять, что это все безнадежно.

– Я уверен, что возможно создать государство, где человек, не желающий быть воином, не будет считаться преступником только за то, что не может убивать; где человек, верящий в бога, которого не знают другие, не должен будет прятаться, совершая свой обряд.

– Ты слишком много думаешь о том, что происходит на Земле. А Земля – это лишь тленный мир, в котором ты проживаешь свои жалкие несколько десятков лет только для того, чтобы сделать свой выбор перед началом истинной жизни.

– Если твои люди правильный выбор уже сделали, к чему беречь жизнь своей телесной оболочки?

– Идти с вами это все равно, что добровольно отвернуться от истины. Все вы трусы и подлецы. Что ксэ, что сихэ, что воры, как ты, – все вы остаетесь собаками Хана. Этого

из вас не выбить. Мне странно, что ты вообще пришел ко мне после того, что эти грязные псы из Ма по твоей наводке подослали мне Джакомо. Это было низко. Жаль, что он не успел пройти обряд инициации, а то я поставил бы ему нашу печать, и в деревне Ма был бы Комохо с темным началом второй ступени.

– Можешь не верить мне, Кнес, но не я хотел, чтобы они присылали своего человека, и я не знал, что они так поступят. Мои люди вербовали сихэ Ма, чтобы ослабить деревню Ту и отвлечь внимание Хана. Я сделал все, чтобы навести Комохо Ма на мысль о сближении с вами, но не более. К тому же, я не считаю подлостью то, что сделал Комохо. Он не привык доверять Кеаго, отступникам в его глазах.

– Вот видишь, ты защищаешь Комохо, хотя сам давно вор. В том-то и беда, что ты не считаешь подлостью то, что считаю я. Уходи, откуда пришел, вор, мы уже потеряли много людей на этой бессмысленной войне.

– Я понял, что ты не хочешь лишней крови...

– И потому прошу тебя уйти, – перебил его Сатанг.

– Выслушай его до конца! – потребовала Амба, обнажив клыки.

– Я лишь хотел попросить тебя позаботиться об одном ксэ, который в ближайшее время окажется в муниципалитете Ту.

Айран знал о продвижении второго ксэ высшего ранга со слов Хелен, которая выложила ему информацию, находясь под действием техники иллюзий.

– Мне бы очень не хотелось, чтобы этот ксэ вернулся к Хану. Велика вероятность, что по пути он видел один из наших лагерей. Мне кажется, что будет лучше, если он предстанет перед Дождем, чем перед своим господином.

– Что ж, вор, у ксэ высшего ранга обычно сильная душа. Он будет хорошей жертвой нашему Богу. Я пошлю своих людей за ним. Но обещаю тебе, что ты никогда больше не вернешься ко мне. Уходи. Амба, проводи нашего гостя.

– Не стоит, – сказал Айран и посмотрел на поднявшуюся с места Амбу, – Я благодарю тебя, Кнес. Даю тебе слово, что последний раз явился к тебе с просьбой.

Он еще раз попросил Амбу не провожать его, в ответ на что она тихо рыкнула себе под нос. Когда он вышел наружу, Первый Хвост, наконец, после нескольких попыток смог выйти с ним на связь и объявить о собрании Хвостов.

В течение пяти земных дней Максим жил у Анкс. Под присмотром Сфорцы его состояние постепенно улучшалось. Лина даже заглянула в Ад, обеспокоенная новостями об охоте Мешер на душ, но с братом она оставалась недолго, быстро заскучав по своему Иллису.

Жизнь Максима в доме Анкс стала слишком напоминать человеческую. Но в Аду хорошее самочувствие, наверное, считается дурным тоном, потому что однажды утром, разрушая все тщательно выстроенные иллюзии психического здо-

ровья, в сознании обоих Хвостов раздался низкий лукавый голос:

– Граждане, Ольгерд на связи. Первый Хвост, если кто забыл. Всем срочно на собрание!

Максим обескуражено уставился на Анкс. Ее раздраженно-будничный вид убедил его, что подобное здесь в порядке вещей. Помимо того, что внезапное превращение головы в радиоприемник, настроенный на волну вещания первого Хвоста (что само по себе было довольно неожиданно, да и малоприятно), Макс поймал себя на странной мысли, что этот голос ему хорошо знаком.

– Рокси, моя Роксаночка, испекла пирожки с вишней! – продолжал Ольгерд, – Очень вкусные! Все приходите! У нас же теперь одним ртом меньше! Наша дорогая Лина предпочла прекрасное общество Хвостов некоему кавалеру с Земли по имени Иллис. По-моему, парень слегка зануда, но в дела любовные я не лезу. Лина, правда, грозилась кому-то передать свою маску, но я надеюсь, никто вместо нее не придет, и пирожков мне больше достанется. Давайте, ребяташки, я вас жду.

Трансляция в сознание прекратилась, и не сказать, чтобы это сильно расстроило Анкс и Максима, потому что каждое слово растянутой речи Ольгерда отдавалось болезненным эхом в их головах. Делать было нечего. Окончательно убедившись, что услышанное не было слуховой галлюцинацией, Максим забрал Мешер с крыши, и они отправились во

дворец Хвостов.

Как и обещала несколько дней назад Анкс, к месту сбора они пошли так, чтобы можно было увидеть последствия упражнений в искусстве настенной графики некой безумной Рейнлан. Макс был уверен, что идти придется по темным подворотням, но Анкс завела его в довольно приятный по здешним меркам район, который можно было бы назвать элитным. Дома здесь были не так скромны, как соседние аскетичные строения, а земля в некоторых местах даже была покрыта подобием ворсистого синего мха. На черной кирпичной стене одного из домов, прямо поверх окон, горели красно-бордовым огнем пять мастерски выписанных букв: «БЭНКС».

– Неплохо, да? – сказала Анкс, – В этом доме раньше оставался Денница, но после этой выходки Рейнлан, он никогда больше не возвращался на первый Уровень. И это вместо того, чтобы испепелить ее на месте за одну только возникшую мысль. А он просто сказал: «Вот сама теперь в нем и живи». Она и жила какое-то время. На самом деле я думаю, что Деннице просто уже тяжело подолгу находиться на первом Уровне, не тот уже наш старик, он сейчас постоянно живет на восьмом.

– А что такое «Бэнкс»?

– Бэнкс это второе имя Рейнлан, которое она сама себе придумала. Она всем говорила, что она из клана Бэнкс, но она этот клан сама же и «основала».

– Ты знаешь, она мне напоминает одного моего друга, Инга Сефида. По крайней мере, он меня называл когда-то другом, а потом я решил уйти из своей деревни, и он меня силой вернул обратно и сдал в тюрьму... Инг тоже разные штуки выкидывал и стены разрисовывал, правда, не так хорошо.

За разговором они дошли до дворца Хвостов и вошли в зал заседаний. Высокий потолок поднимался метров на десять вверх и к концу образовывал арку. Свод и стены были сделаны из камня, похожего на мрамор, но несвойственной для него окраски: на глубоком черном фоне отчетливо выделялись пурпурные прожилки. На трех стенах было по несколько окон с матовым фиолетовым стеклом от пола до самого потолка. В центре зала стоял длинный стол черного дерева, за которым сидели Хвосты во время собрания. У стола стояли массивные стулья того же черного дерева с отделкой из багрового бархата. На одном из стульев была накинута шкура какого-то зверя.

– Впечатляет, – сказал Макс, оглядываясь.

В это время в зал вошла высокая женщина неопределенного возраста с роскошными длинными темно-серыми волосами, расчесанными на пробор, обрамляющими ее бледное лицо с алыми губами и яркими медово-золотыми глазами. Анкс кивнула ей, как бы сдержанно поклонившись, Макс сделал то же самое. Закрывая за дамой дверь и при этом придерживая огромное блюдо с ароматными пирожками, в зал вошел Хвост с не менее роскошной, чем у его спутницы, чер-

ной львиной гривой и в цилиндре на голове.

– Анкс, я слышал, кого-то здесь впечатляет архитектура нашего зала? Молодец, прививай новичку хороший вкус! – сказал он.

– Спасибо, молодые люди, я весьма польщен, – послышался странный голосок со стороны дамы с серыми волосами.

На ее плече показался мохнатый паук, на котором тоже был цилиндр, да еще и восемь белых манжет.

– Пожалуйста, знакомьтесь, дорогой Арахна, – засуетился перед Демоном-пауком Хвост с видом распорядителя бала, – это Максимка Дард, мой сынок. Позволь представить блистательную королеву Ада, дочь Денницы, мою любовницу и творца самых грандиозных на всех светах пирожков – Рокси, Роксаночка, Роксана Великолепная. А это Арахна, лучший архитектор Ада и по совместительству дворецкий Роксаны.

Арахна невозмутимо приподнял цилиндрик. Роксана, небрежно кивнув, села за стол на то место, где лежала шкура.

– Ольгерд? – позвал Максим.

– Внимаю тебе, о свет моих очей!

– Ты сказал, я твой сын?

– Именно это я и сказал. Ты мой сын, а я твой отец, который по милости одного своего друга, к сожалению, помер еще до твоего рождения, и пришлось мне коротать свои нелегкие дни в Аду. Меня зовут Ольгерд, я Первый Хвост, и я очень рад с тобой познакомиться, – он протянул свою руку-лапу, – Только не думай, что, если ты мой сын, тебе до-

станется больше пирожков, чем другим. Можешь взять один.

Максим механически протянул руку к подставленному ему блюду, в замешательстве глядя на своего неожиданно обретенного отца, который при первом знакомстве кого угодно мог шокировать своими манерами.

– На юноше очень сказывается отсутствие должного воспитания, – сказал Арахна, – Откровенно говоря, это просто возмутительно. Молодой человек, ведь тут же дамы. А вы с непокрытой головой! Немедленно наденьте шляпу! – неожиданно взвизгнул он, – Являться перед дамой без шляпы – верх неприличия! Вы можете быть без штанов, без трусов, но в шляпе вы быть обязаны!

– Я займусь этим вопросом, – пообещал Ольгерд и, схватив пару пирожков побольше, поставил блюдо перед Анкс, которая села напротив Роксаны.

Сам Первый Хвост расположился во главе стола. Повернувшись к нему спиной, он закинул ноги и львиный хвост на спинку стула, голову положил на столешницу, и вся его лохматая черная грива раскинулась вокруг. Ситуация складывалась все более и более абсурдная. Максим прошел вдоль стола и сел рядом с Анкс. Ольгерд, как ни в чем не бывало, начал произносить речь, не меняя своей невероятно удобной позы.

– Итак, из Хвостов сегодня здесь присутствуют: Анкс, наш дебютант Максимка, красавец-я, и еще одного мы ждем, ибо Лина свою маску все-таки успела передать другому Шегану,

а лучше бы она этого не делала. Повестка дня такая, – он откуда-то достал помятую бумажку и с нее зачитал: – Первое: пирожки. Друзья мои, пирожки восхитительны! Правда же, Анкс? Давай, не стесняйся, возьми еще один. Ты слишком похудела за последнее время, не иначе как влюбилась. Наешь обратно свою красивую грудь, я требую!

Он говорил с вычурной серьезностью, а глаза его при этом искрились змеиной насмешкой. Анкс тяжело вздохнула и закрыла лицо ладонью.

– Не забудьте предложить пирожок Арахне, молодежь, с ним надо быть вежливым. Второе что там в списке? Познакомиться с Максом. Ну, это я уже сделал. Кто Макса еще не знает, пожалуйста, знакомьтесь, это Макс, – он театрально указал ладонью на сына, выдержал трехсекундную паузу и затараторил вновь: – Дальше, третье: возможность войны с Инквизиторами. Так-так! – он сел, наконец, как все и хлопнул в ладоши, – Недавно меня удостоил визитом Арч, что уже само по себе весьма подозрительно. Если кто не знает, Арч у нас очень старательный Инквизитор-новичок. Парень серьезный, лижет задницу начальству и работает в библиотеке. Так вот, этот Арч в разговоре упомянул беднягу Антарес и нашу дорогую и любимую Мешер, а их братия такие темы просто так не поднимает. Поэтому я подумал, что они могут попытаться намылить нам шею за проделки нашего пращура.

– Я немного не понял. У Хвостов с Инквизиторами какие-то счета? – спросил Макс.

– А ведь еще недавно и ты была таким несмышленишкой, Анкс! Можешь себе представить? Специально для Максима поясню, что Инквизиторы считают Мешер своей собственностью. Я бы даже сказал, что с точки зрения закона, они, наверное, правы, потому что Мешер создавали именно для Инквизиторов, чтобы в супер-особенных случаях ей скармливали души, которые просто ни уму, ни сердцу, и ни в Ад, ни в Рай они отправиться не могут. Но потом кому-то из наших, особо одаренных, пришло в голову выкрасть ее, а потом еще и на лицо нацепить. Теперь Мешер стала плохой девочкой, сама к Инквизиторам возвращаться не хочет. У нас уже некоторые пытались ее вернуть, но от нее же здорово хлопотали. Ты, Макс, можешь попробовать, но мало не покажется, если она на тебя рассердится. Я вообще хочу сказать, что может никакой войны и не будет, а просто у меня паранойя, поэтому тема не слишком актуальная, давайте дальше.

– Еще вопрос, – сказал Макс, – Он касается лично меня, поэтому, может быть, его стоит обсудить позже.

– Да ладно, не скромничай!

– Я уже понял, что маска у меня непростая, и что со мной творилось, когда я становился Хвостом, теперь чуть более объяснимо.

– А, ты про ту свою дурь? Не переживай, мальчик, это теперь для тебя будет норма.

– Вот даже как... Но я хотел спросить про другое. Когда я становился Шеганом, это тоже прошло не очень гладко. То

есть я тогда был ранен, и Лина сделала меня Шеганом, только чтобы я выжил, а потом меня можно было спокойно подлечить темной чакрой. Но сам процесс превращения проходил так тяжело, что я не был уверен, что справлюсь. Я пытался спросить у нее, нормально ли это, но она всегда уходит от темы. Поэтому я подумал, что она могла не предусмотреть что-то, делая меня Шеганом, или со мной что-то не так. Еще она однажды сказала: «Только сейчас ты и стал обычным человеком». Что это значит? У меня возникла только одна мысль: у меня второй уровень светлого начала. Это возможно?

Ольгерд пристально посмотрел на него в течение нескольких секунд.

– Да, так и есть. Ты знаешь, что по наследству передается усиление темного или светлого начала на одну ступень? Так вот, хорошо, что передается не больше, потому что Фанни, твоя мать, Макс, была Хараром еще до того, как им стал Николас. Правда, недолго: Лина была зачата, когда Фанни еще была человеком, поэтому у твоей сестры таких проблем не было. И не успела тетя-Харар своим детишкам хорошенько вбить в голову, что Тьма нас всех убьет, а Свет – это панацея, как сама погибла на миссии. Что поделать, после твоего рождения она уже была не тем воином. Что тогда должен был подумать юный мальчишка, на которого свалилась ответственность за вас обоих?

– Это ты об Айране? – Макс крепко сжал кулаки, – Хочешь сказать, что он решил, что путем Света изменить мир

нельзя, и тогда пресек со мной все контакты, потому что меня темным было делать никак нельзя? Попросту говоря, он меня бросил, как балласт на пути к его великим целям. Я же чуть не сошел с ума после этой разыгранной смерти Лины!

– Вот же ты дурачье! Ты ведь должен был думать, что Лину убил какой-то вор, чтобы ты этих воров ненавидел, стал сильным и верным воином своей деревни, и прочая чепуха. А то, что Лину убил Айран, ты придумал сам. Детские обиды на него вылил, всю ответственность по привычке свалил. Наваждения – штука непредсказуемая и нестабильная, особенно, когда человек с Хосуто Соу бережет свою жертву и не работает в полную силу.

– Это все невозможно! – взорвался Макс, – Бережет?!! Что ты..?

– Знаешь, что сделало эту иллюзию такой крепкой?! – резко пресек его Первый Хвост, подавшись вперед и ударив по столу лапой, – Откуда у тебя эта тупая жажда мести? Ведь ты давно знаешь, что твоя сестра жива! Все дело в детском желании превзойти своего брата!

В этот момент в дверях появился последний Хвост, забравший маску Лины.

– Простите, я опоздал.

– А вот и ты! Легок на помине, бес! – повернулся к нему Ольгерд.

– Ты очень вовремя, Айран! – вскричал Макс и, отшвырнув в сторону стул, ринулся на него с обнаженным найшу.

Но клинок лишь рассек воздух – Айран успел взлететь. Он опустился на стол перед Ольгердом и почти по-хозяйски сказал:

– Значит, это подразумевается под словами «постараюсь воззвать к его братским чувствам». Мне не следовало здесь появляться.

Послышалось тихое шипение Мешер. Роксана с интересом посмотрела на маску.

– Мальчишки, не надо так нервничать, давайте поговорим, – начал Ольгерд.

Тут же Макс метнул найшу в стоящего на столе Айрана. И снова промах. Оба Хвоста вылетели из зала, разбив огромное окно. Фиолетовое стекло со страшным звоном рухнуло на пол, и его осколки долетели до стола.

– Что творят твои сыновья? – проворковала Роксана.

В зале повисла напряженная тишина. Через несколько минут Ольгерд и Анкс одновременно сорвались, чтобы лететь следом за ними, но тут Айран открыл ногой дверь и внес в зал Максима, тело которого было до предела напряжено.

– Ты что с ним сделал, шенад! – крикнула Анкс, – Это снова твои иллюзии?! Зачем?! Зачем вообще все это, скажи?!!

Айран молча положил Максима на стол и вытер с лица кровь от пореза найшу. Анкс подошла ближе. Арахна сполз с плеча Роксаны, чтобы осмотреть Максима.

– Я серьезно. Разве нельзя было обойтись без этого?

– Анкс, что сделано, то сделано.

– Но зачем?!

– Видишь ли, я всегда видел в Максиме большой потенциал, но в детстве он был слишком ленив, ни в какую нельзя было его заставить тренироваться. Он уже поступил в академию сихэ, а это ребячество все не проходило. Если бы у него не появилась цель стать сильнее, он бы просто загубил свой талант. На самом деле он никогда не хотел быть сихэ. Ничего лучше я тогда не мог для него сделать. А сейчас я стал вором и шаг за шагом уничтожаю нашу клановую систему. Вдохновил меня на это именно Макс.

Анкс посмотрела ему в глаза, но сама долго не вынесла этого.

– А где Мешер?

– Вот, – он положил маску у ног брата, – Я на время вывел ее из строя, уж очень язык к нам обоим тянула. Мешер отыграется, но это будет потом. Сейчас его душа в безопасности.

Анкс, сев на стол, склонилась над Максом. Она постепенно приближалась к его лицу. Все ближе и ближе. Вдруг он очнулся, резко дернувшись, и их губы соприкоснулись. Ольгерд улыбнулся Роксане, глядя на это. Отпрянув, чтобы дать Максиму вздохнуть, Анкс суетливо оглядела его, одновременно полная смущения и тревоги за него. Он отстранил ее, придерживая за плечи. Все мешалось и плыло в его голове, смутно хотелось что-то сделать, но все вызывало отвращение. Обрывки невнятных, гулких мыслей, ощущений и эмоций проносились, не оставляя и следа.

Внезапно он вскочил со стола и почти крикнул:

– Где он?!!

Взгляд лихорадочно перемещался от Ольгерда к Роксане. «Они точно знают, но, шенад, не скажут. Может, она скажет?» – взгляд перешел на Анкс и стал искать у нее ответа, но Роксана прекратила этот немой допрос:

– Айран уже далеко.

– Шенааад!!! – взвыл Макс и ринулся к выходу.

Но напряжение неожиданно вновь сковало его тело, и он упал перед самой дверью. Ольгерд уволок его в какую-то тесную комнату, и потом сквозь туман Максим слышал его долгий разговор с Анкс. Он уловил обрывки фраз: «Ненависть к Айрану – его движущая сила», «Он не откажется от Мешер, даже если появится Шеган, пока не уничтожит его», – а потом еще: «Патлы свои убери, Анкс, в глаза же лезут!»

Дверь за Ольгердом закрылась с громким хлопком, который ударил по барабанным перепонкам, ввинтился в размытое сознание Макса, и потом все исчезло.

В то время, как Хелен была отправлена с инспекцией в деревни Ма и Эр, второму ксэ высшего ранга по имени Эльхес Сефид было приказано посетить с этой же целью деревни Ив и Ту. Эльхес был приблизительно сорока лет от роду, высокого роста, с ярко-рыжими не слишком короткими волосами и голубыми смеющимися глазами.

Он должен был преодолеть несколько большие, чем Хелен, расстояния по направлению соответственно на юг и на север от поселения ксэ. За четыре дня езды он добрался только до южной деревни Ив, но на обратной дороге значительно сэкономил время, оставив лошадь у сихэ и всего за день вернувшись к Хану в обличи орла. В отличие от Хелен, Эльхес владел техникой превращения в зверя, как и другими техниками сихэ. Первую половину своей жизни он служил под началом Комохо Ту и имел ранг Ширу. Сейчас же, дослужившись до тринадцатого ранга ксэ, он отвечал за руководство внешней разведкой. Его кандидатура на столь ответственную должность долго оспаривалась приближёнными Хана, ввиду небезупречной репутации Эльхеса. Значение здесь имели обстоятельства, по которым он был вынужден покинуть свою родную деревню. Однако как воин он был одним из лучших, а уж в умении уговорить самых несговорчивых собеседников и найти деликатное решение самых острых ситуаций ему равных не было.

Дав себе несколько часов на сон после перелета, Эльхес ранним утром отчитался о проделанной работе в деревне Ив, где ситуация не вызывала никаких беспокойств, и выехал на север. Почти три дня он провел в дороге, отмечая все выявленные изменения и нанося на карту сведения о распространении чакры. Он знал, что работа его могла бы в этот раз быть выполнена с большей тщательностью, но слишком торопился прибыть в Ту, поэтому и ночью не дал коню отдох-

нуть.

На чистом небе стояла большая яркая луна, и все вокруг было отлично видно даже через несколько часов после заката. Николас возвращался из селения Фога, расположенного между деревнями Эр и Ту, где заключал важную торговую сделку по поручению Комохо. Он ехал верхом вдоль белой сияющей лунным светом реки и вдруг услышал позади себя всадника. Николас остановился и обернулся, автоматически достав найшу; всадник приближался к нему быстрым аллюром. Вскоре он оказался уже достаточно близко, чтобы в нем легко можно было распознать воина или, как худший вариант, вора по характерным для ксэ двум мечам: один за спиной всадника, другой заткнут за пояс.

Поравнявшись с Николасом, он тепло улыбнулся ему и сказал:

– Доброй ночи, брат. Убери-ка клинок, я слишком давно тебя не видел, чтобы сразу умирать.

– Ох, Эльхес! Рыжий ты дьявол! – выдохнул Николас и вставил найшу в ножны.

Ксэ переночевал в доме брата – в том самом доме, где прошло его детство, – а на рассвете уже отправился во дворец Комохо, спеша закончить свои дела, как можно скорее. У Комохо Эльхеса отлично помнили; многие были немало смущены необходимостью теперь отвешивать формальные поклоны и отчитываться перед тем, кого знали еще совсем мальчишкой – талантливым шалопаем, юным джентльменом

и эрудитом, остроумным хулиганом и провокатором.

Завершив основную инспекцию уже к обеду, он попросил отложить некоторые дела на завтра, а сам отправился к главным воротам. Николас сказал ему, что в это время Инг должен был возвращаться в деревню, проводив Али, которая на несколько дней уезжала на традиционный семейный праздник Ягуара. Долго ждать Инга не пришлось.

– Привет! – поздоровался Эльхес, располагаяще улыбаясь.

– Добрый день, – Инг слегка поклонился, как предписывал этикет при встрече со старшим по рангу.

– Есть у тебя пара минут?

– Я в вашем распоряжении.

– Для начала заглянем в столовую, потому что я умираю от голода. И не нужно формальностей и всяких «вы», – сказал он и протянул руку, – Мы с тобой в некотором роде друг другу не чужие люди. Представлюсь я чуть позже, а пока пойдём.

– Хорошо, – ответил Инг, крепко пожал протянутую руку и двинулся в направлении столовой, заинтригованный словами ксэ.

Они взяли одинаковые обеды и сели за небольшой стол чуть в стороне, за которым обычно сидели преподаватели академии.

– Зовут меня Эльхес Сефид, я младший брат Николаса.

Инг внимательно посмотрел на Эльхеса. Он уже понял,

кто перед ним. Помолчав с минуту, он произнес:

– То есть ты мой отец?

– По крайней мере, на свет ты появился при моем участии. Об остальном решай сам. Видишь ли, до сегодняшнего дня я не имел права приближаться к деревне Ту. Но, как только появилась возможность воспользоваться миссией для визита сюда, я посчитал, что обязан познакомиться с тобой. Не только обязан, но поступить иначе просто не могу. Представляю, что жизнь твоя эти годы была не слишком сладкой, но так сложилось, что я не мог быть с тобой. Я должен был или покинуть деревню, или погибнуть. Не думаю, что какой-то из этих вариантов устроил бы тебя больше. И все же, Инг, я перед тобой виноват.

– Я тебя ни в чем не виню. Было так нужно, значит было. Сейчас ничего не вернуть. Расскажи лучше, что тогда произошло? Мне ведь никто ничего не говорил о тебе, только Николас пару слов о вашем детстве как-то обронил. Я решил, что с тобой связана какая-то неприятная история. Пытался узнать обо всем, конечно, но не вышло, даже Николас не раскололся.

– Ты в общем-то прав, история не из приятных. Мое дело до сих пор под грифом «секретно», и по пальцам можно сосчитать людей, которые в курсе всех подробностей. Кстати, Николас не в их числе. Семнадцать лет назад я совершил преступление, за которое обычно казнят. Но у меня были особенные обстоятельства, которые я смог преподнести

должным образом. Мое дело передали Хану, а во время судебного процесса я сумел расположить всех к себе, и мне предложили заключить договор, по которому я бы остался у Хана на службе на любых его условиях, и мой бесценный талант не пропал бы даром, – он усмехнулся, – Не обошлось, правда, и без шантажа. Я сказал, что, если мы не договоримся, я буду сопротивляться и сделаю все, чтобы нанести деревне ксэ максимальный урон, а все уже могли убедиться, что моя чakra достаточно разрушительна. Я не получал за службу денег, только необходимое снабжение, и не имел права покидать пределы деревни по любым причинам, кроме служебных. Время на выполнение миссий мне всегда строго определяется, и за каждую лишнюю минуту я должен отчитываться. К деревне Ту мне вообще запрещается приближаться, любая переписка тоже запрещена. Короче говоря, я нахожусь, фактически, под арестом. Жизнь у меня, правда, поинтереснее тюремной, да и по службе могу продвигаться. Мог, вернее, теперь уже и продвигаться некуда. Я ни разу не преступил закон за эти годы и не завалил ни одной миссии, Инг, за это мне и сделали такое одолжение, пустили сюда. Единственное, что я себе позволял – становился порой лисом и ночью воровал у крестьян кур, просто ради развлечения.

– Наверное, своим тебя там долго не признавали?

– Не сказал бы, в этом смысле все сложилось неплохо. Старый Хан несколько раз посылал меня на задания как смертника, но я возвращался, что бы он там ни придумал.

Скучно ему стало, никакого разнообразия со мной, вот и перестал. Постепенно все наладилось, мне даже дали группу учеников. Но, Инг, я ждал всегда только того дня, когда смогу вернуться.

Инг ни на секунду не отводил от Эльхеса взгляд. В его сердце скопился сгусток чакры. Он видел тревожную душу Эльхеса на дне его веселых ярко-голубых, как у Алекса, глаз. Долго Инг не мог вытянуть из себя ни слова, и Эльхес тоже не мог продолжать. Ему хотелось докурить свою самокрутку канны, которая с ночи оставалась в кармане куртки, но он не стал бы делать этого при Инге.

– Я хочу знать, что ты сотворил тогда.

– Слушай, – легко согласился Эльхес, – Было это осенью, как сейчас. Нас с Ольгердом послали на миссию. Кстати, может быть, ты учился с его сыном, он родился за несколько месяцев до тебя. Знаешь кого-нибудь из клана Дард?

– Знаю, Макс Дард. У него еще были брат и сестра, – тяжело ответил Инг.

– Да, точно, Макс был третьим сыном Ольгерда и Фанни. Из-за этой Фанни все и случилось. Вот запомни, что вообще во всем на свете виноваты женщины!

Эльхес ерничал, чтобы не дать развиться мрачным мыслям Инга, а заодно и дать себе разрядку перед непростым рассказом. Но веселая нотка быстро затихла в его голосе. Он снова подумал о недокуренной самокрутке и отдернул руку от кармана.

Ольгерд учился с Николасом на профиле меча огненного направления, а Эльхес со времен академии был другом Фанни, которая стала женой Ольгерда. Оба брата-Сефида были вхожи в их дом даже спустя много лет после окончания учебы. Но, когда их старшему сыну Айрану исполнилось семь, мальчику показалось, что Эльхес излишне любезен с его матерью, и он довольно резко указал частому гостю на дверь. Ольгерд, якобы шутя, поддержал сына, и Эльхес, не желая вносить в их семью разлад, навсегда покинул их дом.

Через несколько дней Эльхеса отправили на миссию-диверсию в Западное Ханство, с которым тогда шла война. Он вошел в команду из пятерых сихэ, командиром которой был назначен Ольгерд, единственный Секацу из них. В течение недели работа шла грамотно и успешно. Но ошибка одного из них привела к тому, что точка сбора диверсионной группы была обнаружена, и все пятеро были атакованы из засады. После кратковременной схватки, им удалось бежать, и началось преследование. На помощь сихэ Западного Ханства, по предположению Ольгерда, выслали подкрепление, чтобы окружить диверсантов.

– Двое наших были ранены, – продолжал Эльхес, – Я был тигром и вез на спине одного. Когда мы значительно оторвались, Ольгерд приказал разделиться по двое и продолжать движение, а сам он собирался задержать преследователей. Всем казалось, что он идет на бессмысленную жертву. Только я знал, что Ольгерд недавно стал темным, поэтому и счи-

тал себя всемогущим.

– Всем почему-то кажется, что темная чакра это невероятно круто, – сказал Инг.

– Вот и я о том же. При этом он не хотел, чтобы кто-то еще узнал, что он Шеган, а к его семье потом относились бы предвзято.

– И что ты сделал?

– Отказался подчиняться.

– И правильно сделал!

– Ольгерд бы, может быть, и согласился, но за мной взбунтовалась вся команда. В пылу я обо всем проговорился: мол, какая разница, темный ты или нет, если мы станем героями. Тут Марку стало хуже, его нужно было спасать, Ольгерд повторил приказ уходить всем, кроме меня. Когда команда была уже далеко, он принял облик Шегана и напал на меня. Драка была на смерть, я сразу понял. Он меня ненавидел. И я думаю, не только за то, что я проговорился, и даже не только за Фанни. Дело было в том, что я усомнился в его силе. У нас как-то был разговор о темной чакре, я был категорически против, чтобы он становился Шеганом, но он в голову вбил себе, что ничем земным не сможет заменить Тьму и технику Хосуто Соу.

– А у него был на ладони этот узор, Хосуто Соу?

– Да, он его себе успел вырезать, но применить не смог, я отрубил ему кисть руки. Наша схватка была очень короткой. Я даже успел догнать отряд. Чудом мы вернулись домой.

– Выглядит это, как будто Ольгерд тебе в чем-то завидовал.

– Скорее всего, так и было. Слишком мне все легко давалось. Может быть, он потому и карьеру так старался делать, и темным стал. Не хочу хвастаться, но я один из своего потока освоил чакру Ветра. Да и вообще, мои природные чакры были не слабее его темной. Вообще вышло так, что эта темная чакра только сыграла мне на руку.

– Значит, твое дело отправили Хану из-за того, что Ольгерд оказался темным?

– Да, именно из-за этого. А тогда быть темным означало быть врагом человечества, все было даже строже, чем сейчас. А раз враг, то и убить его – как бы не преступление, на это я и делал упор. Мерзко себя чувствовал, Ольгерд ведь был моим другом, но линию эту все равно гнул, и не зря. Ребята из моей команды помогли мне и подтвердили, что Ольгерд напал первым.

– А ты не думал просто сбежать от всего этого? Почему ты вернулся в деревню после боя с Ольгердом, а не стал вором? Ведь ты знал, что будет суд.

– У меня было два дня перед судом, когда мне ничего не мешало уйти, но тогда Сольвейг должна была бы оставить тебя у Кеаго.

– Значит, так и есть, я Кеаго? Али говорила мне.

– Кеаго ты только по крови, да и то наполовину. Николас сказал мне, что у тебя темное начало второй ступени, это

тебе досталось от матери.

– Да, мне так и объяснили. А Сольвейг это кто?

– Сольвейг Кеаго, сестра нынешнего Кнеса Сатанга и есть твоя мать. Мы договорились, что, когда она родит, оставит ребенка Николасу. Сатанг был против, слишком ценный ты ресурс. Они с Сольвейг ведь из чистой линии, не пришлые сектанты, а настоящие наследники силы Сфорцы. Ты же знаешь, что клан Кеаго основан Сфорцей? Я уверен, что этот пес выбрал тебя и Сольвейг, чтобы заточить Агварэса именно потому, что хотел наказать. С Сатангом этот вопрос мы решили поединком. Он проиграл, и позволил оставить тебя у сихэ. Только Николас был с Сольвейг, когда ты родился. Конечно, он не смог помешать Сфорце, он тогда еще не был Хараром.

Эльхес замолчал. Инг чувствовал, что этот человек, которого он видит впервые, сейчас вместил в себя целый мир.

– А он сказал тебе, что и сейчас не Харар? Он передал мне эту силу, чтобы я мог победить Агварэса и служить Царице Ягуаров. Я ее люблю, мою Али. Если ты думаешь, что я когда-то был несчастным, то знай, что это не так. Бывало повсякому, но это ведь у всех так. Один я не был никогда. И, кстати, мы с Максом Дардом, тоже были друзьями, и я тоже чуть не убил его однажды.

Инг стал рассказывать Эльхесу о своей жизни, о дружбе с Алексом, о влюбленности в Селлах, о бое с Максом, о смерти и воскресении Али, о победе над Агварэсом и об обретении

силы Харара. Эльхес внимательно слушал и почти все время молчал. Он был счастлив.

После собрания Хвостов Максим и Анкс остались в захламленной маленькой комнатке без окон, похожей на радиорубку. Эта комната оказалась тайным кабинетом Первого Хвоста, в который вела маленькая почти невидимая дверца в стене зала заседаний.

На час или два Макс уснул на небольшом диване, а Анкс натянула наушники, взяла с полки томик обожаемого Ольгердом трагика Нойраба и села за рабочий стол Первого Хвоста. Когда Макс подал голос, она не сразу его услышала, но заметив, как он приподнимается с места, тут же сняла наушники, из которых доносилась какая-то протяжная мелодия.

– Я говорю, хоть иногда бы тут убирались, – сказал он, продемонстрировав два пальца, испачканные в пыли.

– Уверена, ему даже мысль такая в голову не приходила.

– Это ты об Ольгерде?

– Да. Кроме того, что он учил нас с Рейнлан боевым искусствам и заставлял наизусть декламировать стихи Нойраба, – Анкс для наглядности потрясла книгой, – так еще и к уборке в своем кабинете регулярно привлекал, так что я знаю, о чем говорю. Кстати, мне один отрывок «Света безумия» Нойраба даже понравился, – она пролистала до нужной страницы и зачитала, лишь иногда поглядывая в текст:

*Боль позовет
В долину смерти вновь.
Как ручей, прольется чья-то кровь.
Не гасить, не душить
Безумных вспышек.
Ласково слушаешь ты,
Как жертва дышит.
Ты оценил мечту в десятки душ.
Твой жизненный путь
Из красных теплых луж.
Топишь сердце свое
В глухой истоме.
Вырвался жаждающий крик,
Лишая воли.*

– Я, наверное, не ценитель поэзии, – сказал Макс.

– Да и я, это так, кстати пришлось.

– Что же заполняет твою пустоту? Только музыка?

Тут она заметила, что из наушников все это время ненавязчиво шуршали записанные ею композиции. Анкс выключила плеер и жестко проговорила:

– А ты видишь мою пустоту?

Ее возмутило, что он посмел лезть ей в душу и напрямую задавать столь деликатные вопросы. В одно мгновение это разожгло в ней бешеную злость. Она посмотрела на Максима

с готовностью прямо сейчас убить его. Анкс не раз видела, как под таким напором люди робели и менялись в лице. Но он смотрел все с тем же спокойным ожиданием.

Анкс никак не хотела уступать ему и отводить взгляд. Но Максим не стал соперничать с ней и обратил внимание на узкий черный шкаф, на дверце которого висел женский красный шарф.

– Там заперт Лохматый, – пробормотала Анкс.

– Кто?

– Парень Рейнлан. Его зовут Лохматый. Он швабра, – невозмутимо сказала она.

– Это тот самый, про которого Сфорца говорил, что он чудовище?

Анкс молча распахнула дверцы шкафа, и оттуда вывалился Лохматый. Он действительно оказался великолепной веревочной шваброй, испачканной черной краской. У него даже галстук-бабочка был.

– Я сидела на столе и читала Нойраба. Ольгерд заставил нас вымыть пол в его рубке, но мне-то оно не сдалось. Рейнлан, сильной воли человек, вроде бы и взяла швабру в руки, но долго не выдержала. Она засунула эту швабру в черную краску – только не спрашивай, где она ее взяла, – и орала, что теперь это ее Лохматый. Рейнлан всегда искала какого-то Лохматого. Потом она с этой шваброй еще танго танцевала. Ольгерд как это увидел, чуть ума не лишился – Лохматый вышел похожим на него, – Анкс усмехнулась.

– Чудная какая эта Рейнлан! – бросил Макс, – Все, я в зоне риска! – хихикнул он и примирительно посмотрел на нее.

Анкс бухнулась на диван рядом с ним.

– Знаешь, Ольгерд всегда говорил, что на этот диван он ни с кем из нас, ни со мной, ни с Рейнлан, никогда не сядет. Ну, и мне самой казалось, что он какой-то странный.

А надо вам сказать, что сей почтенный диван был поистине странным, ибо обладал одним замечательным свойством. Он являлся носителем колоссального количества энергии нескольких поколений клана Дард и, если мужчина и женщина оказывались на нем вместе, он немедленно направлял всю свою силу в их сердца и прочие органы.

Макс вдруг приблизился к Анкс вплотную и крепко поцеловал. Снял с нее наушники и повалил на спину. Влажная цепь поцелуев продолжилась по руке и закончилась только на кончике ее пальца. Губы и руки ее были отзывчивы. Он покрывал поцелуями шею, прикусывал кожу за ухом. Анкс стонала. Сердца бились в безумном ритме, тела горели огнем. Ногами она обвила его бедра. Его тело все напряглось. Последний хриплый стон, вырвавшийся из его горла, и он обессилено упал рядом с Анкс.

Сложно сказать, магия ли дивана позволила Максиму, наконец, расслабиться. Он не запомнил иллюзию, которую Айран внушил ему с помощью Хосуто Соу, но его старший брат постарался погасить его ненависть, гнев и жажду мести. Возможно, только это могло сработать в случае, когда обуревав-

шие чувства были порождены не сердцем, а навязаны извне мощнейшим средством.

Сознание Макса оставалось достаточно податливым и должно было принять новую установку. Он смотрел на Анкс глупыми глазами, и впервые за несколько лет даже в самом глубоком слое его мыслей не оказалось имени Айрана. Он встал, нашел отброшенные за стол джинсы, футболку. Взглянув на диван, он понял, что Анкс засыпает.

– Ты потрясающая.

Она широко улыбнулась и тоже стала одеваться. Встретившись с ним взглядом, она зачарованно застыла. Постепенно ее руки опустились, и она медленно натянула футболку, не отрываясь от него.

– Пошли?

Она сразу встала, и они покинули кабинет. Выйдя на улицу, Макс взял ее на руки и ощутил глубокие шрамы на ее спине. Он хотел спросить об этом, но ее глаза снова оказались закрыты.

Когда Айран вернулся в деревню Эр, на Земле был закат. Он заставил себя отбросить мысли о Максе, сейчас его должна была волновать другая проблема. Кеаго, как и ожидалось, не дали ему людей, зато согласились разобраться со вторым ксэ. «Интересно, узнают ли они о Хелен и поймут ли, что я перевожу на них стрелки?» – усмехнулся Дард. Однако ра-

достного в его положении было мало. Если Кеаго отказались сотрудничать, значит, придется разрабатывать совершенно новую стратегию или искать нового стрелка, чтобы действовать по старому плану. Артура Сена не вернуть; на этот счет Айран не обольщался, даже зная, что Анна отправилась в Ад искать его душу (Кате он, конечно, об этом не говорил). Макс так не вовремя вмешался, убив Артура. Впрочем, Айран, снова печально усмехнувшись, рассудил, что, все неприятные сюрпризы от Макса могут оказаться проявлением высшей справедливости. Так или иначе, действовать нужно было, исходя из данных обстоятельств.

Он уже почти дошел до дома Каты, когда заметил юную девушку с белыми волосами, которая сидела на старых поскрипывающих качелях напротив академии сихэ. Рядом на земле лежал большой арбалет. Девушка тоже заметила его и посмотрела в глаза: без страха, без ожидания, без неприязни, но и без улыбки. Мало кто смотрел ему в глаза с такой безразличной, отчаянной готовностью ко всему.

Айран подошел ближе и разглядел оставленный Сатангом шрам на ее щеке.

– Ты недавно здесь?

– Только сегодня пришла, – тихо ответила девушка.

– Пришла пешком?

– Я загнала лошадь. Весь этот день пришлось идти пешком.

– На тебя напали Кеаго?

– Это было давно.

– Позволь осмотреть шрам.

– С какой стати?

– Это может быть очень опасно, а я умею снимать заклятие Кеаго. Оно постепенно вытягивает твои силы. Если бы печать довели до конца, ты бы скончалась дня за два – три. Но оставлять, как есть, нельзя, так ты легко привлечешь внимание любого Кеаго, который окажется поблизости. Рано или поздно кто-нибудь из них эту печать завершит. Даже если тебе очень повезет, и этого не случится, ты все равно будешь медленно угасать.

– Знаешь, возможно, именно это мне и нужно.

– У тебя наверняка есть причины так считать, но Кеаго мне здесь не нужны.

Она немного помедлила и холодно ответила:

– Шрам иногда сильно кровоточит. Так что ты можешь испачкаться. Шел бы лучше своей дорогой.

– Не упрямясь, я не боюсь крови. И платы с тебя брать не собираюсь. Даже если ты предложишь денег, все равно не возьму.

Ей пришлось сдерживать улыбку, которая шла в разрез с ее состоянием и была сейчас ей отвратительна.

– Какое тебе дело до того, что случится со мной? Мы ведь даже не знакомы.

– Мне есть дело до всех в этой деревне, потому что сейчас это мой штаб. Может быть, ты пришла именно ко мне?

– Вряд ли к тебе. Хотя, кто знает. А ты для чего-то собираешь здесь людей? – спросила она, но тут же добавила: – Не отвечай, это не важно, – и отвернулась.

– Ты ведь из деревни Ту?

Взгляд девушки стал острым и опасливым.

– Я тоже там родился, – спокойно продолжал он, – Меня зовут Айран Дард.

– Да, помню твое имя, – проговорила она, внимательно глядя на него, – Ты старший брат Максима. Это из-за тебя он сошел с ума.

– Точно, это я... А тебя как зовут?

– Селлах Реттер.

– Хорошо, Селлах, давай я займусь твоей печатью, ты можешь пригодиться мне живой. А мертвой – вряд ли.

– Я могу тебе пригодиться? – спросила она и убрала за ухо волосы, позволяя ему осмотреть шрам на щеке.

– Сначала я тебя вылечу, а потом посмотрим, как ты стреляешь. Мне нужен очень меткий арбалетчик. Есть у меня одна задумка, где все учтено до мелочей, только стрелка не хватает. Оставим пока эту тему, сейчас тебе будет не до деловых разговоров.

– Будет больно?

– Думаю, будет. Люди из твоего клана чувствительны к темной чакре. А мне придется именно темной выжигать тебе печать, – Айран присел рядом с ней и уже концентрировал энергию на кончике пальца.

– Это потому, что у меня сильное светлое?

Дард приступил к своей хирургической работе. Селлах захотелось вскрикнуть, но она только сжала руки в кулаки.

– Скорее всего, твое светлое второго уровня, с крыльями, должно быть красивое. Ты с ним никогда не общалась?

– Нет. И не стану, – сдавленно прошептала она, – Мне не нужен Свет. Откуда у тебя темная чakra?

– Даже не думай о ней, это не для тебя. Только что ведь говорили о твоём светлом начале. Ты и умереть можешь, если попытаешься стать Шеганом. А если и выживешь, каждое использование темной чакры будет очень дорого даваться. Я уж не говорю про расшатанную психику и загубленное здоровье.

Айран подумал о Максиме. Его, тоже носителя светлого начала второй ступени, ждало все, от чего Селлах, возможно, удастся уберечь. Как же Лина ошиблась, сделав Макса Шеганом! Почему она допустила, чтобы он стал хозяином Мешер? Впрочем, кто из них троих в этой истории лучше?

– Скажи, Айран, какое для тебя имеет значение жизнь?

Селлах уже понемногу привыкла к боли и говорила спокойнее. У нее кружилась голова. Айран продолжал аккуратно выжигать печать Кеаго.

– Моя жизнь или жизнь вообще? – спросил он.

– Вообще, само существование.

– Жизнь, скорее всего, бессмысленна, как таковая. Хотя я не исключаю, что в бытие есть определенный замысел, пото-

му что мне наш мир кажется единой системой, которая стремится к гармонии. Но даже если заложенный порядок – это только результат совпадения множества факторов, даже если наше существование бессмысленно, это не означает, что с человека снимается ответственность за наполнение смыслом собственной жизни. Понимаешь, о чем я говорю? Мы не можем отвечать за все мироздание, но держим в руках свою судьбу. И мы можем, мы обязаны сделать свою жизнь и жизнь вокруг себя лучше. В наших силах поступками и результатом труда оправдать свое существование, вне зависимости от того, наполнено ли оно смыслом изначально.

– Сделать жизнь лучше? – невнятно повторила Селлах, – Зачем?

Она то ли была так поражена ходом мысли Айрана, то ли уже не справлялась с воздействием его темной чакры, потому было заметно, что ей становится сложно осознавать происходящее.

– Если ты почувствуешь, что теряешь сознание, не бойся, я позабочусь о тебе.

Эти слова заставили Селлах собраться и снова сжать кулаки. Она смотрела на свои руки и вспоминала, как крепко раньше держались за руки они с Ингом.

Ей было неизвестно, как проходят занятия Инга с Николасом. Нельзя было предсказать, какой результат дадут попытки укротить Древнего Демона, заточенного в человеке, который принял светлую чакру высшей ступени, поэтому про-

грамма тренировок была засекречена. Не зная причин, Селлах трактовала ситуацию по-своему: усталость Инга выглядела нежеланием поддерживать контакт, секретность тренировок – намеком, что ей следует искать себе другого наставника. Николас, конечно, не оставил ее без объяснений, но они мало стоили для Селлах, когда ее обуревали отчаяние и обида.

Она продолжала свои одиночные тренировки, стараясь как можно сильнее измотать себя. Каждый день был наполнен для нее только самоистязанием и преодолением новых границ собственных возможностей. Но настал такой момент, что без подсказки старшего товарища, ей уже невозможно было сдвинуться с места. Она вдруг ощутила потребность уйти: куда и зачем, не имеет значения. Тогда она взяла лошадь и наугад отправилась на юго-восток от деревни Ту. Так Селлах оказалась в деревне Эр.

Айран закончил работу.

– Все, ты спасена, – нарочито серьезно сказал он.

– Спасибо, – с трудом проговорила Селлах побледневшими губами.

– Дело к ночи. Где думаешь ночевать?

Она не ответила. Сон был ей необходим, но задуматься об этом она сейчас была не способна.

– Ты можешь идти?

Селлах снова не отозвалась. Тогда Айран взял ее арбалет и за руку отвел в дом Каты. В большой уютный дом, где был

горячий чай, вкусная еда и теплая постель.

В деревне Ту Эльхес задержался, сделав все возможное, чтобы откладывать свои дела сначала на вечер, а потом на утро следующего дня. Подыграл ему Иллис, которому было поручено собрать для Эльхеса некоторые документы. Узнав, что прибывший инспектор – отец Инга, он превратился в старого дворецкого, знающего все секреты и тайные желания хозяина лучше своих собственных, без слов понимающего, что от него требуется. Иллис дважды докладывал Эльхесу, что для предоставления всех необходимых данных требуется еще несколько часов, и таким образом давал им с Ингом отсрочку.

Но Эльхес не забывал про строгие временные ограничения, поэтому никак не мог позволить себе больше суток отдыха. Как только он сам обратился к Иллису, тот сразу же предоставил все интересующие его сведения в безукоризненной форме. Он даже дал расписку, в которой брал на себя ответственность за задержку должностного лица, но Эльхес знал, что для Хана с Иллисом их негласный сговор будет шит белыми нитками, да и не хотелось ему ставить под удар этого молодого преподавателя. Он попрощался с Ингом, Николасом и Алексом и вылетел в деревню ксэ в обличии орла в раздумьях об официальных причинах своего опоздания.

Очень скоро он почувствовал чакру Кеаго и подумал, что

отражение атаки сектантов – достаточно весомая причина для задержки. «Всегда любил Кеаго», – усмехнулся Эльхес и, отогнав образ любимой Сольвейг, пошел на снижение. Он отчетливо чувствовал источник чакры Воды и Тьмы и знал, что Кеаго тоже успели оценить потенциальную жертву. Эльхес уже был полон задора в ожидании схватки. Но сектанты лишили его такого удовольствия и решили исход дела быстро: пропитанная ядом стрела подбила ему крыло. Он потерял сознание еще до того, как упал на землю.

Очнулся Эльхес в человеческой форме, в темном гроте с разрисованными стенами, распластанный звездой на земле внутри сложной печати, сияющей чакрой. Вокруг сидели и переговаривались о чем-то четверо Кеаго, среди которых была одна девушка. Рядом с ними лежали их волки.

– Надо же! Он очнулся! Зря ты это, лучше бы выпался напоследок. Без сознания было бы не так больно, – сказал один из них с неприятным свистом в голосе, усиленным акустикой пещеры.

– Мы бы могли проявить милосердие и вырубить его, но ведь по правилам нельзя никак воздействовать на жертву, когда она уже в печати, – сказал другой, убирая за ухо прядь длинных темно-синих волос.

Эльхес понял, что почти не может шевелиться. Печать, как магнитом, приковала его к себе и вытягивала чакру, а по крови разносился яд.

– Даже не пытайся дергаться. Эта штука не отпустит те-

бя, пока не высосет достаточно силы, – бросила девушка, поглаживая огромного черного волка, – Недавно мы потеряли связь с одной жертвой, поэтому Дождю нужно много чакры. У тебя как раз хватит.

– Я никуда не спешу, господа.

По гроту прошелся недобрый смешок.

– Ваш яд похож на нашу выпивку, приятно расслабляет, – как ни в чем не бывало, продолжил Эльхес, – Да и место хорошее, навевает приятные воспоминания. Давно я так не отдыхал.

– Не перегибай палку, ты не можешь знать это место, ксэ. Иначе тебя бы уже не было в живых, – просвистел первый Кеаго.

– Я отлично проводил здесь время с одной очаровательно особой. Она, правда, стелила на пол шкуру, когда я приходил, а не рисовала всякие каракули.

– Молчи! Не смей оскорблять ритуальную печать, паршивый пес! – приказал другой, молчавший до сих пор.

Его волк нервно зарычал.

– Кто это стелил для тебя шкуры? – спросила девушка, не обращая внимания ни на его дерзость, ни на возмущение своего товарища.

– А ты ревнуешь? – спросил Эльхес.

Она надменно рассмеялась. Но можно было уловить, что ей нравится его дерзость. Третий Кеаго сорвался с места и присел прямо у головы Эльхеса, волк не отставал от него.

– Какие же вы нахальные твари, ксэ, – он с неподдельным гневом смотрел ему в глаза, Эльхес видел стальные стрелы в его светлых глазах, как у Инга, и как были у Сольвейг, – Ты понятия не имеешь, что тебя ждет. Мы готовимся к ежегодному ритуалу, жертве которого обычно не до шуток, уж поверь.

– Да? А ты мне расскажи, что за ритуал, может быть я и испугаюсь.

– Не дерзи, пес! Ритуал Кеаго это ужасающее зрелище!

– Кстати, да, тебе бы самому понравилось, – сказала девушка и тоже подошла к Эльхесу.

Теперь он мог лучше рассмотреть ее: среднего роста, с золотистой кожей, несвойственной Кеаго, небрежно обрезанными пепельными волосами. Он определенно ее узнал, хоть и видел впервые за много лет.

– Когда печать наполнится твоей чакрой, над тобой прочитают молитву и оставят ритуальную отметку на лбу и на сердце, – продолжил Кеаго со светлым волком, – Потом вскрыют грудную клетку и вырвут сердце. Представь, как с него стекает кровь. Кровью жертв у нас изрисованы все стены. Твое сердце погрузят в сосуд с Тьмой, оно истлеет и станет кучкой пепла, который мы развеем по ветру. А твое тело остается висеть здесь, прикованное окровавленными цепями. Им полакомятся наши вороны.

– Мне кажется, слишком пафосно. Да и предсказуемо. Вы не думали как-то освежить сюжет? Например, кормление

жертвы ананасами, было бы неплохо. Или расслабляющий массаж от Кнеса. Прислушайтесь, я ведь о вас забочусь, не о себе.

Девушка снова рассмеялась.

– Ты бесподобен. Как тебя зовут?

– Я скажу свое имя только тебе, – таинственно прошептал

Эльхес.

Он чувствовал, что сил у него остается все меньше – нужно было поспешить.

– Даже Кнес не смог меня получить, не обольщайся.

Она не скрывала удовольствия.

– А ты скажешь, как тебя зовут? – тем же эротичным шепотом продолжал он.

– Амба. Но можешь не стараться запоминать, жить осталось недолго.

– О милосердная Амба, известно ли тебе, что всем умирающим дают право на последнее желание?

– Что ты еще несешь? Не слушай его, – вмешался Кеаго с длинными волосами.

– Я сама решу, кого слушать, – отрезала Амба, – Выйдете все вон.

– Решила съесть меня в одиночку? – похотливо улыбнулся

Эльхес

– Шепнешь мне на ухо свое последнее желание, а заодно и имя.

– Амба... – попытался предостеречь ее Кеаго со светлым

ВОЛКОМ.

– Не перечь прекрасной воительнице, иначе она разрубит тебя на части, – сказал Эльхес снизу.

– К тому же старшей по сану, – напомнила Амба.

Все Кеаго, кроме нее, вышли из грота и увели с собой волков. Амба подсела совсем близко к краю печати.

– У меня такое чувство, что ты убиваешь мужчин, если они тебе отказывают.

– Таких еще не встречалось, но я бы так и поступила.

– Из огня да в полымя! Какой у меня насыщенный день!

– Даже жаль, что такой очаровательный наглец попался мне на охоте, а не где-нибудь в более непринужденной обстановке.

– Я огорчен этим не меньше твоего. Да и вообще досадно, что ты Кеаго.

– Что-то имеешь против?

– Совершенно нет, только за! Но я не понимаю, что ты здесь забыла. Могла бы ведь жить, как свободный человек, а не тратить жизнь на служение сомнительным идеалам. Мне кажется, такая женщина, как ты, может быть создана только для того, чтобы быть королевой жизни, а никак не рабыней какого-то духа. Не хочешь служить Хану, так будь воров. Но не здесь! Почему?

– Я уже сама не знаю, почему я здесь. Мне просто нужно было уйти. А сюда потянуло потому, что именно этого от меня не ожидали.

– Тебе не кажется, что это опять больше похоже на поступок жертвы? Затравленной жертвы, которая действует исходя из обстоятельств, над которыми она не властна. Ты бежишь по единственному свободному коридору. Но любой охотник скажет, что он обязательно закончится капканом.

– Я не ждала философской критики, когда оставалась тут с тобой.

– Не тебе причитать передо мной о неожиданных поворотах жизни. Я тоже, знаешь, не ждал, что здесь окажусь.

– Так что, ты меня вербуешь?

– В твоей власти убить меня прямо сейчас, я беспомощен, как котенок. Но может быть, мы с тобой просто сбежим отсюда вместе. Гори оно все, а? Давай, Амба. Я вижу, что ты давно об этом думаешь. Тебе просто нужен был момент. Я говорю тебе, этот момент настал. Он просто идеален для прорыва. От тебя они ничего не ждут.

– Не нужно никакого прорыва, – Амба посмотрела Эльхесу в глаза, впиалась взглядом так глубоко, словно прямо сейчас мысленно проводила над ним весь описанный гротескный ритуал, – Мы сделаем по-другому. Из грота есть другой выход. Они не зайдут сюда, пока я не прикажу.

Амба отменила действие печати, и она прекратила свечение. Эльхес ощутил чертовскую усталость и дурноту, но заставил себя подняться и последовать за Амбой в темноту пещеры. Они в полной темноте и молчании проследовали вдоль бесконечного коридора, и Эльхес не раз успел по-

думать о том, что она может в любом момент передумать. Но потерять было нечего, он продолжал идти за ней, полагаясь на свое чутье. Только когда вдалеке показался свет, Амба остановилась и обернулась на него.

– Ты так и не сказал, как тебя зовут.

– Эльхес Сефид, – представился он.

– Сефид, шенад?!

– Я младший брат твоего отца. И очень надеюсь, ты меня не убьешь за то, что я оказался единственным мужчиной, с которым у тебя ничего не выйдет.

Амба всплеснула руками, выругавшись про себя. Потом она усмехнулась, помотав головой, и сказала:

– Так и знала, в чем-то подвох. И давно ты меня узнал, дядя?

– Как только увидел твое лицо.

– Понятно, – она снова покивала, посмотрела на него своим оценивающим ироничным взглядом, и они продолжили путь.

Амба вывела Эльхеса на неприметную лесную тропу и распрощалась с ним. Он использовал остатки чакры, чтобы стать орлом, и полетел в сторону деревни ксэ. Амба проводила его взглядом и, вместо того, чтобы повернуть обратно к пещере, отправилась в деревню Ма к Джакомо. Возвращаться она не собиралась, решив навсегда покинуть секту и Сатанга.

Оказалось, что Эльхес задержался у Кеаго ненадолго, но

в своем первичном кратком отчете указал пленение ими как единственную причину превышения временного лимита на выполнение задания. Видя его ужасное состояние, Хан не стал долго задерживать его и удивился, что он вообще не послал медиков отчитаться о своем прибытии.

– Я хотел узнать, все ли в порядке с Хелен, – ответил Эльхес.

Нацхи уколол его взглядом.

– Вас не должно волновать это больше, чем собственное состояние.

– Господин, я интересуюсь этим вопросом в первую очередь потому, что результаты ее инспекции помогут мне обобщить и проанализировать информацию, которую собрал я. Кроме того, Хелен мой сослуживец и друг. Уверяю, что у вас нет причин для беспокойства.

– Хелен до сих пор не прибыла с задания. И, возможно, Кеаго следили за вами обоими. Но есть и другие версии, куда более напрягающие. Я поделюсь своими соображениями на общем собрании, когда вернется Хелен. Вы свободны.

Эльхес отдал Хану честь и покинул кабинет. Им обоим нелегко было скрыть друг от друга свое волнение.

Хелен вернулась с задания в полной уверенности, что в деревне Эр царят покой и порядок, а Комохо там не только живой, но и самый примерный из всех сихэ. Почему-то при

этом она чувствовала себя совершенно разбитой и больной. Вот перед ней уже были ворота деревни ксэ, а она с трудом вспоминала, как добралась сюда. Смутно казалось, что в дороге на нее напали Кеаго. В памяти всплывал образ красивой рыжеволосой девушки Каты, которая ждала ребенка и была чем-то сильно обеспокоена. Это необъяснимое состояние пугало и злило ее. Карта распространения чакры была выполнена аккуратно и подробно, хотя Хелен не помнила, как занималась этой работой. Самым неприятным и обескураживающим было то, что она сидела верхом на незнакомой лошади и была безоружна.

Хан сам вышел к конюшням, чтобы встретить ее. Она задержалась: на поездку в Эр должно было уйти четыре дня, но она возвращалась только вечером пятого дня. Нацхи провел ее в свой кабинет и отослал слуг.

– Что с тобой? – спросил он, присаживаясь на небольшой диван, а не за стол, что означало неформальную форму разговора.

– В деревне Эр все прошло хорошо, я подробно нанесла все на карту.

– Сейчас не Эр меня беспокоит.

Хан распустил ленту, которой были собраны его черные волосы. Нацхи Най носил традиционную стрижку, много веков назад определенную для правителей: спереди волосы распались на две части, виски были выбриты, сзади собрана недлинная косичка. В клане Най все были похожи друг

на друга: сухощавые, с правильным овалом лица, высоким лбом, фарфоровой кожей и миндалевидными глазами кристально чистого серого цвета. Воспитанный в соответствии с консервативным этикетом и оттого лишенный искренней мимики, Нацхи мог выразить свое беспокойство лишь едва заметным напряжением аккуратных бровей.

– О делах поговорим завтра, с Эльхесом. Меня волнует твое состояние.

– Я не знаю, в чем дело, Нацхи, – сказала Хелен и не солгала, – Сейчас я почти в порядке. Все вокруг немного мутно, но это ерунда. Ты видел, что я вернулась не на своем коне? Более того, я безоружна. Над моей памятью явно проводили манипуляции. Чутье говорит мне, что это были Кеаго, но никаких фактов у меня нет. Я ничего не помню.

– Тебе нужен отдых, Хелен. Выспаться сейчас очень важно. Я бы хотел, чтобы ты осталась здесь на ночь.

Хелен какое-то время не знала, что сказать. Она посмотрела Хану в глаза и сказала:

– Могу ли я позволить себе остаться?

– Ты вольна принять мое приглашение или отказаться.

– Но ведь остаться означает очень многое поменять. Боюсь, что иному, чем сейчас, положению я не смогу соответствовать.

Нацхи посмотрел Хелен в глаза.

– Веришь ли ты, что я никогда не причиню тебе зла?

– Да, – ответила она и отвела взгляд.

– Тогда ты можешь честно сказать, не восприняла ли ты выражение моих чувств как приказ? Хочешь ли ты сама быть со мной?

– Я ни на секунду не забываю о том, что ты не только мой Хан, Нацхи, и о чувствах говорю с тобой на равных. Стараюсь говорить. Но ведь у тебя нет возможности слушать только свое сердце. Ты знаешь, что выполнить главный долг жены Хана я не смогу никогда, поэтому жениться на мне было бы безрассудно. А значит, ты никогда не поступишь так. На каких же правах я могу быть с тобой?

– Ты не веришь мне, опасаясь, что я тебя использую.

Хелен попыталась возразить, но Хан пресек ее жестом.

– Пожалуйста, позволь мне самому решать, что для меня недопустимо, и какие поступки считать безрассудными. Я не делаю тебе предложение прямо сейчас лишь потому, что не хочу торопить.

Хелен не могла смотреть ему в глаза.

– Но ведь это вопрос не только одной семьи, а целого Ханства. У тебя не будет наследника. Что ты будешь делать?

– Я не раз говорил тебе, что в данный момент не вижу в этом проблемы.

– С каких пор Хан стал мыслить одним днем? – сказала Хелен и тут же испугалась своей дерзости.

– Я не оставляю надежды, что смогу вернуть тебе возможность быть матерью, мы испробовали еще не все способы лечения. Но тебя вообще не должен волновать этот вопрос. У

моего брата скоро должны появиться двое или трое сыновей, и один из них мог бы когда-то сменить меня на троне.

«Пожалуйста, хватит, замолчи!» – думала Хелен, не поднимая глаз.

– Конечно, брат – представитель клана Реттер, наследник Западного Ханства. Но это не значит, что он захочет с нами воевать, – продолжал Нацхи, – Нужно ли думать об этом прямо сейчас? Как бы ни был серьезен вопрос наследника, твои волнения напрасны.

Хелен выдержала паузу, чтобы убедиться, что он закончил свою мысль, подошла и молча обняла его.

– Мне нужна не мать для сына, а ты, – тихо сказал Нацхи, поглаживая ее по голове, и добавил с улыбкой: – Или ты не можешь выбрать между мной и Эльхесом?

Хелен отстранилась от него и взглянула с игривым негодованием. Она уже расслабилась и могла дурачиться, хотя отчасти и вкладывала в рисованную мимику свои истинные чувства.

– Если вдруг решишь, что Эльхес тебе нравится больше, можешь просто сказать, что больше не можешь выносить мою нелепую прическу, – сказал он примерно с той же степенью серьезности.

На следующий день, наконец, прошло совещание Хана с ксэ высшего ранга. Хелен на этот раз официально отчиталась о результатах своей работы и обстоятельствах возвращения; она предположила, что на нее напали Кеаго и, скорее всего,

отравили ее своими ядами. Ее версию поставил под сомнение Эльхес, напомнив, что Кеаго нападают лишь на тех, кого собираются принести в жертву, а ритуалу она не подвергалась. Возможно, ей удалось уйти, но по какой-то причине она не помнит, каким образом это произошло. Но, описав произошедшие с ним по пути домой события и знакомую ему процедуру ритуала жертвоприношения, он обозначил, что и это маловероятно.

В случае, если Хелен так же, как и он, столкнулась с Кеаго, уже нельзя было считать эти нападения случайностью. То есть им был известен маршрут передвижений ксэ, и велика вероятность, что эти нападения – заказ. Ночью Нацхи проанализировал предоставленные ими сведения о положении всех деревень сихэ, поднял некоторые документы и, к своему сожалению, оправдал интуитивные предположения. Он выразил опасение, что прошедшая война между Ту и Ма была спровоцирована некой третьей силой, причем стоят за этим не Кеаго, хотя они и используются этой силой. Целью этого конфликта было ослабление наиболее сильных застав. Исходя из этого, готовиться нужно было к более решительным действиям повстанцев.

Завершилось собрание на довольно напряженной ноте, так что Эльхес после него завернул в папиросную бумагу немного канны. Хелен же задержалась у Нацхи.

– У меня остался к вам один вопрос, господин, – сказала она, продолжая держать формальный тон совещания.

– Я внимательно вас слушаю, – ответил он с едва читающейся иронией.

– Мне необходима информация о том, как давно вы спали.

– Интересующее вас явление было зафиксировано прошлой ночью и продолжалось в течение четырех с половиной часов.

– В таком случае, разрешите мне сегодня обеспечить вам более качественный отдых.

– С удовольствием разрешаю.

Октябрь

Несколько дней Селлах Реттер жила у Каты. Айран представил ее как свою ученицу, хотя о наставничестве речь между ними еще не заходила. Ката не задавала лишних вопросов. Она окружила Селлах заботой, как родную сестру. Сейчас, когда в ее теле была вторая маленькая душа, она создавала своим присутствием еще больше уюта.

Но Селлах не могла принимать опеку Каты, не могла заставить себя быть благодарной. Ей нравились блины со сметаной, которые Ката жарила каждое утро, но она всегда отказывалась от завтрака, чтобы быть как можно меньшим обязанной хозяйке. Айран постоянно пропадал вне дома, и без него Селлах чувствовала себя здесь чужой. Чтобы не дать раздражению выплеснуться наружу, ей приходилось уходить из дома и целыми днями упражняться в стрельбе, ведь именно это заинтересовало в ней Айрана. Она до сих пор оставалась в неведении, что именно от нее потребуется, когда и во имя чего. Она знала только, что не вернется домой, хотя самовольно находилась вне деревни уже достаточное время, чтобы ее могли объявить в розыск.

Из четырех деревень сихэ Северного Ханства одна была занята ворами, две – ослаблены войной друг с другом. Оставалась только деревня Ив, на которую уже было спланировано нападение. В первую очередь это было необходимо, чтобы

лишить сихэ южной заставы возможности оказать Хану помощь и одновременно отвлечь внимание на самые удаленные от центра земли прямо перед решительным ударом. Катку к этому времени уже увезли в подготовленное Айраном укрытие в Восточном Ханстве – дома становилось небезопасно, да и не нужно было ей становиться свидетелем грядущих событий.

Для большинства воров, как и для Селлах, битва в Ив была боевым крещением. Айран обещал посветить ее в подробности дел сразу после штурма деревни, а до тех пор вопросы о планах и целях задавать ему было бессмысленно. Она отдавала себе отчет, что при таких условиях, он мог убить ее, если что-то пойдет не так, но вернуться домой у нее не было и мысли.

Айран и Селлах подъехали к деревне Ив, когда все войско воров уже было наготове.

– Держись меня, я должен всегда тебя видеть, – сказал Айран.

Селлах фыркнула, но не стала возражать.

Воры атаковали. Все шло по плану. Их превосходство определилось внезапностью нападения. Айран и Селлах какое-то время вели бой на мечях спина к спине. Их тандем работал, как мясорубка.

Трое сихэ Ив одновременно направили на них потоки чакры Огня, Воды и Ветра. Отразить такую атаку любой природной чакрой было невозможно. Только заметив, что они

кооперируются для атаки, Айран сформировал вокруг них с Селлах сферический щит из темной чакры. Реттер начала задыхаться, словно сквозь щит не проходил воздух. Айран обхватил ее одной рукой, второй продолжая удерживать щит против троих сихэ, и внезапно обрушил на них всю энергию, заключенную в сфере, в виде ответного потока. Не дожидаясь возможности пронаблюдать произведенный эффект, он принял облик Хвоста и взлетел, подхватив Селлах на руки.

– Поведешь атаку сверху. Не дай им связаться с другими деревнями.

Айран подлетел к возвышающейся башне дворца Комохо и выбил окно потоком чакры. Здесь оказались несколько мечников, но с Хвостом им было не справиться. Не прошло и двух минут, как он покончил с двумя, а последнего зарезала Селлах. Айран оставил ее на удобной позиции и стал спускаться вниз по винтовой лестнице, пробивая себе дорогу.

Селлах подстрелила всех почтовых птиц, которых пытались отправлять из деревни во время боя. Айран с присоединившейся группой воров расчистил весь верхний этаж и не позволял никому приблизиться к башне.

Только когда Айран сошелся в бою с самим Комохо, он решил, что развлечений на сегодня хватит, и выпустил в воздух сигнальный шар из чакры, с треском взорвавшийся над деревней. Воры по команде отступили, хотя некоторые из них не сразу уgomонили пыл схватки. Задерживаться было нельзя, иначе преимущество перешло бы на сторону сихэ. Комо-

хо упустил возможность и приказал не преследовать воров, находясь под воздействием техники иллюзии Айрана.

Во время привала после отступления, Селлах поспешила укрыться в уединенном месте. Ее душа орала, вопила, пылала: как могла она убивать сихэ своего Ханства?! Селлах начинала осознавать, в какую серьезную историю влезла. Но пути назад уже не было.

Айран нашел ее и позвал к себе. Когда она дважды не ответила, он подошел сам. Резко развернувшись, Селлах сосредоточила в своем кулачке огромное количество чакры для удара. Несмотря на силу атаки, Айран вывернул ее кисть и бросил девушку на землю.

– Успокойся, – он присел рядом.

Селлах тут же оттолкнулась от земли и с разворотом размахнулась ногой. Айран схватил ее за ногу, рывком подтянул к себе и повторил:

– Успокойся.

Селлах отползла от него и осталась сидеть на земле. Она тяжело дышала и смотрела в сторону, как рассерженный ребенок.

– Стань моим учителем, – наконец, сказала она.

– Уверена? – Айран не был удивлен, – У меня вообще-то нет подобного опыта.

– Но ты ведь тренируешь других воров. И меня тренировал на мечях. Мне еще нужно усилить свою чакру. Я тоже с профиля Огня, как и ты.

– Ты нуждаешься не в тренере, а в наставнике. Ты же видишь разницу.

– Если не хочешь – так и скажи прямо.

– Я сомневаюсь в правильности твоего выбора.

– Это мне решать. Макса ведь ты учил когда-то.

– В этом и дело. Где он сейчас? Не самый желанный результат для наставника. Если хочешь правду, это я виноват во всем, что с ним произошло.

– Знаешь, мне, наверное, тоже нужно, чтобы со мной что-то такое произошло.

– Не носи чепухи. Я этого не позволю.

Селлах посмотрела на него с вызовом.

– Боишься брать ответственность за мою душу, но осмеливаешься что-то мне запрещать? Научи меня темной чакре. Что это был за облик в деревне Ив? Ты же Шеган?

– Я Хвост. Делать тебя темной я не стану, это не обсуждается, ты светлая.

– А что? Макс стал темным, да? – дерзко кинула Селлах. Он не ответил.

– Я просто чувствую себя бесполезной, – продолжила Реттер, не выдержав длительного молчания, – В своей деревне я оказалась никому не нужна. Я не знаю, как подступить к Свету, что делать со своим светлым началом. Одной с этим не разобраться. Да и не нужно мне это. Морально я уже темная.

Айран чуть заметно вздохнул.

– Знаешь, еще в Ту однажды я встретил на улице перед общежитием академии маленькую семилетнюю девочку. Она стояла под деревом, плакала и бормотала только: «Не умирайте! Не умирайте!». Она была в полной растерянности и совершенно одна. И я знал, что у нее просто не укладывается в голове та трагедия, которую ей пришлось пережить. Я подошел к ней и сказал: «Им сейчас хорошо». Она подняла на меня голову и посмотрела сквозь слезы, так напряженно, недоверчиво. Она не понимала, что мне нужно от нее, думала: «Что он вообще знает!», она хотела, чтобы я поскорее ушел. Я не сдавался. Говорю ей: «Эти Най и представить себе не могут, сколько боли причиняют обычным людям своими глупыми семейными распрями». Она все еще смотрела на меня, как загнанный зверек. «Не плачь, – говорю, – Они хотели, чтобы ты была счастливой». А девочка так по-взрослому спрашивает: «Счастливой?» – и смотрит мне в глаза, прямо внутрь заглядывает, пытается понять. «Да, – отвечаю, – будь счастливой ради них. Они ведь отдали за это жизни».

– Девочка тогда подумала, что ты над ней издеваешься, – сказала Селлах. – Она спросила: «А можно быть счастливой, когда души больше нет? Разве можно быть счастливой, если тебя разорвали на тысячи мелких кусочков?» А ты ответил: «У тебя все еще есть душа. Поэтому живи и будь сильной. Ты должна. Уныние – не лучшая благодарность родителям». Девочка все помнит. И она все еще жива. Раз это был ты, значит, теперь у тебя нет права отказываться от ответствен-

ности за меня.

– Я не отказываюсь, – сказал Айран, – Тебе пришлось убивать невинных, не для молодой девушки эта работа. Но если сейчас понесем определенные жертвы мы, потом будет лучше другим – тем, кто сейчас еще совсем юн. Очень скоро ты узнаешь обо всем, а сейчас просто верь мне. Как тогда поверила, как верят наставнику. Все это я делаю во имя своего брата.

– Ты так и не сказал, что с Максом, – требовательно напомнила Селлах.

– Он стал темным и сейчас в Аду. И, поверь, это не сделало его счастливее. Чтобы стать Хвостом, Шегану нужна маска. Она значительно увеличивает силу, но при этом воздействует на душу. Все маски разные – есть более сильные, агрессивные и, как бы сказать, самостоятельные. Максиму досталась именно такая.

– В каком он вообще состоянии?

– С каждым днем он становится все меньше похожим на себя. Честно сказать, если хочешь его увидеть, сейчас – самое подходящее время, потому что дальше, вероятнее всего, будет только хуже.

– Отведи меня к нему, – решительно сказала Селлах.

– Тебе будет тяжело переносить атмосферу Ада, но к этому привыкнешь. Я перенесу тебя к дому Анкс, у которой он живет. На Землю тебя вернет она или сам Максим. В Аду течения времени не ощущаешь, но постарайся там не удержи-

ваться. Когда вернешься, обещаю посвятить тебя в подробности нашего дела. Если ты готова, я могу отправиться в Ад прямо сейчас. Увидишь, что может сделать Тьма.

– Да, я готова, – сказала она и встала.

Айран тоже поднялся и посмотрел ей в глаза.

– На всякий случай, не говори Максу, что знаешь меня. Легенда такая: ты все еще живешь в своей деревне, а в Ад тебя отправила моя сестра, Лина. Она Шеган, сейчас живет с Иллисом в Ту. И будь осторожна. Если Анкс скажет, чтобы ты уходила, не возражай.

Анкс не могла вспомнить случая, чтобы когда-нибудь мерзла в собственном доме, поэтому постоянно кипятить чайник и сидеть, как нахохленная птица, закутавшись в шерстяной плед, было ей непривычно. Она уже в который раз переписывала страницу регистрационного журнала, в котором Ольгерд должен был вести учет всех прибывших в Азур душ, но благополучно переложил эти обязанности на нее. Сосредоточиться никак не получалось, да и писать было неудобно: лампы теперь горели совсем тускло, а от холода вовсе не хотелось вытаскивать руки из-под пледа. Ее раздражала эта вынужденная беспомощность, и вообще она была на взводе, постоянно прислушиваясь, не проснулся ли Макс.

Он теперь почти всегда засыпал один в своей комнате, если вообще засыпал. Гнетущая атмосфера распространялась

по дому именно из этой комнаты, вокруг нее даже стены покрылись темными разводами. За дверью была еще более безрадостная картина: диван с разодранной спинкой и два высоких пустых шкафа были здесь единственной мебелью; на потемневших стенах отчетливо виднелось множество трещин и царапин, точно кто-то царапал ее в безумном припадке; потолок был весь черный, как после пожара.

Макс уже долгое время не позволял Мешер взять над собой контроль, но вчера снова ощущались выбросы его чакры, слышался скрежет когтей и приглушенный стон. Как он ни сдерживался, Анкс слышала все. Он просил не входить в такие моменты – помочь она никак не могла. Однажды он выбил стекло в единственном окне в комнате (новое на его месте так и не появилось), поэтому теперь мог тихо вылететь из дома и так же тихо вернуться обратно незадолго до пробуждения Анкс.

Не в силах дальше выносить ожидания она осторожно зашла в его жуткую комнату. Он лежал на диване в облике Хвоста, дрожь часто пробегала по его напряженному лицу, пальцы крепко впивались в потрепанный подлокотник, другая рука заботливо лежала на маске. Анкс подкралась к нему и постаралась осторожно вытащить Мешер, опасаясь, чтобы она вдруг не ожила. Но этого не произошло, маска была сыта. Анкс, не дыша, протащила Мешер еще немного в сторону, но вдруг Максим вздрогнул и проснулся.

– Что ты делаешь? – опасливым шепотом проговорил он, –

Зачем она тебе?

– А тебе зачем?! – она поперхнулась собственным голо-
сом, – Сколько можно, Макс?! Ты в курсе, что разрушаешь
свою душу?! Посмотри, что творится вокруг, во что ты пре-
вратил мой дом!

– Я уже как-то предлагал оставить тебя, помнишь? Если
ты больше не можешь терпеть нас с Мешер, я не восприму
это как предательство.

Анкс молча уселась на пол рядом с диваном, нахмури-
вшись и поджав ноги. Макс сполз к ней, снимая обличие Хво-
ста.

– Может тебе просто тяжело меня выгнать? Не бойся,
Анкс, скажи, как есть. Я никогда не подумаю о тебе плохо,
клянусь. Ольгерд меня куда-нибудь пристроит.

– Нет, Макс! – она порывисто обняла его, – Не уходи. Я
не хочу этого. Я просто не понимаю, зачем, ну зачем тебе эта
проклятая маска?!

– Я пока не нашел способ, как подчинить ее себе. Но Ай-
ран как-то справлялся с ней, так что я тоже этому научусь.
В любом случае, даже если сейчас появится новый Шеган,
перекладывать на кого-то такую ответственность я не стану.

– Этот твой Айран, от него точно нельзя ждать ничего хо-
рошего, – она погладила его по спине, – Будешь чай?

Он выжал благодарную улыбку. Она вышла на кухню и
в очередной раз поставила чайник. Последнее время у нее
все валилось из рук, так что все любимые чашки уже были

разбиты. От Макса она вообще старалась держать посуду подальше. Сфорца был бы здорово огорчен, не найдя на полке подаренного им сервиза (к счастью, он уже давно не заглядывал).

В дверь постучали. Это было так непривычно, что Анкс стала прислушиваться к источнику звука, никак не предполагая, что кто-то стоит за дверью. К ней приходили только Ольгерд и Сфорца, но они обычно не ждали, пока им откроют. Тем временем Макс спустился со второго этажа и, услышав стук, направился к двери.

На пороге оказалась Селлах. Она пристально осмотрела Макса с ног до головы, от чего у него по спине пошли мурашки, и сказала:

– При жизни ты выглядел лучше.

Макс отступил внутрь дома, пропуская ее. Он очень сомневался в том, что Селлах не галлюцинация, и не сразу смог с ней заговорить.

– Мертв я только на бумагах. А когда умру, стану еще страшнее, – его голос был болезненно тихим.

Селлах застыла в изумлении.

– Так ты жив? Хитро ты это устроил, – медленно проговорила она.

– Откуда ты здесь?

– Я пришла увидеть тебя. Мне помогла Лина.

– Странно, что она не рассказала тебе, как вытащила меня из тюрьмы и сделала Шеганом. Пойдем, у нас готов чай.

Они прошли в просторную столовую, куда Анкс вынесла поднос с разнокалиберными кружками, над которыми поднимался ароматный пар.

– Это Селлах, мы с ней учились у одного Мастера. Единственная из команды, кто не успел набить мне морду. А это Анкс, само терпение, приютила меня себе на голову и теперь не знает, как от меня избавиться.

Анкс тихо хмыкнула себе под нос и расставила кружки, определив для Селлах место напротив Максима. Он обхватил кружку холодными руками и обжегся. Анкс сделала глоток и посмотрела на свое волнистое отражение. Она подумала, что цвет ее глаз такой же, как крепкий чай – насыщенно карий, чуть красноватый.

– Максим, ты ведь Хвост? – прервала тишину Селлах.

– О да, веселюсь по полной.

– Значит, ты можешь делать других темными. Сделай меня Шеганом.

– Это еще зачем? Ты для этого пришла?

– Так мне будет проще жить. Со светлой душой слишком многое ранит. Я хочу стать нормальным человеком и прекратить реагировать на все так остро: на чужое предательство, на равнодушие. Ты должен мне помочь, иначе я не выдержу. Все внутри меня истерзано и выхолощено. Мне нужна Тьма, чтобы продолжать жить. Еще немного, и мне будет это безразлично, тогда и помогать будет некому.

Макс молчал около минуты, прежде чем ответить:

– Я понимаю, что ты чувствуешь. У нас обоих светлое начало второй ступени. Только я не знал этого о себе, в отличие от тебя.

– Именно потому, что мне это известно, я и прошу усилить мое темное. Это приглушит чувствительность светлого, и я перестану быть такой беспомощной. Мне сейчас очень нужно забыть про свою боль и быть сильной.

– Селлах, что вообще с тобой случилось?

– Просто мне не нужен этот мир такой, каким я его вижу сейчас. Темным быть куда проще.

Анкс недобро рассмеялась.

– Ты родилась светлой, и твое тело привыкло к светлой душе. Для тебя принять Тьму будет очень болезненно, особенно если ты собираешься развивать темную чакру. Думаешь, станешь Шеганом, и твои проблемы исчезнут?

Селлах тяжело посмотрела на нее. Анкс продолжила:

– Если ты в таком расшатанном состоянии примешь Тьму, неизвестно выдержишь ли ты это. И потом...

– Я готова принять Тьму, меня тошнит от Света, я отвратительна сама себе, – перебила ее Селлах, – Даже если мое тело с этим не справится, самое страшное, что может случиться – это моя смерть. Но кому до этого будет дело?

– Ты хочешь умереть? – пробормотал Макс.

– А зачем мне жить? Если только для того, чтобы продолжать эти бессмысленные страдания и разбивать все до последней надежды, эти тупые светлые надежды, то мне не

нужна такая жизнь.

– Так что произошло?

– Макс, кого ты видишь перед собой? – спросила Селлах с вызовом.

Он поднял на нее глаза и ответил:

– Друга.

– Ха! Друга! Вот как? Может быть, внешность друга, но не душу! Моя душа разбита, я чувствую себя пустой оболочкой, никчемной и никому не нужной пустой оболочкой!

– С каких пор ты решила, что никому не нужна?

– С тех самых пор, как вы все ушли! – она перешла на сдавленный крик, – Вы... Вы все ушли тогда! Разломали, разбили душу и ушли! Ее нет! Она осталась разбитой где-то далеко! Не со мной!

Макс молчал и смотрел вниз, стараясь дышать ровнее.

– А сейчас, когда в моей жизни появился единственный человек, которому я интересна, оказывается, что я со своей чувствительностью не могу быть ему полезна в полной мере! Я начинаю сомневаться, прав ли он, хорошо ли я делаю, что слушаюсь его! Какая разница?! Какая разница, если я ему нужна?! – Селлах резко подалась вперед и опрокинула свою кружку на Макса.

Он резко сорвался с места, так что чай обжег только его пальцы, но не рассчитал сил и опрокинул стул, а потом отшатнулся к стене, не отрывая глаз от Селлах.

– Прости меня. Я не думал, что ты это так воспримешь.

– Если бы только ты! Нашей команды вообще больше нет! Хотя никто из вас на самом деле не виноват. Просто мне нужно было исчезнуть еще до академии, до вашего Северного Ханства.

– Селлах... – проговорил он, но не услышал свой голос.

У него кружилась голова, и все вокруг с монотонным гудением вращалось по кругу.

– Если хоть как-то хочешь помочь, сделай меня Шеганом. Это то, что мне сейчас действительно нужно. Я имею право, наконец, получить то, чего хочу.

– Сядь, Макс, – Анкс подошла к нему и направила к стулу.

– Что это за человек, про которого ты говорила? Которому ты нужна, – сказал он, сев и отдышавшись.

– Я не могу сказать тебе.

– Это Айран?

– Ты серьезно помешан на нем. Я не стану называть тебе имени, потому что я еще не до конца уверена в нем. Он из другой деревни, но согласен стать моим наставником. Не подумай, он не Кеаго.

– Да, конечно, расскажешь позже, может быть, – его глаза нервно бегали из стороны в сторону; он судорожно искал наиболее правильное решение.

Анкс принесла ему стакан воды и положила руку на плечо.

– Макс, ты не выдержишь этого.

Селлах посмотрела на нее с вопросом.

– Думаешь это раз плюнуть – сделать тебя Шеганом? На

это уходит очень много энергии. Посмотри на него!

– Не надо, Анкс... – он коснулся ледяными пальцами ее руки.

– Тогда, может быть, ты сама? – нарочито равнодушно спросила Селлах.

– Нет уж. Все, что ты говоришь – чушь и навязчивая идея. Я не стану тратить на это силы.

Селлах с ожиданием посмотрела на Максима. Своим волнением она, сама того не зная, разбудила Мешер, и теперь маска чувствовала присутствие ослабленной живой души. Она уже шептала Максу, как хотела бы ее на десерт после вчерашнего славного пира и генерировала для него темную чакру, предназначенную для убийства. Макс решил иначе распорядиться полученной силой, сдерживать которую становилось все сложнее.

– Сядь рядом, – сказал он Селлах.

– Ты сошел с ума?! – Анкс сжала его плечо, – Ты вообще знаешь, что нужно делать?!

Сверху послышалось требовательное шипение.

– Лина подробно описывала, как делала меня Шеганом, а здесь я нашел много полезных книг. Мне этого достаточно. Давай, Селлах, если ты не передумала.

– Что это? – прислушалась она к шипению.

– Быстрее!

Она сжала кулаки, задержала дыхание и услышала бие-ние своего сердца. Она подумала, что может сейчас умереть,

поэтому лицо Максима нужно запомнить как можно лучше: бледное, сухое, напряженное, усталое. Селлах села рядом с ним, Макс уже концентрировал темную чакру в руке. Она посмотрела ему в глаза неожиданно мягко и благодарно.

Заряд! В сердце! Сила! И вдруг потеря сознания. Смутно она ощутила прикосновение холодных рук, не давших ей упасть со стула. Слеза выбилась из уголка ее глаза.

Сиреневая осенняя влага обволакивала медно-золотые кроны замерших деревьев. Инг и Алекс вернулись в деревню с выполненного задания по сопровождению важного торгового представителя Восточного Ханства. Над непривычным произношением важной персоны и различными казусами, возникающими на почве культурных различий, они уже успели насмеяться по дороге. Сейчас речь между ними шла об идее, на реализацию которой не приходилось особенно рассчитывать, потому что решающее слово могли сказать множество вышестоящих лиц, но никак не двое сихэ ранга Секацу, которые и так уже успели превысить свои полномочия.

– Я отослал Хану письмо со своим предложением еще из Восточного Ханства – сразу, как мы с тобой все обсудили, – сказал Алекс, – Теперь-то оно уже должно дойти. Если только Хан его прочтает – я же писал как частное лицо, без всей этой официальной ерунды.

– Конечно, он прочитает, мы же второе письмо отправили Эльхесу, он обо всем позаботиться, – с полной уверенностью ответил Инг, – Ну, и не идиоты же там у него в секретарях сидят! Должно хватить ума, что, если бы ты ждал, пока Комохо удосужится ознакомиться с твоим предложением, пока он примет решение – а, кстати, он мог и отказать! А потом еще он должен был бы составить формальное обращение и выслать его рабочей птицей, которая так загружена бумагой, что летит раза в три медленнее, чем твоя птаха. Так пока все это тянется, уже и помогать никому будет не нужно, если чутье тебя не обманывает. Все ты правильно сделал!

– Еще бы Комохо считал так же. До его сведения это довести все равно нужно. Я этим займусь. Сейчас отчитаемся за задание, а потом я у него останусь, и все объясню.

– Ты, брат, что-то путаешь. Как это я могу уйти и оставить тебя отбиваться одного? Если я пообещал тебя поддержать, значит, до конца с тобой.

Когда Сефиды появились у Комохо, он обсуждал что-то с Иллисом, перекладывая страшный ворох бумаг. Загруженность работой главы деревни и присутствие постороннего могло все испортить, но им достаточно было только переглянуться, чтобы принять решение: «Сейчас, или никогда». Они отчитались в результатах работы, что не вызвало у Комохо даже видимого внимания, и, сделав паузу, перешли к главному.

Алекс изложил свои опасения по поводу происходящих в

Ханстве событий. Во-первых, необычайно долгое отсутствие Комохо Эр на собраниях глав и различных встречах, во-вторых, необъяснимое организованное нападение на деревню Ив и передвижение по Ханству неопознанных войск, в-третьих, исчезновение Селлах. Но на все это можно было бы закрыть глаза, если бы не острое предчувствие беды, а своей интуиции Алекс привык доверять. О подозрениях по поводу беспочвенности войны между Ту и Ма он умолчал.

Комохо выслушал его на этот раз с куда большим вниманием. Он сделал Алексу знак продолжать. Лицо Иллиса от волнения стало каменным – он хорошо помнил, что Лина говорила ему о близости восстания.

Алекс решился продолжить и добавил, что уже написал Хану письмо, в котором предлагал всем деревням собрать войска и заранее выдвинуться к деревне ксэ.

– Это совершенно недопустимо и непростительно с твоей стороны, Сефид, – сказал Комохо, – Ты выступаешь перед Ханом с предложением, требующим обязательного согласования со мной. Это вопрос государственной важности. К тому же предположения такого характера могут быть трактованы как недоверие к политическим решениям Хана или как намек на его недалёковидность. Прежде стоило трижды подумать. Как тебе это нравится, Иллис? Это ведь твой ученик? Этому ты учил в академии? Или такое влияние на вас обоих оказал Николас Сефид? Вы позорите честные имена лучших воинов, вложивших свои силы в ваше обучение, мое

имя, имя всей деревни в глазах Хана.

Инг дождался, пока Комохо закончит, и обратился к нему:

– Господин, своими словами и поступками мы оба не раз доказывали, что преисполнены уважения и преданности к нашей деревне, к вам и ко всем наставникам. Трактовать наше предложение как оскорбление – это значит не доверять себе самому.

Комохо хотел ответить ему, но Инг не позволил себя перебить и продолжил:

– Ситуация такая, что требуются решительные действия, и пренебрегать интуицией моего брата не стоит. Практика показала, что она надежнее самых точных данных. Вряд ли формальности важнее безопасности Ханства. Правильно расставленные приоритеты никак не могут очернить ваше имя.

Иллис бледнел на глазах, и смотрел в сторону, крепко сжав под столом руки.

– Комохо лучше известно, как разумно распорядиться силами деревни, – проговорил он стеклянным голосом.

– Инг, ты мастер выворачивать ситуацию в свою пользу, – усмехнулся Комохо, – Но чего ты от меня ждешь? Может быть, дать вам отряд и отправить к Хану с неопределенной целью на неопределенный срок? Выделить средства на мобилизацию и снабжение сотни – другой воинов? Ведь у нас избыток людей и средств! Как вы себе это представляете? И кто будет отвечать, если Хан вдруг посчитает такое предло-

жение своевременным?

– Если вы признаете, что предложение может оказаться своевременным, то имеет ли значение, в какой форме оно было высказано? – ответил Инг, – Что касается снабжения и мобилизации, то мы готовы собрать войско самостоятельно на добровольных началах. Для координации наших действий, Хан может выслать нам ксэ, это мы тоже написали в письме.

Еще пару раз пройдя по логическому кругу дискуссии с Ингом и Алексом, Комохо принял решение не мешать самостоятельной мобилизации свободных от миссий сихэ-энтужиастов. К концу беседы Иллис был бледен, как мел.

– Ну, вот и все! Мы с тобой отверженные герои, Алекс. Осталось только всех спасти! – сказал Инг, быстрым нервным шагом удаляясь от дворца Комохо.

– Ты такой же, как моя сестра, Инг. Она бы сейчас сказала что-то похожее.

– Я помню Амбу, да! Сколько она возилась-то с нами! Постоянные вылазки на ярмарки, набег на соседские сады. Она меня однажды подняла, чтобы я мог яблоко сорвать, не дотягивался! Она же года на 4 нас старше?

– Да, около того. Я всегда удивлялся, неужели ей с нами интересно?

– Конечно, с нами интересно! Мы же два прекрасных мужчины, и всегда такими были. Помню, она и к морю, на границу Ханства, нас как-то вывезла, очень там красиво бы-

ло.

Алекс остановился. Они оказались в тихом саду вокруг дома Али.

– Знал бы ты, как нам с ней потом за это влетело! – сказал он, – У нее с Николасом никогда не ладилось, а уж если что-то случилось... Да они просто ненавидели друг друга. А я не знал, как поладить с ними обоими. До сих пор мне стыдно за случай, когда украл у отца кинжал, а наказали за это ее. Я отлично помню, как он злился, а она что-то дерзко ответила, но меня не сдала. Он ее ударил, а она набросилась на него и чуть не убила. Почему я тогда встал на его защиту?

– Ты же обоих любил, поэтому.

– Ну, да, только я исправить ничего не мог. Если у Николаса не было работы, она постоянно уходила из дома и просто бродила по окрестностям, лишь бы не видеть его. А он запрещал ей уходить и запирали на чердаке, как будто этим мог ее приручить. Но смысла в этом не было, она отлично лазала по стенам. А я дома ждал ее всегда. И когда она ушла к Кеаго, я тоже ее ждал. Сидел у окна, выполнял задания Иллиса и все ждал, когда она придет. Принесет с собой запах солнца и трав с озера. Она ничего не рассказывала, просто вздыхала, клала мне голову на плечо и обнимала крепко-крепко. О тебе часто спрашивала; говорила, что только рядом с тобой я стану достойным человеком; говорила, чтобы я не вздумал становиться, как отец, светлым. Она всегда его так только и назвала – «светлый».

– А ты ее не искал потом? Не пытался встретиться?

– Куда там, поисковый отряд сбился с ног. Хотя, казалось бы, найти Кеаго не так уж сложно, они часто собираются в определенных местах, и некоторые из них известны. Но Амба всегда заметала следы мастерски. Искал я, конечно, искал. Только без толку.

– Что это с вами? – Али спустилась к ним с крыльца, – Миссия? Или переговоры?

– Могло быть и хуже, – улыбнулся Инг и приобнял ее.

– Просто у вас обоих такие лица, как будто обоих только что причислили к ворам и приговорили к казни через полчаса!

– Да это я вспомнил о сестре. Иногда бывает, не бери в голову.

– Ох, Алекс, таких, как Амба, без толку искать, она сама придет. Перестань ждать, и вы увидите. Твоя тревожность не дает ей вернуться. Она ведь чувствует тебя, такие связи не рвутся. Ты же не думаешь, что она о тебе забыла?

– Не думаю, – мрачно кивнул Алекс и повел друзей дальше.

Они вернулись на центральную площадь, сделав круг по деревне. Алекс молчал, Инг и Али наперебой болтали всю дорогу.

Только сейчас дворец Комохо покинул Иллис. Он увидел ребят и догнал их.

– Надо поговорить, – сказал он, – Лучше всего у меня.

Вчетвером они зашли в небольшой домик, который Иллис делил со своей престарелой родственницей, страдающей глухотой.

– Сейчас Лины нет, поэтому я могу кое-что рассказать вам. Хоть говорить будет и непросто, – сказал Иллис, – Комохо, прав, такая поспешность и пренебрежение формальностями было недопустимо. Но твои предположения не безосновательны, Алекс, в Ханстве действительно готовится восстание. Стоит за этим человек из клана Дард.

– Дард... – буркнул Алекс.

– Идти против него, или нет, решать вам.

– Так вы присоединитесь к нам? – спросил Инг.

– Нет, не присоединюсь. Но мне важно, чтобы вы понимали, почему. Для меня имя Дард значит даже больше, чем для вас. Выслушайте меня до конца и не перебивайте.

Он сделал паузу, словно собираясь с силами, прежде чем начать свой рассказ.

– Я со времен академии был другом Айрана, брата Макса. Чем мог, я всегда помогал их семье. Правда, мог я только приносить им молока и маминого хлеба. После смерти их матери Айран стал часто пропускать занятия и уходить на миссии – с материалами по учебе я тоже ему помогал. Однажды он ушел на три дня, и мы с Линой и Максом гуляли по вечерам, а ночевали у меня. Я говорю этого для того, чтобы вы знали, насколько все они были важны для меня. Когда Макс пошел в Академию, мне казалось, что Айран вообще

перестал спать. Кто-то говорил, что он сидел на наркотических травах, но я знаю, что он бы до этого не опустился. А однажды Макс сказал мне, что его брат и сестра мертвы. Потом уже я ознакомился с материалами дела, и во мне возродилась надежда, что это не так. Но я потерял их, Лину и Айрана. И второй раз я их обоих потерять не хочу. Лучше мне не видеть Айрана вовсе, чем поднять меч на него.

Иллис замолчал. Он выглядел очень уставшим.

– Так это Айран Дард стоит за организацией восстания? – спросил Алекс.

– Я не говорил этого. Но у тебя всегда были хорошие аналитические способности.

Когда Селлах пришла в себя, она лежала в пустой комнате, укрытая пледом. В доме было тихо, и она не знала, есть ли здесь еще кто-то, кроме нее. Она не чувствовала никакого беспокойства, и факт становления Шеганом ее мало волновал, но все вокруг воспринималось иначе, включая тактильные ощущения и запахи.

Ей захотелось увидеть Землю новыми глазами, и она подумала, что теперь вполне сможет вернуться из Ада самостоятельно с помощью техники Хантай-Ни. Для телепортации нужно было сконцентрировать чакру в ногах и четко представить, как делаешь шаг в пункт назначения, образ которого четко обрисовывается в сознании. Селлах попробовала про-

делать это упражнение, и с первого же раза ей удалось попасть на Землю, но над точностью телепортации еще предстояло поработать: она оказалась не в деревне Эр, а на дороге примерно в сотне километров от Ту.

– Эй! Эй! – окликнул ее кто-то сзади, – Ты откуда здесь появилась?

К ней приближался молодой ксэ в сопровождении двух крупных собак, одной – серой, похожей на волка, другой – желтоватой, чуть больше размером, с медвежьей мордой. За широким синим поясом, обозначавшим его принадлежность к средним рангам, были заткнуты два меча. Смуглый, с коротко стриженными темными волосами улыбчивый парень с серьезными глазами.

– Я Сирроу Кутта, – он протянул ей руку, – Ксэ седьмого ранга. Но ты не волнуйся из-за звания, мы же с тобой почти ровесники. Ты ведь сихэ? Как тебя зовут?

Селлах посмотрела на протянутую жилистую загорелую руку, потом в глаза ксэ. Она заметила, что его глаза янтарного цвета и такие же лучистые, как у Инга и Сатанга Кеаго.

Своим появлением он выбил ее из колеи. Она была уже полна предвкушения, как впервые примет облик Шегана и полетит над самыми красивыми местами Земли, которая теперь должна была предстать перед ней совершенно другой. Но этот мальчишка, кичащийся своим седьмым рангом, бесцеремонно нарушил ее планы, а теперь зачем-то протягивал руку.

– Если это так нужно, что ж, я Селлах.

– Просто Селлах? – улыбнулся Сирроу.

Желтая собака высунула язык и замахала хвостом. Улыбка ксэ успокаивала, но ее темному началу это спокойствие было не нужно.

– Да, просто Селлах, – ответила она, так и не пожав его руку, – Подскажи-ка мне, как добраться до деревни Эр?

– До деревни Эр? Ты серьезно? Ты заблудилась! Теперь придется делать большой крюк, чтобы выйти на нужную дорогу.

– Укажи направление, мне не нужна дорога, я умею превращаться в птицу.

– А, вот оно что! Значит, ты просто спустилась с неба! Я-то все думал, как ты могла появиться из неоткуда.

– А ты не думал, что я могу владеть Хантай-Ни?

– Никогда своими глазами не видел, как применяют эту технику, так что и не подумал. Она же только для темных и светлых?

– Ну да, – Селлах не сдержала самодовольной ухмылки, – Так ты знаешь, где находится Эр?

Серая собака гулко зарычала, недоверчиво глядя на Селлах.

– Вот там, – Сирроу махнул на юго-восток и потрепал серую по шее, – Жаль, не могу тебя проводить, я направляюсь в Ту, – он указал направление на север прямо по дороге.

Он с готовностью оставил тему Хантай-Ни, то ли сразу за-

быв о ней, то ли не пожелав лезть не в свое дело. Его безразличие стало еще одним провоцирующим фактором для Селлах.

– Это к лучшему. Наши пути не могли надолго пересечься, – Селлах уже сделала порыв принять обличие птицы, но кинула через плечо, – На самом деле было бы лучше, если б у тебя была причина меня убить.

– Убить тебя? Зачем это?

– Какая разница? – Селлах повернулась к нему лицом, – Я хочу умереть, а не исповедоваться.

Серая собака отрывисто залаяла, желтая растерянно проскулила. Сирроу одним жестом успокоил их.

– Вообще-то причина тебя убить у меня формально есть. Я уже понял, что ты темная. Просто я не из тех, кто ищет лишний повод обнажить меч.

– А если бы я сказала тебе, что я вор?

– Ты вор? Ну, желаю удачи и советую вернуться в свою деревню с каким-нибудь алиби. А потом пустить силы на карьеру и помощь близким, например. Лучше, чем бесцельно бродить по дорогам и бросаться на меч первому встречному, – его улыбка не давала словам произвести гнетущее впечатление.

– Шенад, мне не нужны твои советы! – бросила Селлах, – Если ты не убьешь меня сейчас, я положу жизнь на то, чтобы казнить твоего любимого Хана. У тебя есть шанс остановить опасную преступницу и подняться на еще один ранг, хоро-

ший мальчик.

Собаки теперь не издавали ни звука, но обе подобрались в ожидании приказа хозяина.

– С такими разговорами ты, и правда, можешь нарваться.

– До чего же ты бестолковый! Я уже несколько раз сказала, что хочу этого!

– Это меня и останавливает.

– Тогда выбирай: убьешь ты сумасшедшую незнакомую девчонку, или она прикончит твоего господина.

– Я не знаю, как ты собираешься это сделать, но, если честно, ты меня разозлила.

Улыбка исчезла с его лица, и черты сразу приобрели остроту. Мгновенно он обнажил один из мечей. Селлах выпустила поток чакры Огня. Сирроу сгруппировался и уклонился от атаки. Он двигался очень быстро, и в следующую секунду уже зашел к ней сбоку. Ему удалось только задеть плечо Селлах, потому что она успела превратиться в гарпию и взлететь. С воздуха она еще раз атаковала Огнем. Сирроу снова уклонился и тут же в ответ выпустил целую волну чакры Воды, которая накрыла Селлах и потянула к земле. Обличие птицы теперь было бесполезно – Вода насквозь промочила ее перья, поэтому Селлах постаралась сосредоточиться на формировании вокруг себя щита, но не успела сделать это до того, как поток прижал ее к земле. Она ощутила образовавшиеся ссадины на спине, а следом – тяжесть и боль в ногах и в теле: на нее навалились собаки Сирроу, блокировав

возможность двигаться и зажав зубами ее бок и бедро.

Сирроу подошел к ней и подставил к горлу лезвие меча. На мгновение на лице Селлах промелькнул страх, но она яростно оскалилась и дернулась навстречу мечу, до предела упершись в его острие. Ее глаза наполнились слезами и стали безумными.

– Чего ты ждешь?! Убей! Ну, давай же! – хрипло выкрикнула она и еще чуть сильнее подалась вперед так, что на ее шее появилась ранка.

– Зачем же ты защищалась, если так хочешь смерти? Не нужно перекладывать на меня ответственность за свою жизнь и за свою смерть, – Сирроу убрал меч в ножны, – Вообще-то мы могли бы стать друзьями, если бы ты не была зациклена на странной идее, что смерть – это лучшее решение проблем. Счастливо, вор.

Он отозвал собак, объединился с одной из них. Теперь он мог быстро и долго бежать на четырех конечностях вместе с другой собакой, которая сменяла первую по мере необходимости – так он обычно и передвигался на большие расстояния, с лошадьми у него отношения не строились. Сирроу послали в Ту для консультации Алекса по вопросу формирования резервных войск на случай волнений.

Пальцы Селлах сжались в крепкие кулаки. Она направила в землю бессмысленный удар, усиленный концентрированной чакрой, и закричала от гнева и отчаяния. Острее, чем обычно, она ощущала жжение ран, дрожала всем телом и

чувствовала, что вот-вот утонет в накатывающей панике.

Задачей первого полка был штурм деревни ксэ, отвлечение на себя основных сил и обеспечение специальному отряду возможности прорыва во дворец Хана. Второй полк должен был окружить деревню и атаковать ее, когда силы ксэ будут сосредоточены на защите дворца. Айран во главе спецотряда брал на себя задачу вывести Нацхи на открытый участок, а дальше дело было за Селлах.

Стратегия представлялась вора́м безупречной, потому что никто из них не знал подробностей целостного плана и, даже при большом усердии не имел возможности оценить всей зыбкости операции по захвату деревни ксэ. Риски создавались на каждом из поочередных этапов этой операции, что делало вероятность реализации всех ее фаз близкой к нулю. Людей не хватало, на каждую точку бросалось лишь строго необходимое количество далеко не безупречно обученных воинов, убежденных Айраном в своей непобедимости. Взглянув на расстановку сил, опытный стратег скорее предположил бы, что истинная цель предводителя восстания – уничтожение самих повстанцев. Впрочем, найти возможность уменьшить риски этот стратег вряд ли бы смог.

И вот настал тот самый день. Хмурое октябрьское утро. Айран в облике Хвоста сидел на ветке пожелтевшей липы в обозначенном для сбора воров месте в лесу неподалеку от

деревни ксэ. Как когда-то на крыше дома Каты он ждал Артура, так сейчас ждал здесь Селлах. Айран не ощущал никакого волнения и спокойно вспоминал свой последний разговор с Катой: он просил ее ни при каких обстоятельствах не возвращаться из Восточного Ханства самостоятельно. А она даже не попыталась притвориться, что послушается – заглянула в самую глубину глаз и сказала: «Я тебя люблю». Надежды, что она останется за пределами Северного Ханства, пока все окончательно не утихнет, было мало.

От мыслей его отвлекло появление Селлах, которая подлетела к нему в виде гарпии и, возвращая себе истинный облик, приземлилась на ветку рядом. Арбалет был при ней.

– Готова?

– Да, – ответила Селлах, спокойно глядя перед собой.

– Вон, видишь, подошел свежий отряд? Это сихэ деревни Эр. Как я и предполагал, многие готовы предать свои убеждения при виде такой толпы воодушевленных воинов, которые жаждут смерти Хана. Вчера я отправил в совет деревни человека с очередным предложением присоединиться – обещали подумать. Смотри-ка, не слышно прежних разговоров о бессмысленности сопротивления, о недопустимости крайних мер, – Айран поднялся на ноги, чтобы говорить с толпой, и взял совершенно иной тон: – Приветствую всех вновь прибывших! Рад, что вам хватило мудрости в последний момент не повернуться спиной к свободе. Новые поколения запомнят нас как первых борцов за их естественное право выбора

своего жизненного пути!

Внизу раздались крики одобрения.

– Вы уже должны быть проинструктированы и разбиты на отряды нашими комиссарами. Все прибывшие присоединяются к первому полку. Второй полк выступает через полчаса после первого и входит в деревню, когда Хан окажется на крыше своего дворца. Информаторам быть начеку.

– Так точно, – послышался нестройный ответ толпы.

– Тогда вперед! Во имя свободы! – воскликнул Айран, обнажив меч.

– Во имя свободы! – отозвались вору.

Айран слетел вниз, а Селлах осталась на крыше. Она засекала время, чтобы дать сигнал к выступлению второго отряда, и с улыбкой проводила взглядом удаляющийся первый полк.

Трехтысячное войско воров приближалось к деревне ксэ со стороны леса в рассредоточенном состоянии, поэтому было замечено слишком поздно. При их приближении, ворота деревни закрыли, а на смотровую башню вышел переговорщик. Ему не дали произнести ни слова, пристрелив из арбалета, и тут же несколько лучников повели ответный огонь. Пока деревня мобилизовалась, вору сгруппировали мощные потоки чакры в единый канал и пробили им ворота. Ксэ, обстреливающих их из-за стен, становилось все больше.

Вору не жалели себя и вели безрассудные атаки, но в действиях командиров отрядов была видна продуманная после-

довательность. Как калейдоскоп, перед глазами Хана разворачивалось стремительное действие. Повстанцы, как голодные мартышки, атаковавшие тропический город, забирались во все щели, ползли по стенам, нападали по нескольку человек на одного, уклонялись от атак ксэ младших рангов, против которых они были хорошо натасканы. Они не давали Хану и его семье покинуть дворец, пробираясь внутрь и отвлекая на себя охранные силы.

Двое воров забрались в комнату одной из сестер Нацхи. Гордая девушка с прямой спиной сидела на полу около своего письменного стола, где один из ворвавшихся попытался бросить ее на колени. Она с отвращением смотрела в сторону и поправляла сложную прическу, в которую были собраны ее длинные белые волосы.

– Долго ты будешь выделываться? – кинул ей вор, затягиваясь самокруткой.

Он сел на стул, раскачавшись и положив ноги на стол с бумагами.

– Миледи не говорит на языке грязных воров? – ерничал он, – А я могу помыться, ты скажи только! Даже с тобой вместе, красotka!

– Не советую усугублять свое положение, – сдержанно ответила ханская сестра.

– А не то ты нас накажешь? – повстанец дернул ее за руку к себе, дерзко посмотрел в глаза и выпустил в лицо едкий дым.

Второй вор вожаделенно косился на девушку и набивал рот фруктами.

Стену ее комнаты вдруг разрушил поток огненной чакры из прилегающего кабинета. Воры опешили; она же отточеным движением прирезала своего обидчика карманным кинжалом и выбежала за дверь. Второй вор, не жуя, проглотил виноградину и перебрался в кабинет, откуда исходила атака.

Пламя чакры охватило другие стены. Комната быстро наполнилась дымом и жаром, огонь разгорался за счет создавшегося сквозняка. Трое воров, в том числе Айран, стояли со стороны разбитых окон, еще несколько распределились по кабинету, окружив его хозяина – Хана.

Нацхи повел ближний бой с Айраном, отвлекаясь на атаки воров, как на навязчивых мух. Еще неоднократно все воры использовали чакру Огня, пока в помещении не стало невозможно дышать. Хан раскрыл за спиной пару белых крыльев и вылетел в оконный проем, Айран последовал за ним. И вот они оба на крыше, как он и обещал Селлах, укрывшейся сейчас в заготовленном укрытии под защитой нескольких воров. Через девять секунд ее стрела погубит Нацхи.

Раз. Хан продолжил ближний бой.

Два. Айран дал отпор и стал подводить Нацхи к удобной для Селлах позиции.

Три. Предвкушение победы.

Четыре. Внезапная абсолютная уверенность в каждом своем воине.

Пять. И в точности выстрела.

Шесть. Ощущение власти.

Семь. Смак.

Восемь. Селлах не подведи, моя умница.

Девять. Сейчас!

...

Секундный вскрик вырвался у Айрана. Только что он был наполнен верой в собственную идею, которой уже служило много сотен воров. Никогда прежде не смея тешить себя даже надеждами, он вдруг осознал неизбежность победы и тут же был раздавлен невозможностью продолжать борьбу. Стрела Селлах была сбита.

Айран отстранился от Нацхи и увидел где-то в стороне Хелен с новым арбалетом в руках.

Второй полк воров пытался войти в деревню, но он оказался уже наполовину разбит ксэ, которые перебирались за крепостную стену и подошедшим на выручку отрядом сихэ из деревни Ту во главе с Алексом и Сирроу.

Айран замер и наблюдал за разворачивающейся внизу сценой краха. Воры были захвачены в капкан, бежать с места сражения было невозможно.

Хелен сделала еще один выстрел почти одновременно с двумя другими стрелками. Айран не мог даже попытаться уклониться. Нетвердый шаг назад. Дальше обрывается крыша. Стрелы вошли глубоко. Печень, легкое, где-то около сердца.

Между Ханом и Айраном обвалилась прогоревшая крыша, и наружу вырвался огонь, бросив на их лица красные блики.

Сквозь треск и шум боя он услышал крик Селлах:
– Не умирайте!

Она бежала к дворцу, открытая для атаки, поддавшись порыву чувств.

Только тогда Айрана накрыла волна боли, он упал на колени, стиснув зубы и прикрыв себя крыльями. Крик, опустошивший легкие, вырвался не сразу. Жадная попытка с сильным шипением вдохнуть загустевший воздух. Ему казалось, что он целую вечность смотрел в сторону, откуда пробивалась к нему Селлах, ощущая во рту металлическую жидкость. На самом же деле не прошло и двух секунд, как Айран применил Хантай-Ни, чтобы перенестись в Ад.

Армия воров была разбита.

«Я сделал все, что должен был. Ката, еще немного, и я доберусь до тебя», – Айран заставлял себя складывать мысли в связные предложения, чтобы абстрагироваться от боли и отвлекаться от страха смерти.

Он оказался не в Азуре, как ожидал, но где-то на первом Уровне неподалеку от города. Необходимо было как можно скорее реанимировать тело после ранений, поэтому он не стал тратить время и силы на попытки добраться до дома, а

сел прямо здесь на землю и занялся ранами. Его исцеляющая чакра была недостаточно сильной, чтобы полностью восстановиться – с ее помощью Айран мог только приостановить кровотечение, вслепую дотягиваясь до спины.

Несмотря на сосредоточенность на тонкой работе, он чувствовал, что к нему целенаправленно приближается Хвост. И Хвост тоже чуял его очень хорошо, вернее его черно-белая маска ощущала сильную душу в ослабленном теле.

Макс появился рядом с ним неожиданно, с помощью телепортации; в одной руке он сжимал найшу, а в другой держал Мешер. Айран посмотрел на него снизу, и единственное желание, которое он смог различить среди отрывочных мыслей, затуманенных болью, – это желание исчезнуть. Опираясь на рукоять своего меча, вонзенного в землю, он поднялся на ноги. Макс подошел вплотную, он был почти на голову ниже. Было заметно, что ему приходится сдерживать позывы Мешер к атаке. Айран был не в состоянии драться: его раны еще кровоточили, и слишком много сил ушло на выбросы чакры Огня в деревне ксэ.

– Подожди, – тихо попросил он.

– Я достаточно ждал.

Рука Макса, уже обьятая произвольно выходящей наружу темной чакрой, молниеносно оказалась у горла Айрана. Ни на миллиметр он не приблизил лезвия ближе, контролируя дрожь рук. Шею Айрана обжигала темная энергия, но он почти не чувствовал этого. Он продолжал смотреть Максу в

глаза с напряженной готовностью и хрипло дышал. С кашлем изо рта потекла кровь.

Мешер громко зашипела, чувствуя, что душа уже покидает тело потенциальной жертвы. Напряжение сползло с лица Айрана, глаза закатились, он повалился на Макса. Придерживая его, Макс осторожно опустился на колени и попытался найти источник кровотечения. Мешер в это время пыталась ухватиться за душу своим длинным языком, но Хвост не позволял ей этого. Она пыталась снова и снова. Поняв, наконец, что упустила душу, она впустила в сердце своего хозяина чакру такой силы, что он едва не лишился чувств.

Макс уложил тело Айрана на землю и отшатнулся в сторону, чтобы не дать Мешер дотянуться до него языком. Неконтролируемая чакра заставляла его извиваться и выкручиваться в бешеном ритме. В какой-то момент Мешер смогла захватить своей силой всю душу Макса и могла бы одним рывком вытянуть ее наружу, но Хвост использовал возникшую связь в свою пользу. Ощущение близости смерти дало ему такой волевой импульс, что он смог полностью овладеть маской и взять под контроль ее намерения.

Максим не успел осознать, как направил силу Мешер на исполнение своего желания, сформулировать которое тоже не успел. Все вокруг вдруг сжалось до точки и сразу же раскрылось неведомым потоком древней энергии. Перед ним раскрылось Пространство Ожидания, где находятся души в момент умирания перед своим последним судом, где Мешер

была рождена. Здесь творилось и зарождалось все, но здесь не было ничего – вернее сказать, Ничто было здесь.

Пребывание в этом сверхизмерении было похоже на сон, человеческое сознание не могло полноценно его воспринять. Через какое-то время – если только уместно в данном случае говорить о времени – Макс ощутил движение, а затем и осознал, что идет куда-то в абсолютной темноте. Он не мог бы сказать, как долго это продолжалось, потому что продолжалось это вечно, и началось задолго до несуществующего момента его рождения, и его самого не было вовсе.

Спустя вечность, вместившуюся в долю секунды, он увидел свет. Это была лишь маленькая точка, но это был Свет, вернувший Максу ощущение своей сущности. Этой сияющей пылинке был рад больше, чем заблудившийся в пустыне – воде. Сотни душ пытались дотянуться до Света и снова жить. Но они, словно в болоте, завязли в небытие, и не могли приблизиться к Нему. А Макс мог, и он побежал к манящей цели, концентрированному смыслу бытия. Никогда прежде ему не доводилось так жаждать жизни. Но, по мере приближения к Свету, к нему возвращалась память. Он вспомнил, что нужно найти Айрана. Макс бросился в сторону с дороги жизни в толпу погибающих душ.

Тьма снова поглотила его, но он уже владел разумом и заставил себя продолжить поиски. Отходя все дальше от Света, вглубь вселенского хаоса, он утрачивал чувство времени и самоощущение. Макс не мог кричать, но всем естеством

призывал к себе Айрана. В тот момент, когда ему показалось, что небытие поглощает его, он увидел искривленное бессильной мукой лицо брата. Макс рванул к нему сквозь мрак паникующей толпы и протянул ему руку. Айран жадно за нее ухватился.

Вместе они должны были вернуться к месту, где оставалось его тело. Макс приказал Мешер вытянуть их обратно, и тут же поток захватил их обоих, сжав пространство и вывернув его на первом Уровне Ада.

Селлах была арестована в день атаки деревни ксэ. Уже следующим вечером ее ожидал допрос, о чем она была предупреждена. На время ожидания все взятые в плен воры помещались в тюрьму. В обращении с ними никто не допускал ни грубости, ни нарушения инструкций. В ханский дворец Селах ввели под конвоем.

Навстречу ей вышел ксэ седьмого ранга, с которым она уже недавно встречалась, и даже смогла вспомнить, что его зовут Сирроу. Имея ранг выше, он приказал освободить Реттер из-под стражи и, пропустив ее перед собой вверх по лестнице, стал шептать:

– Подыграй мне. Я тебя вытащу. Мой наставник поможет, он уже нескольких ваших спас от казни.

– Мне все равно, – ответила она.

– Обещай не мешать мне, – сказал Сирроу, уже держа руку

на дверной ручке кабинета, где проходил допрос.

Селлах утомленно покивала, и только тогда он раскрыл перед ней дверь. Подперев щеку кулаком, за столом сидел Эльхес Сефид. От него уводили очередного вора, который держался со спокойным достоинством аристократа, но своими показаниями явно не закрыл все вопросы ксэ. Селлах узнала его: это был один из немногих выживших, кого Айран сберег во втором полку.

– Та же песня, Сирроу, – вздохнул Эльхес, – Говорит, что дрался за отмену клановой системы. А почему нельзя было к Хану с официальным обращением пойти, объяснить не может. Они ведь и не пытались. В толк не возьму, почему было для начала не составить письмо от имени сихэ деревни Эр, раз уж они все равно дали кров ворам. Времена, когда такие письма оставались без ответа давно прошли, это всем известно. И, как в прошлый раз, этот парень совсем не похож на тех раздолбаев, с которыми приходилось иметь дело в бою. Представить себе не могу, чтобы такой, как он домогался бы до ханской сестры или грабил склады с провизией. Все, кто выжил, как на подбор, сплошные интеллигенты, – он посмотрел на Селлах и обратился к ней: – Ты не знаешь, почему так вышло, а? Самых разумных напоследок оставили что ли?

Она промолчала в ответ. Ей самой было бы любопытно это узнать.

– А еще тут каждый второй критикует этого вашего Ай-

рана за то, что тот поручил выполнение основных миссий не им, а «лицам, не заслуживающим такого доверия». Оцени поэзию, Сирроу! Это они-то, воры, так выражаются! Мне кажется, наши царевны так между собой не разговаривают. Девушка, вы вот тоже образец этикета и красноречия?

Селлах молчала, отвернувшись к окну. Сирроу задал ей вопрос под протокол:

– Как вас зовут?

– Селлах, – кинула она.

– Клан?

– Реттер.

– Надо же! Действительно благородных кровей! – оживился Эльхес, узнав ее имя из рассказов Инга, – Я перед сменой был у Хана, шепнул ему, чтобы ребятам из воров поумнее предлагали разработать способы улучшить тактику, которой они придерживались во время штурма. Если у них получится что-то толковое, мы одновременно выявим мозги, которые можно взять на службу, и узнаем, где деревне может угрожать опасность.

– Взять на службу воров? А Хан на это пойдет?

– Пойдет, или нет – дело его. А я думаю, что Нацхи-то пойдет. У меня в этом смысле есть кое-какой опыт, потом расскажу. Работай дальше.

– Эльхес, я хочу сказать кое-что перед тем, как продолжить. Я считаю, что эта девушка ни в чем не виновна.

Сефид понимающе улыбнулся. «Безнадежно», – подумала

Селлах.

– Каким образом ты собираешься ее оправдать? Ты в курсе, что это она должна была пристрелить Нацхи? Что ж, мне интересен ход твоих мыслей, я слушаю.

– Она действовала под влиянием какой-то гипнотической техники! Скажите, Селлах Реттер, – обратился к ней Сирроу, – Вы участвовали в этом восстании по собственной воле?

– Конечно! – ответила Селлах, глядя прямо в ярко-голубые глаза Эльхеса, и еще раз повторила для убедительности: – Да, по собственной воле.

– Клан Дард, из которого происходит лидер восстания, хранит секрет техники иллюзии Хосуто Соу, – подсказал Эльхес, – Для этой техники нужна чакра Тьмы, а мы помним, что Айран у нас Хвост. Селлах, вы ведь можете подтвердить, что подвергались какому-либо воздействию или давлению?

– Никаким иллюзиям я не подвергалась, действовала добровольно, никто из воров не владеет Хосуто Соу, – отрапортовала она.

Эльхес с вопросительным недоумением посмотрел на Сирроу.

– Такое сильное внушение? – замешкавшись, предположил он.

– Именно так! Никто в своем уме не будет так старательно лишать себя возможности освободиться. Для справки, Хосуто Соу обладает такой властью над человеческим сознани-

ем, что способен не только внушить любую идею на многие годы. В отдельных случаях с помощью этой техники можно приказать человеку умереть, и он умрет.

– Я виновна в той же мере, что и другие арестанты, – сказала Селлах.

– Возражения не принимаются. Мы решили, что вы невиновны, так что возвращаетесь домой, в деревню Ту. Если возникнут проблемы, я лично все улажу, вас не казнят.

Сирроу благодарно смотрел на учителя. Глаза Селлах же были переполнены изумлением и ненавистью.

– Не казнят? Большое одолжение! А если смерть – это единственное, чего я еще могла желать?

– Не говори ерунды. Ты свободна! – сказал Сирроу и открыл дверь, чтобы дать знак сопровождающим, – В камеру тебя больше не поведут. Останешься на ночь во флигеле для гостей, а завтра я сопровожу тебя в Ту.

– Передавай привет Ингу Сефиду! – улыбнулся Эльхес.

– Откуда ты знаешь Инга?

– Спроси у него при встрече!

Селлах не двигалась с места и пристально смотрела на Эльхеса.

– Как это легкомысленно доверять таким, как мы! – выкрикнула она и выбежала из кабинета.

Хелен и Эльхес дожидались Хана перед дворцом. Он вот-

вот должен был спуститься и отправиться вместе с ними на свидание к Кате Мэхила.

Эльхес появился в деревне ксэ семнадцать лет назад. Его боевые навыки были оценены на уровне третьего ранга (по собственному решению Хана), куда он и был зачислен. Ксэ поступали на службу в шесть лет и сразу получали первый ранг, а в процессе обучения росли по службе. Хелен тогда было всего восемь, и Эльхес, проглотив унижение, был вынужден начать обучение вместе с ней. Дисциплинированность младших и его природное обаяние не позволили образоваться барьеру в их общении, и постепенно он был прият группой как неформальный куратор и старший товарищ. Всех сирот он взял под свою опеку, и двери его тесной комнаты в ученическом общежитии всегда были открыты для них. Хелен, потерявшая родителей в раннем детстве, оказалась в числе его протеже.

К своим четырнадцати годам она осталась единственной среди них, потому что только ей удалось перейти на шестой ранг одновременно с Эльхесом. Иногда она, правда, думала, что он мог бы продвигаться по карьерной лестнице и быстрее, потому что многому был уже обучен, а над новыми техниками работал с необычайным усердием.

Пока Хелен была маленькой, он говорил, что хорошо учиться должны все и стараться всегда нужно на пределе своих возможностей. Когда она стала старше, он признался, что если он перестанет полностью выжимать из себя все со-

ки в течение дня, голова его просто взорвется от мыслей. Он никогда не рассказывал, что в деревне Ту растет его сын, Инг Сефид, рожденный от наследницы чистой линии Кеаго, носитель Древнего Демона Агварэса. И Хелен знала, что не всего его тайны доступны ей, а сама часто чувствовала себе раскрытой книгой для него, что пугало и одновременно притягивало. Она не сразу смогла понять, что за проникательностью Эльхеса стоит лишь жизненный опыт – так мало ощущалась между ними разница в возрасте.

Эльхес заметил, куда может повернуться дело, раньше, чем Хелен осознала свою готовность влюбиться. Тогда-то он и свел ее с наследником престола, который был старше ее всего на два года. Сам Эльхес уже давно сдружился с Нацхи: изначально потому, что будущий Хан желал во всем действовать против воли отца, который не мог благоволить бывшему сихэ, совершившему в родной деревне тяжелое преступление. Эльхес даже сопровождал молодого Ная на некоторых тренировках, а порой и сам выступал в роли наставника, совершенно не стесняясь разницы в их положении.

Поняв, что в роли преподавателя чувствует себя очень уверенно, Эльхес решил взять на себя обязанности тренера. После долгих обсуждений ему было это позволено. Перейдя на седьмой ранг и передав Хелен под ответственность Хана, он полностью отдался группе новобранцев. У ксэ заведено, что преподаватель продолжает обучать большую часть группы, вне зависимости от того, насколько быстро ученики пе-

реходят на следующий ранг. Если большинство на экзамене не переходит на следующий ранг, преподаватель остается с ними, а ученики, которые смогли сдать экзамен, передаются другому наставнику. У Эльхеса только трое отсеялись по ходу обучения, и недавно покинула деревню ксэ единственная девушка из его группы. Остальные, включая Сирроу, планомерно продвигались под его началом до седьмого ранга.

Сам Эльхес достиг высшего ранга через полгода после Хелен, и это вызвало в деревне множество толков среди представителей старшего поколения. Но уважение, которым он пользовался у Нацхи, заставило злые языки замолчать. И сейчас уже сложно было представить, что кто-то посмел бы проводить Эльхеса презрительным взглядом. Он был на своем месте – рядом с Ханом и с Хелен – охранял их тыл и хранил тайны.

– Ты слишком напряжена, Хелен. Тебе-то уж точно не о чем волноваться, – подмигнул Эльхес спустя несколько минут неловкого молчания под окнами ханского дворца.

– По-хорошему, это не для твоих ушей, но, знаешь, иногда мне кажется, что я продалась, – резко ответила она.

– Ты его не любишь?

– Я не знаю, это ли называют любовью, Эльхес.

– Ты готова умереть за него?

– Да! – сразу ответила она.

– Тебе бывает с ним так хорошо, что кажется, сердце сейчас остановится?

– Бывает.

– Доверяешь ему?

– Не во всем, пожалуй.

– Чувствуешь себя счастливой?

– Нет.

– Ты просто до сих пор не веришь, что можешь себе это позволить. Сходи-ка за ним, что-то он долго копается.

Нацхи Най дочитал протокол допроса одного из бывших сихэ, закрыл папку с его личным делом и потер виски. Мало кто из уцелевших воров утаил свое имя, большинство даже активно сотрудничало со следователями. В живых осталось не более сотни человек, и эта сотня, как отметил Эльхес, отличалась своим интеллектуальным уровнем, воспитанием и воинским мастерством. Это был элитный отряд, сбереженный для финального акта стратегии, который так и не был разыгран. Или же расчет был таков, что он разыгрывается прямо сейчас. У Хана были предположения на этот счет.

Нацхи отодвинул кипу бумаг и лег на стол. Догадки были и по поводу истинных причин бунта: он понимал, что штурм деревни ксэ был необходим в первую очередь как средство привлечения внимания к проблеме кастовости. Лидер восстания, Айран Дард, пытался применить на Хане технику иллюзии, но никто не заметил этого. Нацхи позволил ему проникнуть в свое сознание исключительно для того, чтобы понять цели воров. Во внушении Айрана не было ничего, кроме необходимости пересмотра действующей системы, лиша-

ющей людей свободы выбора. Знал ли Айран, что Нацхи легко заблокирует воздействие его техники и сумеет прочесть послание, не подвергаясь воздействию? А если знал или мог предположить, то почему Хана попытались убить – был ли последний выстрел запланирован? Одно Нацхи знал точно. произошло нечто большее, чем бунт. Не нужно было изучать результаты допросов и долго размышлять над трудно объяснимой тактикой ведения боя – Хану, умевшему читать людские сердца, было достаточно посмотреть в глаза Айрану. Он хорошо запомнил эти глаза печального мудреца, познавшего отчаяние и истину, Тьму и Свет, наполненные силой и спокойствием.

Его размышления прервало появление Хелен. Нацхи встряхнул головой, чтобы прийти в себя.

– Уже собрались? – спросил он, поднимаясь из-за стола.

– Да, мы готовы, – ответила она.

Ей стоило некоторых усилий держать не слишком формальный тон и не дополнять сказанное обращением «господин». Нацхи чувствовал это. Он подошел к Хелен и поцеловал ее руку. Она опустила взгляд, не смея посмотреть в его миндалевидные глаза чистого серого цвета, словно составленные из осколков стекла. Она была не из робкого десятка, но прямо смотреть на него не могла.

Нацхи и Хелен спустились к Эльхесу под его манерные аплодисменты.

– Я думал, мхом порасту! Нужно было самому за вами

идти, господин. Из-за Хелен вы, наверное, задержались еще дольше!

– Придержи язык, – беззлобно ответил Хан, имея при этом почти виноватый вид.

Он протянул вперед руку, и оба воина положили ладони поверх его. С помощью техники Хантай-Ни Нацхи перенес их в деревню Эр.

С первого же взгляда было понятно, что прибыли они незря. На покосившийся забор облокотился совершенно пьяный постовой с бутылкой в руке. Гости прошли прямо перед ним незамеченными. Деревня пришла в упадок после того, как восстание забрало ее основные силы. В очередной раз Нацхи подумал, что «революция» Айрана – мобилизация всех маргинальных групп населения, – оказала Ханству неопценимую услугу. Здесь царило уныние, деревня утратила свою энергию. Прежде, чем посылать сюда людей для восстановления хозяйства и аппарата управления, необходимо было вычистить общую ауру деревни и заново наполнить ее жизненной силой.

Любое поселение воинов опутано невидимым клубком нитей чакры, сформированным благодаря долгому сожительству духовно сильных людей. Когда воин отрекается от своей деревни, его связь с деревней постепенно ослабевает. Эти связи Хан ощущал настолько остро, как если бы видел своими глазами те самые нити, распространяющиеся от деревень и взаимосвязанные с внутренней сетью каналов чак-

ры человека.

Нацхи снял белый плащ, пояс и рубашку и отдал Хелен. Хан остался с оголенным торсом, на котором был вытатуирован олень с ветвистыми рогами, расходящимися по груди к плечам. Он обнажил меч из металла почти белого цвета и вонзил его глубоко в землю, послав в него светлую чакру. За его спиной распахнулись шесть белых крыльев, и возник сияющий полупрозрачный образ белого оленя – небесного покровителя клана Най. От меча пошел поток Света невероятной силы. Он, словно река в дельте, разбился на множество пучков энергии, которые с гудением и свистом подбирались к каждому дому и проникали внутрь. На несколько минут все вокруг охватил восхитительный сияющий вихрь. Утихнув, он не оставил после себя ни следа – никто не заметил случившегося, кроме ксэ. Деревня продолжала жить своей жизнью, но ее сердце теперь забилося в здоровом ритме.

Под напором чакры Нацхи был вынужден припасть на колени перед своим мечом. Опираясь на рукоять, он поднялся и убрал оружие в резные ножны. Ветер растрепал его волосы, и он расплел собранную на затылке сложную косичку, так что длинные черные пряди закрыли выбритые виски и уши. Хелен принесла ему одежду и заглянула в глаза. Он еще был пропитан той невообразимой силой, превосходящей человеческие возможности, проводником которой только что был, и Хелен стало не по себе от этого.

– Очень красиво было, господин Хан! Феерия! – прогово-

рил Эльхес нараспев, – Только не забудьте одеться, замерзнете!

Им предстояло побывать в одном из домов, указанном несколькими ворами как штаб Айрана. Они без труда нашли нужное строение и постучали. Ката к этому времени уже вернулась домой, нарушив запрет Айрана – она не могла спокойно оставаться в убежище, зная, что здесь ему может понадобиться помощь, конечно, забыв о том, что может причинить больше вреда, чем пользы. Она почти сразу распахнула дверь, и с разбегу запрыгнула на Хана, обхватив его ногами. Эльхес сзади придержал отступившего на шаг господина.

– Что вы себе позволяете?! – воскликнула Хелен.

Тут только хозяйка дома осознала, что накинута совсем не на того, кого так ждала. Она сразу же отстранилась от Нацхи, очень смущенная и покрасневшая.

– А, вы не Айран... – тихо проговорила она.

– Нет, не Айран, – ответил Нацхи.

Хелен с негодованием смотрела на Катю, с трудом сдерживая порицание. Эльхес посмеивался в сторону.

– Проходите уж, – вздохнула Ката, не обращая на это внимания.

Хелен пропустила Нацхи вперед – на службе она придерживалась такого порядка. Эльхес остался на улице.

– Я подымлю немного, – сказал он.

Нацхи одобрительно кивнул ему и прошел в гостиную за Катой.

– Курить очень вредно, – пробормотала она, – Садитесь, пожалуйста. Вы же по поводу комнаты?

– По поводу комнаты? Вы думаете, мы пришли договариваться о временном жилье?! – переспросила Хелен уже почти со злостью.

– А разве нет? – удивилась Ката.

Хелен тяжело вздохнула. Нацхи коснулся ее руки кончиками пальцев.

– Как вас зовут? – спросил он.

– Ката Мэхила.

– Очень приятно. А меня – Нацхи Най.

– Ах, это вы Нацхи! Так вас не убили?

– Абсолютно уверен, что не убили.

– А вы не знаете, Айран жив?

– Мои люди не смогли лишить его жизни.

– Это хорошо, значит, жив, – улыбнулась она.

– Не могу дать гарантии.

– А что с ним будет?! Вы ведь тоже его ищите?!

– Мне бы очень хотелось с ним побеседовать.

– Скажите, вы ведь не собираетесь его казнить?

– Я буду действовать согласно закону, а для этого мне нужно выяснить некоторые обстоятельства.

– Знаете, он ведь так ненавидел вашу систему... Но я знаю, что, если сможете, вы его не убьете. Я вам верю, у вас глаза добрые. Как у Айрана.

– Благодарю. Вы сказали, что Айран критиковал суще-

ствующую систему управления. Известно ли вам, против каких положений он выступал?

– Клановая система. У него был ленивый младший брат, который должен быть стать сихэ. Ведь обязательно продолжать дело клана. Ну, вот, он решил, что это не справедливо...

Тем временем Эльхес обошел дом Каты, принял облик маленькой ящерицы и пополз по стене дома на второй этаж (ящер был четвертым животным, в которое он мог превращаться). Он забрался в одну из комнат, проделав в стекле небольшую дырочку чакрой Огня. Там он принял обличие человека и произвел обыск – это была обычная комната, подготовленная для постояльца. Дверь была не заперта, и Эльхес тихо перешел в следующую спальню, остерегаясь скрипучих половиц. Он подошел к столу, на котором лежало несколько листов бумаги с планом действий повстанцев и различными заметками, словно специально приготовленные для него. Эльхес забрал ценный документ и обыскал ящики стола и всю комнату. Но ничего больше, кроме минимального количества личных вещей, он не нашел. Для верности он обыскал еще одну свободную комнату (последняя была занята жильцом), и снова ничего – было очевидно, что Айран жил именно во второй комнате.

– Я иногда спрашивала Айрана, уверен ли он, что поступает правильно, – продолжала Ката в гостиную, доверительно глядя в глаза Нацхи, – Я, конечно, не сомневалась в его

идею. Но меня пугало, что из-за этого приходится идти на восстание. Он говорил, что все оправдано, что иначе нельзя. А я все равно видела, что он сомневается, и что он был бы рад пойти иным путем. Он не был уверен, что имеет право на все, что делает. Причем я ощущала, что за жизни воров он тоже чувствует ответственность. Правда, мне он как-то сказал, что презирает почти всех воров. А потом говорил, что рад, что за ним идут именно вору... Я не до конца его понимала. Однажды я слышала, как он обсуждал с Селлах, что системы менять необходимо. И мне показалось, что он убеждал в этом сам себя. Кстати, он даже ей никогда не говорил, что убить Хана – это их цель. Они хотели донести до вас идею, наверное, больше, чем победить.

Эльхес вернулся в подходящий момент – Ката успела сказать самое важное прежде, чем его появление отвлекло ее. Перед тем, как зайти в дом, он с удовольствием сделал заставку припасенной самокрутки, чтобы запах лишил хозяйку всяких сомнений.

– Так или иначе, идея отмены кастовой системы настолько естественная, что возникла бы в любом случае, – сказал ей Нацхи, – Айран лишь катализировал процесс и помог нам избавиться от людей, мешающих развитию Ханства.

Ката благодарно улыбнулась и взглянула на Хелен и Эльхеса.

– Ой, а вы не хотите блинчиков? – спохватилась она.

– Спасибо, на этом мы закончим, – ответил Нацхи.

– А с собой? – не успокаивалась Ката.

– Давайте, давайте! Не слушайте господина Хана! – с готовностью покивал Эльхес и отправился с Катой на кухню, уже заводя с ней непринужденную беседу.

Мешер была в руке Максима, когда он очнулся на первом Уровне Ада после возвращения из Пространства Ожидания. Маска не подавала никаких сигналов – она была истощена. Айран лежал рядом и смотрел в небо.

– Я стал сильным, как ты и хотел, – проговорил Макс, еще не придя в себя окончательно.

Душа Айрана вернулась в тело, но его раны никуда не исчезли, и жизнь продолжала висеть на волоске. С усилием он повернулся на голос брата и почти беззвучно сказал:

– Дай мне руку.

Макс вложил свою дрожащую горячую ладонь в его – ледяную и безжизненную. Айран ненадолго сконцентрировал исцеляющую синеватую чакру.

– Чувствуешь?

– Да, да, я смогу ее скопировать, нас обучали целительству в академии, я неплохо справлялся!

– Ты должен, – Айран прервал поток и закрыл глаза.

Через несколько минут Макс послал ему в руку ответный поток похожей чакры, довольно хорошо скопированной. Тот чуть заметно кивнул в ответ, не открывая глаз.

Макс развернул Айрана к себе спиной, разрезал его одежду, перепачкавшись в крови, и впустил в раны чакру с большим напором. Энергия теплом разливалась по его спине, но он не ощущал своего тела. Вскоре кровотечение остановилось, но Макс продолжал впускать в него чакру, пока полностью не обезвредил ранения.

– Все, брат, – сказал он и осторожно уложил его обратно.

– Мне лучше, – спустя какое-то время ответил Айран.

Макс и сам был на грани и погружался в утомленную дремоту.

– Хочешь вернуться в Эр? – спросил он.

Айран чуть кивнул. Макс снова взял его за руку и переместился вместе с ним на Землю.

Стояла глубокая ночь. Деревня встретила их немым оценением. Казалось, пространство замерло. До самой двери теплого дома Макс нес Айрана на руках. Он оставил брата в одной из комнат внизу и сразу покинул дом: ему нужно было торопиться вернуться к Мешер, пока она еще спала.

Ката нашла Айрана утром. Прележав остаток ночи без движения и без сна, к ее пробуждению он заварил чай с мятой. Когда Ката зашла на кухню, он осторожно грел руки над заварочным чайником. Взглянув на нее, он увидел, как она наполняется радостью, словно цветок влагой. Ката села рядом, взяла Айрана за руки и сразу же постаралась их согреть. Он подался к ней и долго, нежно поцеловал, от чего Ката ощутила неприятный холодок, но не обратила на это внима-

ния. Она сияла от счастья и улыбалась. Он постарался ответить ей улыбкой, но лицевые мышцы не слушались его, а взгляд оставался мутным.

– Айран! – наконец смогла произнести Ката что-то внятное.

Она стала целовать его высокий лоб, виски, губы, шею. Он прижал ее к себе и замер; ее суматошные движения утомляли, а тепло обжигало, но он чувствовал себя счастливым.

– Что такое?! – взволнованно спросила Ката.

– Мне просто нужно время. Чтобы привыкнуть жить. Снова жить с тобой.

Мысли ползли медленно и путались, говорить было тяжело.

– А ты будешь блинчики? – все больше радовалась она, – Если тебе лень, я могу сама пихать блинчик в сметану, а потом – тебе в рот.

Он снова постарался улыбнуться, и на этот раз получилось лучше.

– Я знаю, в чем дело. Ты просто хочешь с вареньем.

Ката прильнула к нему и крепко обняла.

В Аду редко задумываются о течении времени, потому что уследить за ним очень сложно. Анкс всю жизнь прожила в Азуре, но, в силу своих природных особенностей, с легкостью могла сказать, долго ли пришлось ждать, быстро ли

закончились дела. Ее внутренний язык был языком времени, хотя она знала, как пользоваться часами только из рассказов Ольгерда. Он взял Анкс на воспитание, когда ей было 5 лет, после помешательства ее матери, которая растила ее одна. Тогда она была владелицей Мешер, и вскоре после этого умерла.

На этот раз Анкс так же не составило труда понять, что прошло очень много времени с момента последнего появления дома Максима, то есть с того дня, когда в их доме побывала Селлах. Если быть точнее, прошла почти целая земная неделя.

Теперь он вернулся – весь в мицуре и пыли, израненный и совершенно больной. Мешер вымотала его, вывернула наизнанку, отомстив за упущенную душу Айрана и использование ее силы в Пространстве Ожидания. В это время Анкс лежала на крыше, и видела, как он подходил к дому, волоча за собой тяжелые крылья, но не сразу нашла в себе силы спуститься к нему. Она слышала, как внизу зашумел душ, и горько усмехнулась тому, что ее любимый вспомнил о необходимости поддерживать чистоту, но забыл взглянуть на крышу по пути домой.

Анкс спустилась на кухню и заварила чай с мятой, чтобы занять себя. Макс так долго не выходил из ванной, что она уже решила проверить, не потерял ли он там сознание (что вообще-то было бы не удивительно). Но делать этого не пришлось – вскоре шум воды прекратился, послышался скрип

двери, тихие шаги. Макс остался в смежной с ванной комнате. Выждав несколько минут, Анкс сама вышла к нему. Ее сразу обдало мраком.

– Что это за жуть? Где ты был?

Он смотрел в одну точку, его взгляд плутал где-то в небытие.

– От тебя веет Пространством Ожидания. Такое я не забуду, я была там с Денницей, когда вызвала его на бой. Что ты там делал?

– Я нашел Айрана.

На несколько секунд повисла пауза. Анкс поняла, как развивались события.

– Спасаете того, кто чуть тебя не лишил жизни, из-за кого ты тронулся умом! – воскликнула она, – Рискуешь всем, чтобы вытащить врага с того света! Ты мог не вернуться! Твой брат – единственный человек, который заполняет твою жизнь. Всех остальных ты ни во что не ставишь – вот, что из этого следует.

Она замолчала и походила по комнате. Макс не смотрел на нее и чуть заметно покачивался. Немного успокоившись, Анкс села рядом с ним и положила руку на его плечо.

– Мне нужно побыть одному, прости, – сказал он.

Анкс отшатнулась от него, как от огня, с трудом сдерживая свой гнев. Ее мечущийся взгляд скользнул по книжной полке, где стоял одолженный у Ольгерда том Нойраба. Она схватила книгу и резко вышла из дома.

Без стука Анкс вошла в кабинет Первого Хвоста и застала его в одиночестве за кропотливой работой. Он сидел на столе и чистил картошку, длинные очистки падали в ведро на полу.

– Я принесла Нойраба, – Анкс постаралась, чтобы в голове слышалась улыбка, но от этого ее напряжение стало только еще более очевидно.

– И дурные вести, – покивал Ольгерд с миной сострадания.

Она положила книгу на край стола, рядом с тарелкой с пирожками, пахнувшими корицей и яблоками.

– Ты же не думаешь, что у вас все наладится? – спросил он, как о чем-то несущественном, не отрываясь от картошки.

– Нет, в эти сказки верят только светлые.

– Правильно. Не забывай, что ты свободная женщина и вправе выгнать из своего дома любого, кого больше не хочешь там видеть.

Она вздохнула, давая понять, что этот вариант ее не устраивает.

– Вообще-то, Ольгерд, это твой сын. Ты должен защищать его интересы.

– Да, Анкс, это мой сын, и я со всей ответственностью за него и с большой любовью к тебе даю этот мудрый совет!

– Что с ним будет?

– Лучше подумай, что будет с тобой, – он растянул губы в оскале.

– Он сможет справиться с Мешер?

– Я знаю только, что Мешер сама может справиться и с ним, и с тобой, – Ольгерд потряс ножом чуть ли не перед ее носом.

– По-твоему, у него нет шансов? Ты его не знаешь!

– Ты права, я его совершенно не знаю, потому что воспитывал с детства тебя, а не его. Иначе он был бы куда более воспитанным, поверь мне. Я бы отдал его Арахне! Тот быстро вправил бы ему мозги!

Анкс повернулась к выходу, но ноги не слушались ее.

– Возьми пирожок в дорогу. Живым сладкое, говорят, поднимает настроение.

Ольгерд одним прыжком оказался рядом с ней, сунул в рот теплый пирожок, раскрыл перед ней дверь и вытолкнул наружу.

Анкс быстрым механическим шагом пошла к дому. Несколько раз она останавливалась – хотела повернуть назад. Но шла дальше. Последний раз она остановилась перед собственной дверью.

Когда она вернулась, Макс не обратил на нее внимания. Он сидел на полу и гладил лежащую рядом Мешер.

– Макс, нам надо расстаться. Уходи.

Он вздрогнул, словно отшатнувшись от чего-то ужасного, и медленно поднял на нее полные ужаса глаза. Через несколько секунд ужас сменился отчаяньем, и дрожь, которая и без того не оставляла его, теперь охватила все его тело, как в лихорадке.

– Хочешь, чтобы я насовсем оставил тебя? – спросил он дрогнувшим голосом.

Анкс кивнула.

– Я понял, – сказал он.

На душе у нее, как ни странно, не было камня. Это удивило, а потом даже обрадовало ее, и она смогла выдохнуть с облегчением.

Макс молча просидел на полу еще около минуты, а потом на нетвердых ногах вышел из ее дома. Из окна она увидела, как обезумевший Хвост, объятый темной чакрой, низко полетел прочь.

Ноябрь

Селлах теперь опять жила в своей прежней комнате в общежитии деревни Ту. Время проходило в непривычной безмятежности: к начальству ее не вызывали, допросов никто не учинял, работы временно не было. Но это затишье вызывало скорее тревогу из-за неопределенности ее положения. Выяснить хоть что-то удалось только у Иллиса, к которому она зашла в первый же день по возвращении. От него Селлах узнала о смене верховного руководства деревни и постаралась успокоить себя мыслью, что новому Комохо, возможно, сейчас просто не до нее. Но этот разговор мало что дал: Иллис даже не сказал, кто и почему занял место лидера, не уделив этой теме особого внимания (причем, как ей показалось, намеренно).

Поздним утром Селлах вышла на балкон со стаканом разведенного гранатового сока. Постепенно она начинала привыкать к мирной жизни и заново училась ее маленьким радостям. Родная деревня, все такая же могучая и процветающая, жила своей обыденной жизнью. Неожиданно среди прочих воинов и редких торговцев Селлах заметила двух молодых людей: один из них был в форменном одеянии Комохо, с капюшоном на голове, другой – рыжеволосый сихэ – что-то яростно доказывал первому. Издали Селлах узнала Инга в спутнике Комохо.

Все противоречивые чувства к нему смешались тяжелым комком в ее сердце. Она с волнением отвела взгляд, заметив, как оба человека, способных лишить ее покоя, свернули к общежитию.

– А почему крышу нельзя выкрасить в желтый цвет? – возмутился Инг.

– Это не по инструкции, сказал же! Некогда мне менять еще и эти правила! – отвечал ему Комохо.

– Так давай сначала выкрасим, а потом напишем, что так и надо!

– Возникнут проблемы с отчетностью по закупкам.

– С какой отчетностью? Перед кем? Ты же теперь самый главный!

– Да перед Нацхи этим, он же главнее!

– Какое дело Нацхи до крыши нашего дворца?

– Что значит «нашего» дворца?!

Еще из коридора Селлах услышала их голоса. Инг постучал в ее дверь и сказал:

– Это Инг и его друг, главная шишка. Впускай нас немедленно!

Селлах поспешила открыть и замерла на пороге.

– Алекс?! – воскликнула она, узнав Комохо.

– А меня, значит, ты видеть не рада? – игриво возмутился Инг, подбоченившись.

Селлах с улыбкой посмотрела на него и неожиданно для самой себя протянула руки для объятий. Он шагнул к ней,

заглянул в ее печальные глаза и крепко обнял. Она уткнулась носом в его плечо и почувствовала, как его грудь приподнялась от глубокого вздоха. Вот-вот у нее на глазах проступили бы слезы.

– Наконец-то удалось вырваться из этой суеты! – сказал Алекс, пройдя в комнату и устроившись на одном из двух стульев.

Никто не ответил ему. Инг осторожно отступил на шаг от Селлах, она смущенно смотрела на него из-под отросшей белой челки.

– Эй, голубки, с вами начальство разговаривает!

– Лучше бы вызвал меня в свой кабинет, – очнулась Селлах и присела напротив него на свою аккуратно застеленную кровать, – Комохо не посещают воров на дому.

– Во-первых, Комохо сам знает, как лучше поступить. Во-вторых, Селлах, ты никакой не вор, твое дело закрыто.

– Я должна быть очень благодарна тебе за это. Вернее, благодарна вам, господин.

– Вот этого я больше всего и боялся! Начинается «выкание»! Я поэтому к тебе и пришел, чтобы не было лишнего официоза, а ты называешь меня господином. Я твой друг, и так будет всегда, вне зависимости от того, какую я ношу форму!

– Ох, Алекс, не строй из себя начальника, никому нет дела до твоего звания! – махнул рукой Инг, – Селлах просто возмущена тем, что мы заявили к ней без приглашения, с

пустыми руками, да еще и в такое неприлично раннее время. Так и скажи, что тебе просто жуть как надоело с утра до ночи быть по уши в работе, а я тебя спас. Поэтому ты сейчас очень благодарен за то, что проводишь время не за очередной писаниной, а в обществе прекрасной девушки и своего лучшего друга.

– Который всегда был несусветным хамом, не имеющим ни малейшего представления о субординации. Конечно, я рад! И именно это мне нужно!

Все трое рассмеялись. Инг сел за стол рядом с Алексом. Селлах принесла гранатовый сок и стаканы.

– А как это вышло, Алекс? Я о звании Комохо. Ты ведь был только Секацу.

– Никого это почему-то не смутило. Наш старик заклеил себя позором после того, как я собрал отряд подкрепления во время восстания. Хан написал ему письмо, в котором воздавал должное «удивительной предусмотрительности» и «стратегической дальновидности». Но Комохо с организацией отряда мне не помогал, поэтому и похвалу не принял в свой адрес. Вот и все – отрекся от власти в мою пользу. Я этого совсем не ожидал, честно сказать.

– Не скромничай, – сказал Инг, осушив стакан сока и разлив напиток остальным.

– Это с тебя что ли брать пример? – огрызнулся Алекс.

– И как тебе на новом месте? – спросила Селлах.

– Не все так безоблачно, как может казаться. И я даже не

об объемах работы говорю, это как раз понятно и ожидаемо.

– Но и о них, если честно, – вставил Инг, – У него в кабинете жуткая жуть. Сплошные бумажки, и все сплошь бес-толковые!

– Наверное, мне не следует вдаваться в подробности... Но вам обоим я верю, как себе, – Алекс значительно посмотрел на Селлах, – Когда я получил доступ к секретным архивам, у меня появилась возможность найти ответы на несколько вопросов, которые волновали нас с Ингом еще с младших курсов академии. Нам рассказывали, что война с Западным Ханством произошла только из-за распрей в ханской семье, так? Якобы жена Хана из клана Реттер предъявила права на верховенство власти ее семьи и происхождение Света на Земле от ее предков.

– Достоверно известно, что клан Реттер происходит от клана Най. Несколько раз они пересекались в браках, и это позволило Реттер сохранить сильное светлое начало, – согласилась Селлах.

– Вот именно. Как дело было: жена Хана – а это был четвертый брак между Най и Реттер – вдруг заявляет, что ее клан должен быть объявлен правящим, а оба ее сына будут носить фамилию Реттер. Неужели конфликт нельзя было уладить мирно? Нам с детства было интересно, с чего вдруг началась резня. Мы старались не затрагивать эту тему при тебе, Селлах.

– Спасибо, – сказала она.

– Но ты сама знала, что официальной версия не казалась нам правдоподобной. И кое-что откопать удалось. Рассказать это мне хотелось только вам и обязательно одновременно, поэтому я и пришел сюда – подальше от чужих ушей.

– У нас секретная сходка! – Инг принял наигранно серьезный вид.

– Тайное совещание государственной важности, – подтвердил Алекс и вернулся к рассказу: – Итак, Ту всегда была сильнейшей деревней, а сильнейшим выгодна война. Понимаете, о чем я? Наша деревня поддерживала этот конфликт с помощью всяких подковерных интриг. То есть Ту тогда действовала против Хана и его семьи, чтобы Хан выделил как можно больше средств на вооружение и мобилизацию воинов. Я пошел дальше, и выяснил, что Ту издавна провоцировала мелкие конфликты, чтобы крестьяне платили за их сопровождение и обеспечение безопасности в беспокойные времена. Потом я нашел еще кое-что по последнему конфликту с деревней Ма, но там, похоже, интриги плелись с двух сторон, еще не во всем разобрался. Вот вам самый честный в истории отчет Комохо об итогах работы.

– Вот же шенад! – пробормотал Инг.

– Самое страшное, что война была серьезной статьей дохода для нашей деревни. И чтобы прекратить битвы ради наживы, придется перекрыть весь бюджет и серьезно поджечь население. Это никому не понравится.

– Значит, нужно опубликовать эти факты и убедить людей

в необходимости всех решений, которые ты будешь принимать. И это будет моя задача. С твоего позволения, Алекс.

– Да, Инг, все так, и тебе действительно придется этим заняться. Возможно, даже вам с Али – нужно использовать авторитет клана Макарано. И можно подключить Селлах как представителя клана Реттер, когда будем касаться вопроса о войне с Западным Ханством.

Селлах с готовностью кивнула.

Братья-Сефиды принялись обсуждать необходимые действия: Инг общими размышлениями проводил стратегическую линию, Алекс утверждал цели и продумал шаги для их реализации. Селлах иногда тоже предлагала некоторые идеи, но в основном выступила в роли корректора и ограничителя порой чрезмерно грандиозных планов. Она ощутила свою включенность в работу – в большое и серьезное дело.

Селлах заметила, что чувствует себя намного лучше. Постепенно она осознавала, что ее так терзала утрата не Инга, а чувства нужности и собственной важности. Инга, своего старого друга, она никогда не теряла. Восстание стало для нее временной компенсацией, наполнителем возникшей пустоты. Но теперь она направит свои силы в другое русло.

Когда Максим покинул Анкс, он сразу почувствовал, что очень быстро потеряет контроль над собой, и спустился на Уровень ниже, где на всем бесконечном пространстве не бы-

ло крупных поселений, кроме одной небольшой крепости. Здесь он мог полностью погрузиться в свое безумие, не думая о разрушительных последствиях. Арахна бы оценил такое трепетное отношение к архитектуре. Кроме того, Макс ожидал, что более густой воздух и гнетущая атмосфера второго Уровня помогут ему быстрее свалиться без сил.

Мешер снова давила на его уже нездоровое сердце. Он не сдерживался и поддавался велению маски: искал и отдавал ей новую душу. Потому еще одну. И еще душа. А потом еще. И еще. Мешер окутывала его все более плотной Тьмой. Так он обыскивал мрачные равнины, оставляя за собой вмятины и трещины в земле от выбросов чакры. В своей истерике он скоро потерял счет уничтоженным душам и преодоленным километрам.

Небо второго Уровня было затянуто рваными черно-серыми тучами, стекающими вниз до самой земли, сквозь которые проступал желтоватый мутный свет. Повсюду торчали нелепые громоздкие извилины, сияющие металлическим блеском. Однако надежд на металлическую прочность они не оправдывали. Налетев сверху на одну из них, Макс уже мечтал вышибить себе мозги, но убедился, что по структуре те напоминают иссохшее дерево.

В перерывах между острыми вспышками ярости Макса не покидала смутная глубокая тревога. Он остановился и, сощурившись, поднял взгляд: вокруг было мрачно, но назойливый тусклый свет пропитывал облака насквозь, и от этого

слепило глаза. Пошатываясь, он повернул к большой коряге, чтобы свалиться под ее узловатой кроной. Вершины разветвленного бессмысленного отростка терялись во мгле.

Когда Макс подошел к коряге совсем близко, вдруг сверху прямо перед ним вниз головой свесилась девчонка. Макс отпрянул в сторону и смотрел на нее в изумлении несколько секунд. Ее короткие красные волосы распушились во все стороны, а с лица не сходила улыбка. Вдруг ветка хрустнула, Макс машинально подставил руки, но не удержал свалившуюся на него чудо природы, и они вместе рухнули на землю.

– Привет! Я Рейнлан Бэнкс! А ты мой Лохматый! – заявила девчонка, выбравшись из-под крыла Хвоста; за спиной у нее был длинный меч.

Макс отполз в сторону.

– Совсем лохматый?

– Конечно! Просто ужасно Лохматый! – Рейнлан мотнула головой, все еще улыбаясь, – А я Страж Западных Границ Ада! – она протянула руку с растопыренными пальцами.

– А у Ада есть границы? – осведомился он, неуверенно ее пожимая.

– Конечно, есть, я сама их начертила!

– Зачем?

– Чтобы охранять! Я же Страж!

Рейнлан до сих пор крепко сжимала и трясла его руку. Вдруг Макс опомнился, отстранил ее и стал суетливо оглядываться по сторонам.

– Ты это ищешь? – спросила Рейнлан, протянув ему Мешер.

– Да, да! – Макс схватил свою маску, она не подавала никаких признаков жизни, – Где ты ее взяла?

– Она отлетела в сторону, когда ты оказался у меня в руках, а я подобрала.

– Я оказался у тебя в руках? – удивился Макс, пряча Мешер во внутренний карман куртки.

– Да, все решено, Лохматый, ты пойман. Цель моей жизни исполнена, я тебя нашла, а теперь мы можем идти ко мне.

– Идти к тебе... Ага... Куда это?

– В крепость Воителей, куда же еще! Я собираюсь пожить там несколько дней. Ну, вставай! – она вскочила и протянула ему руку.

Максим поднялся, глядя в ее уверенные серые глаза. Ситуация складывалась совершенно абсурдная. Несмотря на это, он последовал за ней.

– Как, говоришь, тебя зовут?

– Рейнлан Бэнкс. А ты Лохматый.

– Да, это я запомнил. Вообще-то меня зовут Максим Дард, но это не очень важно. Кажется, я уже слышал твое имя.

– Обо мне все слышали.

– Мне говорила о тебе Анкс, – и уточнил на всякий случай: – Анкс из Азура.

– Анкс! Мы с ней вместе учились у Ольгерда. Он взял нас на воспитание, когда мы были совсем маленькими.

– Вот как, – новая информация о посмертном существовании отца его несколько обескуражила.

Рейнлан безмятежно продолжала:

– Только мне с ним быстро стало скучно, и я сбежала на Землю, решила стать ксэ. Сейчас я уже на... – она достала из кармана потрепанную мятую бумажку и прочитала с нее: – Я на шестом ранге! Всегда забываю, на каком. Чтобы перейти на ранг выше, нужно каждый раз сдавать экзамен. Я последний раз сдавала чакру Ветра. Каждые четыре ранга выдают новый пояс. Вот у меня синенький! Но я его не ношу, он в рюкзаке валяется. Эльхес его тоже сначала не носил. Это он меня так подстриг, у меня раньше были длинные волосы.

– Эльхес это кто?

– Мой учитель, ксэ! У меня из ксэ много друзей, а один – лучший друг, его зовут Сирроу, он собачник. У него собак целых двадцать штук, и я знаю каждую по имени. Тебе обязательно надо с ним познакомиться.

– Я не очень люблю собак.

– Это не важно, Сирроу тебе понравится. Он всем нравится, он хороший.

– Рейнлан! – тихо, но настойчиво произнес Макс, неожиданно остановившись.

Она встала напротив, и заглянула в его черные глаза. Он внимательно осматривал прядь ее ярко-красных волос и, наконец, снял с нее какую-то соринку. Рейнлан проследила за медленным плавным движением его кисти, и вдруг рухнул

на землю, скривившись от боли.

– Привал, да? Я люблю привалы! – как ни в чем не бывало, сказала она, усаживаясь рядом и бережно укладывая его голову на колени.

Макс рывком повернулся на бок, издав тихий стон. Мешер решила сделать ему подарок прежде, чем отойти ко сну. Рейнлан оглядела его, коротко вздохнула, погладила Макса по голове и достала из рюкзака банан.

– Скоро придет мой конь, я его уже позвала. Он слышит мой зов на любом расстоянии. Сказал, что где-то неподалеку сейчас, так что ждать недолго. Он отвезет нас в крепость Воителей очень быстро, там ты сможешь выспаться. Может, ты тоже хочешь банан?

– Спасибо. Я встану через пару минут, – ответил Макс, тяжело дыша.

– У меня есть еще, не стесняйся! Самые вкусные бананы в Аду! Их даже сэр Маданго Верт оценил, это мой конь, его так зовут. Правда, он больше любит табак или канну, но иногда для разнообразия ест мои бананы. Он очень симпатичный! При случае может и затоптать, но тебя не тронет. Знаешь, он вообще всех из нашего отряда покусал! Эльхеса тоже. Но Эльхес все равно самый классный! Он нас каждый день по десять кругов вокруг деревни гонял! Я ему говорю: «Я умираю!», а он: «Тогда все умирающие бегут одиннадцатый круг!» За меня ребята заступались, а Эльхес тогда спрашивает: «Вы хотите помочь умирающим, девочки?», а

девочки... то есть, парни – он парней девочками называл, – боялись и молчали. Я же единственной девчонкой из отряда была. О, вот и сэр Маданго Верт! Вот он, смотри!

К ним не спеша подошел огромных размеров пестрый конь с давно не стриженной взъерошенной гривой и мохнатыми клешами вокруг копыт. На его могучем молочно-белом теле имелись пятна самых различных форм и цветов. Одно из них было похоже на пурпурное сердечко. Макс не решился спросить, не сама ли Рейнлан разрисовала своего коня. На нем не было ни седла, ни узды, зато на шее зачем-то висел ошейник с орнаментом из листьев канны. Рейнлан лихо вскачила на него верхом.

– Давай усаживайся сзади.

Макс проверил, на месте ли Мешер, и влез на спину коня, оттолкнувшись от земли крылом, после чего сразу снял обличие Хвоста – так он весил значительно меньше. Впрочем, гигантский конь не заметил разницы и пошел крупной рысью.

– А где находится эта крепость Воителей? – спросил Макс.

– Воители классные ребята, у меня много друзей среди них. Они все мертвые, но это ничего. Воители – это души очень сильных воинов со второго Уровня, которые живут по своим порядкам в собственной крепости. По-моему, это скучно все время жить в крепости, поэтому я часто к ним езжу, чтобы им было веселее. Я с детства думала: вот вырасту, обязательно познакомлюсь с Воителями! Мне про них

еще Ольгерд рассказывал. Ольгерд был хорошим учителем, но Эльхес мне нравится больше. Эльхес был самый крутой учитель во всей деревне. Нет, во всем Ханстве! Не, во всей Вселенной! Точно, во всей Вселенной. А еще он отличный вор. Но это плохо. Ты представляешь, собираюсь утром на тренировку, а его уже дома нет, в холодильнике только обезглавленная курица! Мы же с ним вместе жили. Все ребята в общаге, а я с ним, места мне не хватило. Я была у Эльхеса нелюбимым учеником. Он говорил, что у него нет любимчиков, а после этого взял к себе домой жить, так что я не могу быть любимым учеником, я нелюбимый.

– И долго ехать?

– Нет, недолго! Вот мы с Сирроу нарезали по десятку кругов на зачете, это было долго! А круг ты знаешь, какой огромный! Всю деревню оббежать это тебе не шенад подоить!

– С дышалкой нет проблем от курения?

– Откуда мне знать, я не курю! – возмутилась Рейнлан.

– А за ухом самокрутка торчит.

– Это мне один знакомый вор подарил, мы с ним почти подружились! Я ему подарила свою зажигалку, а он мне самокрутку! Я ее скурить могу и с чакрой Огня, только не буду, это ведь подарок. Эй, Маданго Верт, чего ты плетешься, как хромой уж! А ну-ка вперед!

Сэр Маданго Верт тут же набрал скорость, вызвав восторженный возглас Рейнлан. Максусу пришлось обхватить ее за

талию, чтобы удержаться.

В обличи Хвоста Анкс пролетела несколько десятков километров, чтобы добраться до Самата – адской резиденции Инквизиторов.

Одновременно в посмертном Суде работали сорок четыре Инквизитора, двадцать два из них были условно закреплены за Адом. Они могли свободно перемещаться во всех измерениях. Инквизиторы имели светлое и темное начала второго уровня, а собственного начала лишались в процессе инициации. Благодаря этому, они становились во многом похожими между собой: им было свойственно умение четко расставлять приоритеты, чувство иерархии, глубокое знание человеческой природы при скупости собственной гаммы чувств и эмоций, уравновешенность, рассудительность и непоколебимость в конечном решении. Внешне между ними тоже наблюдалось определенное сходство: кожа у всех имела оливково-серый оттенок, глаза теряли яркость цвета, волосы чернели. Тело Инквизитора представляло собой нечто среднее между организмом живого человека из плоти и крови и мертвой душой, состоящей из мицеры. Как и умершие Хвосты, они не нуждались ни в воде, ни в пище, но могли и есть, и пить, ощущали вкус и запах, а также сохраняли некоторые другие свойства живого.

Небо над Саматом почти постоянно было черным с неяс-

ными отсветами, как пасмурной ночью на Земле. Вверх устремлялись высотные дома из красного кирпича, составлявшие строго организованный лабиринт. Голубоватый свет висящих повсюду фонарей делал атмосферу города строгой, холодной и безжизненной. Самат вырос вокруг огромной библиотеки, где хранились ценнейшие книги, многие из которых существовали в единственном экземпляре. Один из разделов этой библиотеки содержал Книги Жизни всех людей, которые заполнялись Инквизиторами с рождения до слияния души с посмертным пространством, гибели или утраты ею сознания по любой другой причине.

Библиотека была, так сказать, «градообразующим предприятием» Самата, поэтому здесь предпочитали селиться души исследователей, философов, приверженцы различных религий, писатели, которые надеялись разрешить многочисленные метафизические дилеммы, возникшие у них при жизни. Библиотека была открыта для доступа, но никто не мог найти в ней того, что не должен был видеть. Сами Инквизиторы иногда предлагали душам свои услуги, а с некоторыми представителями интеллектуальной элиты всех времен не гнушались вести «задушевные» диспуты.

Анкс без труда нашла библиотеку – единственное здание таких грандиозных размеров. Повсюду царил тишина, и никого не было видно. Анкс прошла в один из залов. Пол здесь был выложен крупной черно-белой шахматной плиткой, на лево от входа стояли несколько длинных столов с придвину-

тыми к ним высокими стульями. Напротив них располагался громоздкий стол библиотекаря, обложенный книгами, формулярами и бумагами; с краю на нем стояли несколько песочных часов, в некоторых еще сыпался песок. На стене висели мечи разной формы в черных ножнах и арбалет. Высокие стеллажи уходили вдаль, так что невозможно было различить их конца.

– Сделайте меня Инквизитором, – сказала Анкс, словно озвучила собственный приговор, еще не зная наверняка, что может за этим последовать.

Она представляла теорию вопроса: чтобы стать Инквизитором, нужно было избавиться от собственного начала и усилить светлое. Ей было отлично известно, что подобные метаморфозы опасны для любой души, и нет никакой гарантии, что они пройдут без вреда. Но Анкс была готова и к самому худшему – к полному уничтожению своей души – лишь бы не продолжать то загнивание, которое представлялось сейчас единственным возможным развитием событий после того краха, который она пережила.

Никто не отвечал.

– Эй! – крикнула Анкс, и ее голос потух в ватном воздухе, – Здесь есть кто-нибудь?

– Не кричите, это библиотека, – послышался мягкий голос за спиной.

Анкс отшатнулась в сторону, чуть не вскрикнув от страха, и схватилась за край стола. Перед ней была вытянутая тем-

ная фигура в балахоне до самого пола, с капюшоном, скрывающим лицо.

– Что желаете?

Анкс вздохнула и напряженно произнесла:

– Сделайте меня Инквизитором!

– В настоящий момент вы Хвост?

Анкс чувствовала себя, как на посмертном Суде.

– Да. Сделайте меня...

– Это будет проблематично, – перебил ее Инквизитор и скинул капюшон.

На Анкс холодно смотрели круглые светлые глаза, когда-то бывшие голубого цвета, очерченные густыми ресницами. В черных чуть выющихся волосах длиной по плечи выделялась широкая светлая прядь. Инквизитор казался выше, чем был на самом деле. На его бледном оливковом лице виднелись крапинки.

– Ты осветлял эту прядь? – с интересом пробормотала Анкс, сделав осторожный шаг навстречу.

– Нет, она еще не успела почернеть, – ответил Инквизитор, – Обычно совершенно черными волосы становятся только после пятидесяти лет работы.

– Значит, ты здесь недавно?

– По меркам Суда, совсем недавно. Позвольте представиться, меня зовут Арч, Инквизитор и по совместительству библиотекарь.

Анкс тоже представилась. Арч прошел к своему столу, по-

двинул для гостии стул и сел на свое место.

– Итак, Анкс, вы сказали, что хотели бы стать Инквизитором. Во-первых, свободных вакансий у нас, к сожалению, нет, и не ожидается. Все члены Судейского состава в добром здравии. Во-вторых, как я уже сказал, в связи с тем, что вы являетесь Хвостом, было бы весьма затруднительно сделать вас Инквизитором. Сначала вам пришлось бы отказаться от маски. Есть ли у вас кандидатура среди Шеганов?

Анкс отрицательно помотала головой.

– После этого необходимо будет уравновесить ваше темное и светлое начала, то есть светлomu началу придется дать еще два крыла. Ваше тело не привыкло к Свету, поэтому потребуется определенное время на реабилитацию. Следующим этапом можно будет удалить собственное начало вашей души и наложить необходимые печати. Потом придется уладить некоторые формальности и ввести вас в должность. Тогда на вас ляжет ряд обязанностей Инквизитора и необходимость работать согласно строгому распорядку. Вы действительно уверены, что вам это нужно?

– Абсолютно уверена.

– В любом случае сейчас я ничем не могу вам помочь. Приходите позже, когда закончите дела с маской.

– Я не могу вернуться в Азур. Мне нужно остаться. Мне очень нужно остаться здесь.

Инквизитор продемонстрировал интерес сдержанной мимикой и замолчал в задумчивости.

– Кандидат может найтись и среди местных жителей, – вскоре сказал он, – Здесь есть немало сильных душ, кто мог бы стать Хвостом. Оставить вас в Самате я могу в качестве стажера, под собственную ответственность. В качестве свободного жителя ваше нахождение в городе нежелательно в силу неприязни некоторых Инквизиторов к Хвостам.

Анкс удивилась, что Арч не стал спрашивать ее о причинах бегства из Азура. Хотя на этот случай ответ был заранее припасен.

– Мы пройдем по некоторым деловым структурам Самата, чтобы вы получили наглядное представление о нашей работе. Я не могу единолично принимать решение даже о приеме стажера, поэтому необходимо познакомить вас с коллективом. Это займет некоторое время, – он посмотрел на песочные часы на столе, в которых только что остановился песок, – Начать придется с практики. Мы отправимся на Суд вместе.

– Что?! – изумилась Анкс.

– Для вас нахождение в Пространстве Ожидания может быть несколько утомительно. Если станет невозможно, я верну вас обратно. Но говорите обо всем сами, я не хочу отвлекаться на контроль вашего самочувствия.

– Не волнуйтесь обо мне, – кинула она.

Инквизитор тем временем достал из ящика подготовленные Книги Жизней, проверил что-то на остановившихся песочных часах и снял со стены меч, висевший ниже других. Им явно пользовались чаще остальных. Арч закрепил меч на

поясе, одной рукой обхватил стопку книг, другой – прикоснулся к Анкс, и перенес ее в Пространство Ожидания. Под ними оказалась толпа умерших, стремящихся к точке недоступного Света. Сами они находились словно на невидимой крыше, как и еще несколько Инквизиторов, работавших с душами чуть поодаль.

– Немного разгребли завал, хотя работы всегда хватает. Невежливо заставляя людей подолгу ждать, – сказал Арч, обратив внимание Анкс вниз, где толпа значительно поредела со времени визита сюда Максима.

Анкс рассеянно покивала в ответ. Она до сих пор ощущала на своей влажной руке прикосновение костистых сухих пальцев Арча. Через мгновение перед ними появилась душа испуганного торговца, который зататорил:

– Что происходит? Я умер? Кто вы?

Арч безразлично выслушал паническую речь мужчины, после чего одним взглядом лишил его возможности говорить и с расстановкой, вежливо ответил на самые важные вопросы. Раскрыв и пролистав его книгу жизни, Инквизитор сказал:

– Душа слабая, трусливая, подлая, скучная. На Рай, конечно, не рассчитывайте. Воровали не из нужды, себя превозносили, предавали. Вот тут особенно яркий эпизод, на двадцать третьем году вашей жизни, – Арч показал душе мелко исписанный разворот книги, – Когда вы прямым текстом обещаете оказать помощь Заку Лир, а на его письма даже не

отвечаете. В основном имеем алчность, тщеславие и невоздержанность. Пахнет третьим Уровнем, понимаете, да? Хорошо, что вы совсем не гневливы по природе, вас это от многого уберегло. Хотя, это от трусости, наверное. Что вы думаете по этому поводу? – обратился он к Анкс.

– Меня тошнит от таких подлецов, которые сами себе врут всю жизнь, – ответила она, – Знаю, что нельзя, но я бы бросила и на восьмой Уровень. Очень жаль, что он никого не убил или не переспал с собственной дочерью, например.

– Ну, он, кстати, поглядывал на дочурку.

– Это нельзя трактовать как прелюбодеяние?

– Постарайтесь быть объективнее, Анкс, не позволяйте гневу судить за вас. С этим будет проще без собственного начала, но все же начинайте тренироваться уже сейчас. На мой взгляд, не стоит натягивать ему четвертый Уровень за еще один грех, он ведь даже ни разу не изменил жене. А дочь у него, и правда, красивая, очень его любила. Отправим на третий, если вы не возражаете.

Арч записал что-то в книгу жизни души и отложил ее в сторону. Несчастный торговец не находил себе места от страха.

– Пройдите, пожалуйста, к лифту, ваш этаж минус третий. На другие этажи лифт для вас не пойдет. На период существования в Аду соблюдайте инструкции, полученные от привратников Уровня. Они выглядят, как кентавры, вы их ни с кем не перепутаете.

Души, вне зависимости от своей воли, проходили в лифт по пятеро. Некоторым из них приходилось ждать своей очереди на подъем или спуск, и в этом, как показалось Анкс, была какая-то насмешка над их Земными привычками к ограничениям возможностей.

Как долго продолжалось подобное, и Суд над сколькими душами прошел при ее участии, Анкс не смогла бы сказать уже после пятой. Несмотря на защитный барьер, выполнявший функции пола, она ощущала гнетущее веяние дороги жизни, слышала беззвучное гудение точки Света вдали и сама постоянно смотрела в ту сторону, откуда оно исходило. В определенный момент она поймала себя на том, что не способна различить слов Арча, и с усилием сказала ему:

– Нужно вернуться.

– Я заканчиваю, – ответил он, и процедура определения посмертного существования очередной души повторилась последний раз.

Арч снова взял Анкс за руку, и они перенеслись в библиотеку.

– Вы продержались очень долго. Следовало бы предупредить меня раньше. Когда вы усвоите основные принципы работы, думаю, из вас выйдет толк.

Анкс безразлично покивала, стараясь концентрироваться на его голосе. На первом Уровне Ада это было сделать уже легче, но она все еще чувствовала ужасную усталость.

– Сейчас вам нужно отдохнуть. Посидите немного, – он

указал ей на столы для читателей, – я закончу с делами, и отведу вас поспать.

Анкс села за стол, положив голову на сложенные руки. Почти сразу она уснула.

– Не волнуйся, Лохматый, сейчас кто-нибудь подойдет!

Рейнлан и Макс уже долго стояли у главных ворот крепости Воителей. Стражник – умерший больше сотни лет назад ксэ – запретил им проход без сопровождающих. Рейнлан старательно терла круглый блестящий медальон и убеждала, что это надежное средство связи с ее старым другом, родственником Сирроу Кутты, который должен их встретить. Правда, ни имени, ни примет внешности этого друга она не могла вспомнить.

Какое-то время эта ситуация нервировала Макса, но в конце концов он перестал слушать болтовню Рейнлан и прислонился влажным лбом к металлической двери домика караульного, чтобы немного успокоится и прийти в себя. Он опасался, как бы в скоплении такого количества сильных душ его маска не повела бы его на охоту. Сейчас Мешер еще спала, но не было никаких оснований полагать, что ему повезет немного отдохнуть в этой крепости.

– Вот он, Кутта! Вот он идет! – вдруг воскликнула Рейнлан и замахала руками, – Эй, Кутта, мы здесь!

К воротам приближался высокий ксэ в сопровождении черноволосой девушки. Оба они были душами, но издали

ничем не отличались от живых. Рейнлан с радостным ожиданием смотрела на них, ее конь приветливо тряхнул головой.

– Надо же, ты все-таки наведалась в гости, Рейнлан, – сказал Воитель, – Я уж и не надеялся, что вспомнишь. Недавно один новичок разрисовывал тут стены, так я сразу подумал о тебе и сказал, что, если бы он рисовал получше, это был бы уже не вандализм, а искусство.

Они с Рейнлан рассмеялись.

– С кем это ты? Познакомь нас!

– Анна Мэхила, – резким тоном представилась его спутница.

Макс узнал ее. Это была Анна из деревни Эр, та самая девушка, которая чуть не убила его после схватки с Артуром Сенном.

– А мы – Рейнлан Бэнкс и Макс Лохматый.

Максим подошел ближе и представился, глядя в глаза Анне, чтобы поскорее расставить все точки над «i».

– Дард? – обрадовалась Рейнлан, впервые услышав его фамилию, – Так ты родственник Ольгерда? А мне сразу показалось, что ты на него похож!

– И родственник того выскочки, Айрана, который использовал мою сестру. Это объясняет, почему он тогда мне помешал, – холодно сказала Анна, – Я отказываюсь сопровождать их, этот парень опасен.

– Беру за него ответственность, – сказала Рейнлан.

Макс на секунду скосил на нее недоуменный взгляд.

– Даю слово Стража Западных Границ Ада, Лохматый будет вести себя хорошо.

– Слову Рейнлан можно верить, – подтвердила Кутта.

Анна воздержалась от расспросов о гарантии верности слова девчонки с беспричинно радостным взглядом, приписывающей себе несуществующую должность, и только бросила через плечо:

– Пойдем.

– Ты чудесная девушка, Анна Мэхила! – сказала Рейнлан и последовала за ней.

– Я просто возвращаю долг. Твоя сестра помогла мне попасть сюда, Максим.

– В каком смысле? Она тебя убила? – не поверил Дард.

– Нет, она именно помогла, – ответила Анна, не оборачиваясь, – Когда ты сделал это, убил Артура, я решила найти его душу. Он был совершенно чистым, очень добрым человеком, но ведь он предал свою деревню, так что я думала, что он может быть в Аду. Мне нужно было найти темного, чтобы попасть сюда, и я отправилась в деревню Ту. Решила найти кого-то из твоего клана и объяснить, что единственный способ не разжечь вендетту – это помочь мне.

– А ты действительно собиралась ввязываться в кровную месть? – поднял бровь Макс.

– Разумеется, нет. От нашего клана осталось всего несколько семей. Но блефовать мне не пришлось. Когда я нашла Лину Дард и рассказала ей свою историю, она сразу

согласилась мне помочь, лишь бы сделать не так, как поступил Айран, который мне отказал.

– О да, я не удивлен!

– Ее жених, Иллис, почему-то заволновался при упоминании Айрана, стал таким серьезным, не знал, куда себя деть.

Максим печально ухмыльнулся, вспомнив о своем первом учителе.

– У Лины не было возможности сделать меня Шеганом, это могут только Хвосты, а маску у нее забрали, – продолжила Анна, – Но она предложила обратиться к Инквизиторам, чтобы узнать, куда попал Артур, и отвела меня в Самат. Хотя, если честно, я была готова обшарить весь Ад, чтобы найти его душу. Когда я пришла в библиотеку к Инквизитору, который должен был помочь, мне сразу показалось, что есть в нем что-то знакомое, и он еще так странно на меня смотрел, но я не была уверена... Короче, оказалось, что это и был Артур. Вернее, Арч – так он теперь себя называет.

– То есть Артур Сен стал Инквизитором?

– Да. Он узнал меня, но был совершенно равнодушен. Это было, как удар кнутом. Спросил, хочу ли я остаться в Самате. Я сказала, что не хочу. У меня земля из-под ног ушла. С ним невозможно было говорить, он стал таким мертвым. Он действительно умер, да, но Инквизиторы мертвые по-особенному, у них ведь нет собственного начала. Арч со своим ужасным каменным лицом был мне отвратителен. Я сказала ему, что хочу убить себя, потому что возвращаться на Землю вы-

ше моих сил, а он ответил только, что, скорее всего, я попаду на второй или третий Уровень.

Анна замолчала, не в силах справиться со спазмом в горле. За нее продолжил Кутта:

– Встретились мы уже на втором Уровне, когда Анна была мертва. Я привел ее в сюда, в Лесабру.

– Куда? – переспросил Макс.

– Лесабра – так называется крепость Воителей. Неужели ты этого не знал?

– Мне понравилось здесь, в чем-то даже больше, чем на Земле. В Аду тоскливо, холодно и по началу даже жутко, но Воители – самые честные люди, которых я когда-либо встречала.

– Да, мы тут живем по правилам коммуны. Все общее, а что лишнее – оставляем для редких гостей. Для тебя, например, Рейнлан, – сказал Кутта, – Кстати, мы почти пришли.

– А куда мы, собственно, идем? – спросил Макс.

– Где ты нашла такого бестолкового Хвоста? – рассмеялся Воитель.

– Под корягой, – призналась Рейнлан.

– Это все объясняет, ребята. Мы идем к вашему временному пристанищу. Надо же вам где-то отдохнуть. При жизни люди так часто нуждаются в пище и сне!

– Точно! – спохватилась Рейнлан, – Спасибо, дружище! Нам повезло, что вы нас все-таки встретили, иначе пришлось бы ночевать на улице!

– Я-то, дурак, думал, у тебя все предусмотрено! Сумасшедшая, – буркнул Макс.

Они прошли еще немного по запутанным узким улицам Лесабры до одной из крепких темных башен. По словам Кутты, дверь в пустующую комнату под номером 813 была не заперта, так что Воители оставили гостей у входной двери, выслушав благодарно-восторженную тираду Рейнлан.

Макс открыл перед ней дверь, пропуская вперед, и увидел длинный темный коридор, заканчивающийся крутой лестницей. Номер комнаты наводил на мысль, что располагалась она на восьмом этаже. «Вперед, вперед», – скомандовал себе Макс, предвидя муки каторжного пути по лестнице. Красно-волосая девчонка маячит перед глазами, опять что-то говорит – это был единственный стимул держаться на ногах.

Рейнлан легко взбегала по пролетам и, как ни в чем не бывало, дожидалась отстающего Макса, не переставая тараторить. Ее дыхание, не смотря на это, совсем не сбилось, а он чувствовал себя древним стариком.

Рейнлан открыла нужную дверь, смело вошла внутрь и скинула на пол сырой плащ. Макс прошел за ней, прислонился к стене и огляделся. Комната была совсем небольшая и скромно обставленная: одно небольшое незанавешенное окно, две кровати, стол с двумя стульями в углу, узкий двустворчатый шкаф в нише и еще один наполовину застекленный, с небольшим количеством посуды.

Вдруг Макс ощутил поцелуй во впадину между лопатка-

ми. Он резко развернулся, на него глядели озорные серые глаза.

– Чего ты хочешь?

Вместо ответа Рейнлан подалась вперед и с требовательным намерением поцелуя лизнула губы Макса. Резким движением она запустила руки под его одежду, стала гладить по напряженной спине.

– Не надо, – сказал он, останавливая ее жестом.

Рейнлан лукаво посмотрела на него и вдруг поцеловала так неожиданно и крепко, что он забыл дышать. Ее теплый язык переплетался с его полусухим языком. Рейнлан не давала ему опомниться, крепко прижав к стене. Отпрянув, она, совершенно счастливая, оглядела его с ног до головы, как ценный приз, и задержала взгляд на взъерошенных черных волосах.

– Черный и лохматый. Такой, как мне нужен!

– Прости, Рейнлан, у меня совершенно нет сил. И вообще не могу вот так. Понимаешь?

– Ты хочешь есть! – она не задала вопрос, а констатировала факт, мгновенно переключившись на другую тему, – Будешь вяленое мясо?

– А тут есть еда? Я думал, тут никто не живет?

– Я здесь живу! Иногда. Поэтому тут все есть, в Аду еда не портится! Так ты будешь мясо? Еще должен быть хлеб, – она залезла в нижнюю часть шкафа с посудой, чтобы проверить запасы и огласила: – сыр, фасоль и бананы.

Макс положил свою маску на стол, невольно погладил ее, как кошку, и рухнул на кровать, не раздеваясь. Сквозь быстро накатившую дремоту он слышал, как Рейнлан перечисляла, что можно было бы приготовить из найденных продуктов (иногда в самых неожиданных сочетаниях).

Последнее, что помнила Анкс, был зал библиотеки Самата. В ожидании Арча она уснула там, а проснулась уже в другом, не знакомом ей месте. Вокруг было мрачно, из больших окон падал искусственный свет уличных фонарей. Воздух в комнате был наполнен тяжелым дурманящим запахом, похожим на ладан. Анкс лежала на жесткой тахте с валиком под шейей. В стороне стоял торшер, выделяющийся силуэтом разгневанной кобры, и длинный низкий столик. Рядом стояла еще одна тахта, на которой Анкс не сразу различила человека.

Арч потянулся к выключателю торшера и зажег приглушенный свет. Теперь можно было разглядеть просторную комнату с темным деревянным полом, на котором лежали узорчатые ковры с изображениями танцующих животных, и были разбросаны подушки. У ложа Инквизитора находилась небольшая приземистая тумба, на которой стояла свеча, накрытая стеклянным куполом с отверстием сверху – над ней Арч держал длинную курительную трубку и выпускал ароматный дым. Его меч лежал на низком столике черного дере-

ва, где также стояли блюда с порезанными фруктами и глиняный чайный сервиз.

– Вы голодны, Анкс? Увы, живым людям в Самате не слишком удобно. Кроме фруктов, вина и сыра найти что-то сложно. Зато кое-где изумительный кофе, и за тысячу лет не надоест. И чай бывает интересный. А всевозможными ядами баловаться не советую, живое тело нужно беречь.

Анкс поднялась, задержала взгляд на открывавшемся из окна городском пейзаже, подошла к столику и опустилась на ковер.

– Люблю груши, – слегка улыбнулась она, – И хороший чай люблю.

– Чай заварен, с бергамотом.

Арч снова втянул дым. Анкс налила уже остывший чай и уловила, как приятно его аромат влился в фруктово-опиумную смесь запахов.

– Мне говорили, Инквизиторы берегут свои мечи, как зеницу ока, – заметила она, глядя на оружие в черных ножнах, небрежно лежащее среди посуды.

– Скорее ради безопасности потенциальных любопытствующих. Никто не может прикоснуться к мечу Инквизитора, кроме него самого, даже коллеги.

– А что случится?

– Что-то вроде разряда тока для души.

– Не самая доверительная атмосфера в рабочем коллективе, – напряженно усмехнулась Анкс.

– Это побочный эффект особенного устройства мечей, ничего не поделать. Собственно, в первую очередь наши мечи созданы для приведения в исполнение одного из возможных приговоров, – замедленный темп и смягченные интонации лишали речь Арча той административной строгости, с которой он впервые встретил Анкс, – Мне вообще-то больше по душе арбалет.

– То есть вы иногда становитесь палачами?

– В исключительных случаях. Убив душу таким мечом, вы лишите ее посмертного существования – попросту уничтожите. Мечи появились у нас относительно недавно, после инцидента, который вам как Хвосту хорошо известен.

– Вы имеете в виду похищение Мешер?

– Да, я имею в виду то грязное воровство, которое в свое время совершил ваш отец.

– Мой отец? – повторила Анкс, опешив.

– Да, да. Разве вы не знали? Господин Первый Хвост не рассказывал вам, как закончилась его жизнь?

– Я знала только, что он был Хвостом.

– Теперь знаете больше, – сказал Арч и затаился.

Анкс помолчала, глядя в окно, заполняя паузу хрустом груши.

– Еще не начали жалеть, что собираетесь стать Инквизитором? – спросил Арч.

– Нет, – в голосе девушки чувствовалась неуверенность.

– Я так и думал. А все-таки должна быть весомая причи-

на, чтобы принять такое решение. Чего вы хотите, став Инквизитором?

Анкс посмотрела на него напряженным взглядом и хрипловатым голосом выдала:

– Войны! С Хвостами!

– С целью?

– Захватить Азур и вернуть Мешер. Разве вы не думали вернуть маску? С таким могуществом вам бы это легко удалось.

– Любопытно, что именно вы становитесь катализатором войны, не зная историю отца. Если, конечно, это правда. Политика вам, должно быть, безразлична?

– Естественно.

– Остается только надеяться, что вы не сильно привязаны к настоящему владельцу Мешер. Уничтожение маски без его добровольного согласия и активного участия сильно повредит его темное начало и приведет к смерти.

– Тем лучше, – холодно сказала Анкс.

– Я вижу, все куда серьезнее сильной привязанности. Что ж, дело ваше. Этим предложением вполне могут заинтересоваться, потому что, на мой взгляд, прошел достаточный срок, чтобы изучить новый характер Мешер.

– То есть вы поддерживаете эту идею? А другие?

– Давайте не будем торопиться, – ответил Арч, – Совет Ангелов рекомендовал нам воздержаться от поспешных шагов в связи с тем, что Мешер приобрела новые свойства, ко-

торые требовали изучения.

– С какой стати светлые дают вам рекомендации?

– В совещательном порядке. Много вы знаете об Ангелах?

– Нет, практически ничего, – ответила Анкс с ожиданием и налила чай во вторую чашку.

Арч отложил трубку, сел на тахте, сделал глоток, приняв чашку из рук Анкс, и начал.

– Первые Ангелы рождались из Света, как планеты из звезды. Все они обладали собственными началами. Один из них по имени Денница стал уделять особенное внимание развитию именно собственного начала, что было трактовано Раем как гордыня. Он создал Воду и Огонь, благодаря чему была сотворена Земля. Когда он создал еще одну материю, названную Тьмой, он был изгнан в завершенное измерение Земли, потому что энергия Тьмы стала разрушать Рай. Тогда Денница уничтожил свое светлое начало. Трое Ангелов последовали за ним на Землю: две женщины – Лесабра и Ева, которые так же отказались от Света, и мужчина – брат одной из них. Этот мужчина по имени Най был единственным из четверых изгнанных, кто остался со светлым началом. Вместе с Евой он дал начало первому роду людей, который потом стал ханским. Вторая женщина, Лесабра, в честь которой названа крепость Воителей, зачала с Денницей Роксану.

– Роксану? – переспросила Анкс, подумав о подруге Ольгерда.

– Да, да, та самая, что сейчас печет пирожки для Первого

Хвоста. Роксана родилась без светлого начала, а собственное у нее было так же сильно, как у отца. После смерти Лесабры Денница потерял контакт с Наем и Евой, углубился в развитие Тьмы и стал обучать этому дочь. Он создал Древних Демонов: Макарано, Антарес, Агварэса и Сфорцу – носителей изобретенных им чакр Огня, Воды и Тьмы. Потом у Роксаны появились от них дети, которые рождались Шеганами. Они могли стать хозяевами Земли, и тогда семья Най обратилась к Раю за помощью. Началась первая Война, и Денница показал свою силу, пошатнув равновесие молодой Земли. Победа, как вам известно, была за Раем, и Ангелы низвергли Денницу, Роксану, Демонов и Шеганов с Земли в небытие. Но энергия Тьмы к тому времени была уже столь сильна, что обладала собственной волей и могла саморазвиваться. Как Рай возник из Света, так из Тьмы формировался Ад – разумеется, при помощи господина Дьявола и других.

Инквизитор закончил и посмотрел на Анкс. Она жадно смотрела на него в восхищении от услышанного. Но всмотревшись в ее коричневато-красные глаза, он увидел также напряженное ожидание и страх.

– Думаю, нам пора. Познакомим вас с судебским составом и поговорим о вашем предложении.

Этого Анкс сейчас не ожидала.

– Ты в состоянии куда-то идти? – протараторила она, взглянув на отложенную трубку, но тут же осекалась: – То есть, в состоянии ли вы?

– Я в полном порядке. Подумайте лучше о себе, – ответил Инквизитор и осторожно задул свечу под стеклянным куполом.

Али Макарано внесла в кабинет Комохо огромное блюдо с бутербродами, а за ней появился Инг с тремя кружками крепкого чая.

– Стоило становиться Комохо, чтобы Царица Ягуаров и Харар лично таскали тебе обеды, – улыбнулся Алекс, отрываясь от статистического отчета.

– Что поделать, если тебе самому не до этого! Не могу я позволить тебе умереть голодной смертью, – промурлыкала Али.

– Слышал, Комохо? Пора уже самому научиться заботиться о себе! – сказал Инг и поставил перед братом горячую кружку.

Раздался стук, и все замолчали и посерьезнели.

– Войдите, – сдавленно ответил Алекс.

– Господин, прибыл торговец из Эр. Говорит, что может обсудить поставку какого-то важного товара только лично с вами, – доложил появившийся на пороге стражник.

Алекс переглянулся с Ингом и Али. Царица покивала, хоть и была заметно напряжена. Инг подошел ближе к двери, сжав в руке рукоять найшу.

– Пусть войдет, – разрешил Комохо.

Стражник пригласил гостя, и в кабинет вошел высокий мужчина в капюшоне и намотанном до середины лица черном шарфе. Он поклонился главе деревни и, как только дверь закрылась, снял импровизированную маскировку.

– Айран? – Инг мгновенно занял оборонительную позицию между ним и Алексом.

– Здравствуйте, господин Комохо! Досточтимая Царица, Харар, я прошу меня выслушать, прежде чем принимать решение об аресте.

Алекс, сохраняя внешнее спокойствие, дал знак Ингу пропустить его.

– Я пришел по указанию Первого Хвоста забрать в Ад живых темных и других возможных добровольцев. Инквизиторы объявили нам войну.

– Это затронет Антарес, – пробормотал Инг и отошел в сторону.

– С каких пор Первый Хвост распоряжается людьми Комохо? – Алекс невольно вздернул голову, – В моей деревне не осталось ни одного Хвоста, а значит указывать тут никому.

– Дословно Ольгерд сказал следующее: «Сынок, постарайся не заставляй меня подниматься и хулиганить в нашей родной деревне, она ведь нам нравится». Думаю, не в ваших интересах конфликт с Азуром.

– Это угроза?

– Я только предупреждаю, что могу сделать с войском

Хвостов и Демонов еще не то, что сделал с кучкой необразованных воров.

– Говори, что произошло? – потребовал Инг, стоя у окна.

– Адские Инквизиторы атаковали Азур. В городе находились Ольгерд, Сфорца, Роксана и Арахна. Я успел явиться на зов только под конец сражения. Нам пришлось отступить и оставить город. Сфорца серьезно ранен светлой чакрой, Ольгерд возится с ним, а меня отправил на Землю.

– Вы с Ольгердом – это все, кто остались от Ордена Хвостов? – спросила Али.

– Он смог связаться только со мной, – ответил Айран, вскользь подумав, что может встать вопрос о причинах отсутствия Анкс и Максима.

– Мы не обязаны поставлять вам пушечное мясо, – сказал Комохо.

– Ты ведь берешь не только темных? – Инг в два шага вернулся к Айрану и посмотрел ему в глаза.

Алекс метнул на брата предостерегающий взгляд, которого тот не заметил.

– Неужели господин Харар окажет нам такую услугу? – изобразил учтивость Айран.

– Во мне еще живет огненное начало Агварэса, и он сейчас в ярости. Агварэс желает защитить честь Антарес, и не остановится ни перед чем.

– Только огненное начало?

– Темного Агварэса я выставил из своего тела.

На лице Айрана отобразилось удивление.

– Хватит и того, что я сам по крови Кеаго, и мое темное начало на уровне Шегана.

– Да, этого более чем достаточно. Но досадно, что мы потеряли темное начало Древнего Демона.

– Я иду с вами, – отрезал Инг.

– Я с ним! – прибавила Али.

– Нечего тебе там делать, – Инг погладил Али по плечу, ласково пресекая ее порыв, – И тебе, кстати, тоже, – сказал он Алексу.

– Здорово ты за нас все решил, – Алекс поднялся с места, – Можно подумать, это ты и Комохо, и Царица Ягуаров в одном лице.

– Только что ты не горел энтузиазмом сражаться за Азур. У тебя есть дела поважнее. Задумал менять политику деревни – этим и занимайся.

– Не читай мне нотаций!

– Что за ребячество? Ты вроде на десять дней меня старше.

– Почти на одиннадцать, – буркнул Алекс.

– И ты, Али, тоже останешься на Земле.

– Это возмутительно! Я не отпущу тебя одного! – Али прижалась к его руке.

– Придется. Ты не должна так рисковать. Твой клан будет против.

– Советую прислушаться к словам Харара, Царица. Риту-

ал Кибитау в случае с Инквизиторами будет бессилён. Их мечи умертвляют душу, а не тело, – вставил Айран.

– Не нужно делать из меня трусиху, – огрызнулась Али.

– В бою вы не сможете воспользоваться своим мечом. В нём заточена Антарес, а её воля, вероятнее всего, будет направлена против Хвостов, она ведь создавала Мешер для Инквизиторов, а именно Мешер стала причиной конфликта. Если вы появитесь в Аду, вас могут попытаться убить и Демоны, и Хвосты...

– Так может, я должна принять сторону Инквизиторов? – перебила его Макарано.

– Нет гарантии, что они не попытаются поступить с вами так же. В Самате бытует мнение, что на вас лежит часть вины за то, что маска оказалась у Хвостов.

– На мне?! Тогда ты должен остаться со мной, Инг, и защищать меня, раз я в такой опасности!

– Вам же, господин Харар, я напомню, что сейчас Мешер принадлежит Максиму Дарду.

– Серьезно? Максуде досталась Мешер? – обомлела Али.

– Да, я в курсе. Недавно Лина рассказала мне, что это за маска, – сказал Инг, – Я должен защитить Мешер от Инквизиторов, чтобы они не уничтожили её раньше времени. Сам бы раздолбал эту шенадову маску, но просто так уничтожить её нельзя, иначе Макс погибнет.

Али серьёзно кивнула.

– Если вы согласны отправиться на защиту Азура, и никто

не возражает... – Айран выразительно посмотрел на Алекса и Али.

Макарано вздохнула и помотала головой, все еще держа Инга за руку. Алекс, сжав зубы, сказал, что не имеет возражений.

– Тогда я отправлюсь за Линой, а вас, Инг, попрошу предупредить Селлах Реттер.

– Селлах? – Али требовательно взглянула на Инга.

– Пойдешь со мной? – предложил он.

– Благодарю вас, господин Комохо. Я напомню о вас Амбе, если доведется ее увидеть, – сказал Айран на прощание.

– О, было бы прекрасно с ней встретиться, – задумчиво проговорил Алекс и добавил: – Просто потрясающе! Отпускаю лучшего друга воевать в Ад!

Айран оставил Инга с Али у общежития и назвал место общего сбора к юго-западу от деревни Ту, где просил ждать до заката.

Сам Хвост отправился к дому Иллиса. Дверь ему открыла Лина.

– Они все-таки напали? – с порога спросила она.

Айран молча кивнул, и сестра посторонилась, пропуская его.

– У нас гости!

Иллис поспешил выйти навстречу. Он глазам своим не поверил, когда увидел в прихожей Айрана.

– Это ты... Привет, – сказал он, не зная, как вести себя с

другом детства спустя столько лет со дня их последней встречи.

– Привет, – Айран кивнул ему, улыбнувшись на бок.

Его усадили во главе небольшого обеденного стола, и оба ни на секунду не отвлеклись, пока он говорил о нападении Инквизиторов на Азур и наборе волонтеров для предстоящего реванша.

– Будет лучше, если мы оба отправимся в Ад, – решила Лина.

– Согласен. Но я хотел бы лично поговорить с Комохо о некоторых делах перед тем, как покинуть деревню, – сказал Иллис.

– Составить тебе компанию?

– Собери пока самое необходимое, а к Комохо я сходил бы с Айраном. Он в курсе обстоятельств, и поможет лучше уяснить суть дела.

Лина догадалась, что Иллису нужно поговорить с Айраном наедине, и не стала возражать. Она знала, что в глубине души ее возлюбленный ощущал неловкость, почти вину за то, что во время восстания не помешал Алексу собирать отряд в поддержку подавления армии воров. В этой ситуации внутреннее понятие о долге, составлявшее основу мышления Иллиса, противоречило само себе: с одной стороны стояли интересы Ханства, с другой – старый друг. Но Лина была уверена, что Айрана это совершенно не волновало. Возможно, он и сам за многое чувствовал вину – если только он еще

был на это способен.

– Ты прав, что решил лишний раз обговорить все с Комохо. Ведь это правители в конечном счете несут ответственность за все решения, – сказал Айран, когда они вышли из дома.

Иллис хотел, было, сказать, что больше, чем передача дел, его волнует другой вопрос. Но промолчал, осознав, что Айран только что ответил на все его сомнения. Он надолго задумался.

– Ты же не вступил в этот отряд, успокойся, наконец. А если бы тебе и пришлось, знаешь, я бы все равно не перестал ценить прошлое, – сказал Айран, не дожидаясь новых вопросов, – Мы ведь друзья?

– Да, Айран. Спасибо, – ответил Иллис.

– Только я не знаю, захотел ли ты быть другом тому человеку, которым я стал.

Проводив Иллиса до дворца Комохо, Айран переместился в деревню Ма. Он погрузился в размышления о том, с какой легкостью удалось собрать этот отряд смертников, и о том, что вести людей на верную гибель, становится, для него до ужаса привычным делом.

Техника телепортации перенесла Айрана в одно из подсобных помещений дворца Комохо деревни Ма. Выйдя в коридор, он обнаружил, что ни стражи, ни секретарей, ни про-

чего персонала нет на рабочих местах. Кабинет правителя располагался на третьем этаже, куда Айран свободно поднялся, слушая эхо от своих негромких шагов. Он постучал в дверь.

– Кого еще принесло? Проваливайте! – ответил раздраженный мужской голос.

Айран потоптался у входа, но решился войти. Комохо сидел на краю своего стола. В глубине кабинета вдоль стены нервно расхаживала девушка с короткими светло-пепельными волосами. По наличию различного холодного оружия было очевидно, что она из воинов, но отличительных знаков на ее одежде не было. Это была Амба, дочь Николаса Сефида и родная сестра Алекса, недавно покинувшая секту Кеаго.

– Вовремя тебя ветры принесли, – она с каким-то непонятным вызовом улыбнулась Айрану.

– Я же сказал, убирайся! – выкрикнул Рубрус.

Было ясно, что этот Комохо не похож на типичного администратора. Удобнее всего от его стола можно было дотянуться не до полок, где были в беспорядке набиты документы, а до застекленного шкафа, где стояли самых разных размеров и видов фотоаппараты. На стенах весели профессионально выполненные фотографии прекрасных пейзажей и портретов. «Любопытный персонаж, Джакомо Рубрус», – подумал Айран.

– Господин Комохо, прошу прощение за вторжение, но мое дело не терпит отлагательств.

– Мне плевать на твое дело, и на все остальное. Моя жизнь идет к чертям! Был ли кто-нибудь так несчастен, как я? Я могу быть с любой женщиной, кроме той, которой я отдал сердце! – неожиданно патетически воскликнул Рубрус.

– Я займу не много вашего времени. Вы знаете, кто я?

– Не знаю, и знать не хочу. Убирайся!

– Мое имя действительно не имеет значения, – не без облегчения сказал Айран, – Дело в том, что Орден Хвостов сейчас нуждается в поддержке...

– Прочь с глаз моих! – отмахнулся Рубрус.

– Азур приравняет отказ в помощи к сопротивлению.

Амба оскалилась в злой улыбке, глядя на Джакомо.

– Какие вы шантажисты, – ответил Комохо, погружаясь в раздумья.

– В вашей деревне нет темных.

– Кроме меня! – гордо сказала Амба.

– Ты должна была навсегда закрыть эту тему, завязать с темной чакрой! Почему тебя так туда тянет?

– Я ничего не должна! – яростно огрызнулась она, – О, Рубрус! Шенад! Ты так ничего и не понял!

– Постой, постой, Амба, мы со всем разберемся, как только я выгоню этого...

– И не смей его выгонять!

– Что? Почему?

– Потому что это твой единственный шанс сохранить свою деревню.

– Амба! – взвыл Джакомо и попытался подойти к ней, но не посмел под напором ее тяжелого взгляда.

– Я ухожу, хватит, – отрезала она и подняла с пола собранный рюкзак со всем своим скромным имуществом.

– Нет! Амба!

– Не скули! – прорычала она, – Я ухожу с этим парнем в Ад.

– С ним?!

Комохо суетливо протер вспотевший лоб и почти беспомощно заморгал.

– И давно ты с ним?

– Это не твое дело.

Амба сделала порыв выйти из кабинета, но Рубрус бросился ей наперерез и схватил за плечи. В нем ощущался порыв встать на колени, но он не позволил себе этого.

– Я ухожу с Айраном, – отчеканила Амба и отстранила его.

Айран молча ожидал развязки сцены.

– Забираешь ее, да? – Рубрус вдруг гневно посмотрел ему в глаза, – А давай я тебе и денег дам, и лошадей! – он чуть не бросился на Айрана.

– Успокойся! – Амба оттолкнула его в сторону.

– А я настаиваю! Я настаиваю!

– Мы были бы не против хотя бы такой поддержки с вашей стороны, – спокойной сказал Айран, словно не замечая надрывного тона Джакомо.

Тут Комохо и вовсе вскипел.

– Знаешь, я не отдам тебе ни одного своего коня. Даже Юлиана, моего старого пони. Давно уже хотел избавиться от него, а теперь вдруг вспылал к нему страшной любовью! Юлиан только ест и справляет нужду, справляет нужду и ест! А иногда ест и справляет нужду одновременно!

– Как угодно, господин Комохо, – со спокойным достоинством сказал Айран и покинул его кабинет.

Амба последовала за ним, не говоря больше ни слова.

– Давно ли мы с тобой любовники, позволь поинтересоваться? – спросил ее Айран.

– По-хорошему, давно должны были, да вот обстоятельства не располагали, – невозмутимо ответила Амба.

Айран решил не торопиться вводить ее в курс дела и дать ей время, чтобы новые обстоятельства улеглись в ее голове и в сердце.

Нервом этаже они встретили еще одного потенциального волонтера – к Комохо поднималась Зара, единственная наемница в деревне Ма.

– Куда подевалась вся стража? – спросила она Амбу, окинув Айрана взглядом.

– Рубрус выгнал всех из дворца, но можешь сказать дежурному, что буря миновала, уже можно вернуться.

– Буря? Никак у вас размолвка?

– Окончательная. Я ухожу из деревни.

– Не желаешь к нам присоединиться? – предложил Ай-

ран, – Ты ведь Зара? Меня зовут Айран Дард.

– Наслышана. Где на этот раз заваруха?

– В Аду. Первый Хвост заплатит не меньше любого Ко-мохо, ручаюсь за него.

– Хвосты, значит, не брезгают нашей братией? – заинтересовалась наемница.

– Можешь рассчитывать на самый теплый прием. Повышение уровня темного начала бонусом.

– Не интересуется, – кинула Зара, – Зайду к Рубрусу на пару слов, и идем. Заберите из конюшни моих лошадей. Ты знаешь их, Амба.

– Легка же ты на подъем! – одобрительно усмехнулся Айран.

– А что меня может держать? Я из крестьянского рода, на официальной службе ни у кого не состою, в академии не училась, свои техники отточила самостоятельно, так что никому не обязана.

– Приятно иметь с тобой дело. Бедный, бедный Джакомо, никто-то ему ничем не обязан, – Айран саркастически улыбнулся.

– Ждите здесь, – Зара направилась к лестнице.

– А для меня поподробнее с момента о повышении уровня темного начала, – сказала Амба уже по пути в конюшню, – У вас есть свободные маски?

– Возможно. С этим пока нет ясности, мы не можем найти двух Хвостов. И у меня есть подозрения, что, по крайней

мере, одному из них от своей маски придется отказаться.

– Ты про Мешер? Нет уж, такого добра не нужно!

– Нет, я про маску Ящера, на которой трещина от меча Денницы.

Айран пересказал историю нападения Инквизиторов на Азур, начав с исчезновения Анкс и Максима.

– Так отдайте эту Мешер Инквизиторам, путь забирают ее. На кой шенад она так сдалась Хвостам?

– Маску нельзя отдавать. Во-первых, из политического принципа, во-вторых, из-за Максима, а его еще нужно найти. Есть вероятность, что он сам в плену. Если и уничтожить маску, то только с его добровольным участием и без давления Инквизиторов.

Амба задумалась, занятая подготовкой одного из коней Зары.

– Что ж, прекрасно будет умереть в Аду.

Айран посмотрел ей в глаза, пытаясь понять, насколько она серьезна. В эти несколько секунд она успела разглядеть полные тяжелой тьмы глаза Дарда. И эта Тьма показалась ей прекрасной.

– Не драматизируй. Тебе еще брата навестить нужно. Привет передавал. Между прочим, он сейчас Комохо Ту.

– Алекс... – нежно протянула Амба, – Жаль, я не успела к нему заглянуть.

Она уже давно тосковала по брату. Дня не проходило, чтобы, заметив красивого зверя, попробовав вкусных ягод, при-

коснувшись к мягкой шерсти волчонка, она бы не подумала, что все это могло бы понравиться Алексу. Но манить его за собой, разлучать с отцом, друзьями и деревней она бы не стала, поэтому не тревожила его даже редкими тайными свиданиями. Чувство причастности и любовь отца были необходимы Алексу, и Амба не осуждала его за это. Правда, сама она никогда уже не назвала бы отцом светлого по имени Николас Сефид.

Он не знал, что такое истина Тьмы. А она, по мнению Амбы, заключалась в абсолютной свободе – отсутствии запретов и ограничений направления и скорости движения. И Кеаго, как ей казалось, неправильно поняли Тьму. Именно поэтому Амба хотела стать их Кнесом и пыталась биться с Сатангом за это звание – чтобы иметь возможность рассказать им правду.

Но ее не беспокоило это с тех пор, как она впервые уловила запах заговорщика, который хотел привлечь Кеаго на сторону воров-повстанцев. Почему-то у нее не возникало сомнений, что за обладателя этого запаха она отдала бы жизнь. С тех пор в ее сердце жила мечта отыскать его. Когда недавно их пути снова разошлись, только успев пересечься, ей показалось, что шанс навсегда упущен. Но сейчас Айран сам пришел за ней.

Как только Зара вернулась от Рубруса, – как раз, когда трое ее лошадей были седланы, – он коротко сказал:

– Что ж, дамы, мы идем в Ад.

Декабрь

На первом Уровне Ада, неподалеку от Азура, поселился недавно погибший вор по кличке Пушистый. Мелко вьющиеся волосы росли у него ото всюду, даже из ушей. Попасть на первый Уровень было лучшим из возможных приговоров, тем более, что ему повезло обзавестись здесь неплохим жильем. Он занял пустующий особняк в античном стиле, выстроенный много веков назад.

Правда, Пушистый чувствовал себя здесь неуютно. Он не мог позволить себе войти в Азур из-за привычки держаться подальше от цивилизованных мест обитания законопослушных людей. У него не укладывалось в голове, что началась новая, совершенно иная эпоха бытия, в которой все предыдущие условности не имеют значения, а наказание за все прегрешения разом уже получено. Одновременно с этим ему, человеку стаи, было странно находиться в изоляции и жить в обстановке мрачного величия, но свободного жилища попроще найти не удалось. Пушистого одинаково пугало как блуждание по бесконечному пространству Уровня, так и условно нормальная жизнь в городе.

Любой возможный сценарий дальнейшего существования имел мало общего с его привычным бытом. Как при жизни он не был решительным, не чувствовал, что владеет своей судьбой, так и сейчас он был в растерянности. Собственно

этим дискомфортом и ограничивались его «адские муки». Так или иначе, решение не обживатьсья в Азуре сыграло ему на руку – теперь, когда город был захвачен Инквизиторами.

Пушистый сидел на втором этаже своего особняка, свесив ноги наружу из незастекленного окна, и вспоминал, как приходилось греться у костров зимними ночами, как в одиночку или вместе с полужнакомой оравой пел песни, чтобы не уснуть, как особенно сильно боялся смерти в приближении такой ночи, глядя на пасмурные закаты. Теперь страх превратился в знание о неминуемом исчезновении в небытие, и это знание его угнетало. Больше всего на свете Пушистому хотелось сейчас хоть какой-то определенности и движения. Он с готовностью отдал бы за это все свое посмертное время. Пушистый решил, что эта незнакомая при жизни необходимость и есть его наказание.

Определенность пришла к нему сама в лице двух гостей. К его дому прогулочной походкой подошла весьма колоритная пара: высокий мужчина с черной львиной гривой, который вел под руку дьявольски прекрасную женщину с густыми длинными серыми волосами. Они выглядели так непринужденно, словно вышли прогуляться в сад после званного ужина. Это были Ольгерд и Роксана, которые искали пристанище для изгнанного из Азура Ордена Хвостов и Демонов. Пушистый был очень удивлен, когда понял, что столь редкие прохожие направляются к его дому.

– Что вы тут делаете? – крикнул он из окна.

– Наконец-то, Рокси! Как долго приходится ждать внимания таким важным гостям! Негодник, выходи немедленно и встречай нас! Куда катится мир, что за отвратительный сервис...

Пушистый решил не рисковать и робко спустился навстречу гостям, которые к этому времени успели подойти к входной двери его особняка.

– Чей это дом? – спросил Ольгерд.

– Мой. Теперь я тут живу.

– Да не трусь, так в Аду все делают! Зачем строить новое, если старое не рушится тысячи лет и стоит, никому не нужное? – Ольгерд грациозно взмахнул рукой для убедительности.

– Как тебя зовут? – спросила Роксана своим низким хрипловатым голосом.

Пушистый назвалсся.

– Что за манеры представляться даме прозвищем? Назови свое имя!

– Его давно все забыли. Огоньку у вас не найдется?

Ольгерд кинул ему тяжелую зажигалку в форме грифона.

– Красивая штука, – оценил вор и достал самокрутку.

– Моя ученица, почти приемная дочь, украла эту зажигалку из отчего дома и подарила мне! Можешь оставить в качестве арендной платы. Что это у тебя за дурь-трава?

– Это канна. Хочешь?

Пушистый взглянул на последнюю самокрутку и тут же

пожалел, что предложил.

– Вот еще, дрянь всякую в рот тянуть. Наши проблемы не решить парой затяжек. У нас очень много проблем на самом деле, и только ты можешь помочь нам, о благородный рыцарь!

– Ну, выкладывай, – кинул Пушистый и выпустил дым.

– Нам негде жить. Кроме нас есть еще двое Демонов, один из них ранен. В ближайшее время должны явиться еще несколько наших друзей с Земли.

– С Земли? Живые? И много их?

– Это уж как Айранушка постарается.

– Ты об Айране Дарде?

– Ну да, Айран, сыночек мой ненаглядный.

– Так ты его отец? Я знаком с ним с восстания, там, на Земле.

– С какого такого восстания? С тех пор как я умер, мы не так много общаемся. Он ничем со мной не делится, паршивец. Развлекается там...

– С восстания воров против Хана. Мы боролись за...

– Я вообще-то Первый Хвост, а не просто папаша Айрана, – перебил его Ольгерд, – Та еще штучка, парень хоть куда. За это Роксана кормит меня пирожками. А Рокси тоже дама непростая, но она не очень любит, когда я говорю о ее родословной, так что придется ограничиться общими словами о ее невообразимом могуществе.

– Готов поверить на слово.

– Это правильно. Меня зовут Ольгерд Дард, а это Роксана – на этом можно закончить треп. Если согласен помочь, давай сразу к делу. Меня ждут два голодных Демона, а скоро придет сынок со сворой головорезов. Нам нужно место, где можно отдохнуть и достаточно большая комната, чтобы собраться всем вместе.

Пушистый провел их в просторную гостиную, где стоял круглый обеденный стол.

Арахна появился на пороге первым: он был значительно большего размера, чем обычно, приблизительно в половину человеческого роста; на его спине лежал раненый Сфорца.

– Пожалуйста, отнесите его в укромное место, – обратился к Демону-пауку Ольгерд, – Я не хочу, чтобы этот сумасшедший Харар и половина Агварэса видели его в таком состоянии.

Арахна отнес Сфорцу в одну из пустующих комнат, где тот погрузился в глубокий сон, и, уменьшившись на обратном пути, вскарабкался на плечо Роксане.

Айран оказался в Аду приблизительно в это же время и по зову Первого Хвоста легко отыскал их местоположение. Он привел с Земли Селлах, Инга, Лину, Иллиса, Амбу и Зару. Все они разместились за столом в той же гостиной. Ольгерд потребовал, чтобы Лина и ее жених сели поближе к нему, и в качестве приветствия оттирал дочь, как кошку, а потом внезапно в крайне официальной манере поздоровался с Иллисом.

Пушистый не знал, куда себя деть, и стоял в стороне. Он смотрел на Айрана и Селлах, которые сели по правую руку от Иллиса и не замечали его взгляда, о чем-то беседуя между собой. Он был благодарен Айрану за тот бунт, за возможность высказаться, за подаренный импульс надежды. Если бы он знал более детально все обстоятельства, которые подвигли Айрана на организацию восстания, если бы он знал причины определенных стратегических решений, он бы, возможно, не был преисполнен столь теплых чувств. Но Пушистый настолько уважал своего вожака, что даже при появлении возможности получить подобную информацию, он бы, скорее всего, отказался.

– Садись, нечего стоять! Чувствуй себя, как дома! – покровительственно протянул Ольгерд.

Пушистый занял единственный оставшийся стул, и после череды кратких взаимных представлений началось самое необычное собрание Ордена Хвостов за всю его историю, на котором из одиннадцати присутствующих только двое были Хвостами.

– У нас тут гражданин Харар очень хочет высказаться, я вижу. Давайте, чтобы уж совсем все шиворот-навыворот, дадим первое слово светлomu. Пожалуйста, начинайте.

– А давайте для начала оставим эти шенадовы разделения на светлых, темных и пятнистых! В моем случае звучит особенно глупо, – огрызнулся Инг.

Роксана одобрительно улыбнулась ему.

– Так, объясните-ка мне для начала, что здесь сейчас происходит? – сказал Пушистый.

Селлах почти презрительно пригляделась к нему, узнавая его лицо.

– Да что ж тебе не понятно! Вроде все рассказал! – вспылл Ольгерд, – Сейчас происходит заседание военного комитета защитников Азура. Устраивает? Все, помолчи. Завари лучше чаю, зря я тебя пригласил за стол.

Пушистый от неожиданности не нашел ничего лучше, чем отправиться на кухню и поставить греться чайник.

– Не буду скрывать, я здесь из-за Мешер, – наконец начал Инг, – Вернее, из-за Макса.

– Знать бы еще, где шляется мой блудный сын! Рокси, жаль мы не прихватили пирожки, к чаю бы!

– Мы найдем Макса. И маску его дрянную найдем. Для меня лично важно, чтобы эта Мешер перестала пожирать души и уничтожать моего друга.

– Так-так! – Ольгерд требовательно забарабанил пальцами по столу, – Заявлять в лицо Первому Хвосту, что собираешься подчинить себе волю маски, принадлежащей его Ордену! Потрясающая наглость! Ты во истину восхитителен!

– Большой вопрос, кому она принадлежит по праву.

– Не о том сейчас говорим. Никто не будет спорить, что Мешер необходимо укротить, – бросила Зара.

– Я достаточно хорошо изучил проблему Мешер и несколько раз пытался разными способами повлиять на

нее, – сказал Айран, – Наверняка мои действия были бы более эффективными, если бы она была моей маской, но над собой этот эксперимент мне так и не удалось поставить. Сейчас я думаю, что проблема Мешер в разбалансированности. То есть, когда ее стали использовать Хвосты, нарушился баланс между ее темной и светлой составляющей. Соответственно, чтобы восстановить этот баланс, нужна чакра Света. Как именно ее нужно применить, можно узнать из трактата об ее создании, у Инквизиторов такие вещи записываются.

– Если вопрос только в светлой чакре, считайте, что он решен. Я с радостью угощу вашу Мешер Светом! – сказал Инг.

– Милые наивные дети! – воскликнул Ольгерд, – Сейчас Мешер уже так сильно трансформирована, что светлой чакрой ее можно только уничтожить.

– Значит, ее нужно уничтожить. И я возьму ответственность за безопасность Макса, – ответил Инг.

– Это будет возможно только в случае его согласия и участия в процессе уничтожения. И еще при том условии, что ты способен вторгнуться в его сознание, чтобы вытравить оттуда Мешер. Маски живут очень глубоко в душах Хвостов, знаешь ли.

– Я этого не умею, но может мой учитель. Если не он, так я сам научусь и сделаю это! Более того, это мои условия.

– Гаденыш знает, как мы нуждаемся в его способностях.

Как тебе не стыдно быть таким шантажистом? – рассмеялась Роксана.

– Мы тебя поняли, хорошо, не будь только таким серьезным, – сказал Ольгерд, – Разберемся с Мешер, когда получим ее, а пока попридержи язык. Тут главный я, сразу после Роксаны.

Амба вызывающе усмехнулась.

– Есть какие-то дополнения? – Ольгерд повернулся в ее сторону.

– Расскажи-ка мне, Первый Хвост, как живут маски в душах Хвостов, как они могут влиять на их волю? Может, я захочу к вам присоединиться.

– Такая самостоятельная умница у нас одна только Мешер. Остальные маски никак не влияют на своих владельцев, только дают силу. Ну, и еще переводят темное начало на третью ступень развития, делают его, так сказать, полудемоническим. А уж соваться тебе глубже во Тьму, или нет, решать будешь сама. Никакая маска, кроме Мешер, не способна захватить душу Хвоста. Только у нас сейчас нет свободных масок. Их осталось всего четыре, и две из них утащили Анкс и Максим. Захочешь стать Хвостом – отбери у кого-нибудь из них при встрече. О! Чай пришел!

В комнате снова появился Пушистый. Он неуклюже нес поднос, на котором стояли десять разных кружек с чаем – для всех участников «заседания», кроме Арахны.

– Хорошо, что вас не больше. Это вся посуда, которую

я тут нашел. Как-то даже не солидно на самом деле. Я так понял, тут всего два Хвоста. Ваш Орден, похоже, немодный?

Он грубо усмехнулся, но сразу смутился и затих.

– Изолированный, закрытый, элитарный. Есть множество синонимов слову «немодный», потрудись использовать их в отношении Ордена Хвостов, – сумничал Ольгерд.

– Раньше Хвостов было больше, но все они вместе со своими масками погибли в предыдущей битве Света и Тьмы. Из всех темных после нее выжили Денница, Роксана, Арахна, Агварэс, Сфорца, Антарес, Макарано и четверо Хвостов, чьи маски мы сейчас носим, – сказал Айран.

– Да уж, и что осталось теперь? – фыркнула Роксана, – Макарано шляется, неизвестно где, Антарес заточена в мече Царицы, Агварэс – ну, он вообще-то сейчас присутствует с нами отчасти, – она кинула беглый взгляд на Инга, – Если папаша и пойдет на светлых снова, ему нужен будет третий подельник. Мои силы уже не те после битвы, раньше бы я и в одиночку вернула Азур!

– Папаша? Это ты о ком?

– О Деннице, о своем отце. И обойдемся без комментариев по этому поводу.

Пушистый послушно промолчал.

– Слишком часто в разговоре проскальзывает тема конфликта со светлыми. Вам не кажется? – сказал Инг, глядя в глаза Роксане.

– А ты знаешь что вторую Войну начали светлые? – Оль-

герд показал ему язык.

– Ага, после того, как темные нарушили договор. Если я правильно помню, не Ангел, а Шеган выкрал у Инквизиторов маску. Ему, видите ли, не досталось собственной.

– Позвольте взять слово! – в центр стола выполз Арахна, – В пылу весьма захватывающего диспута вы напомнили мне прелюбопытнейший факт. Дело в том, что выкрававший Мешер Шеган был вынужден во имя осуществления своего бесславного деяния противостоять сразу нескольким Инквизиторам. Чтобы найти их слабое место, он изучил достаточно много литературы, – кстати, по иронии судьбы, всю информацию нашел в знаменитой саматской библиотекой. После себя он оставил сведения, что Инквизиторы боятся огня. Есть вероятность, что огонь наносит им гораздо более значительные повреждения, чем любым другим существам, это надо учитывать. Я закончил, спасибо за внимание.

Ольгерд осмотрел всех присутствующих и сказал:

– Большинство из нас владеет чакрой Огня. Спасибо, гражданин Арахна. Короче, им не выстоять. Им всем крышка!

– Маданго Верт! Стой! Подожди меня! – вдруг послышался крик снаружи.

К этому времени уже был набросан примерный план захвата Азура с учетом сил всех участников собрания и нали-

чия трех лошадей, приведенных с Земли.

Подкрепление как таковое было, скорее, хорошей новостью, но никто не успел подумать об этом. В окно просунулась крупная лошадиная голова с давно не стриженной челкой и принялась фыркать и нюхать воздух (запах канны, исходивший от Пушистого, явно привлекал коня). В следующий миг в комнату вбежала девчонка с растрепанными красными волосами и огромным рюкзаком за спиной.

– Рейни! Крошка моя вернулась! – воскликнул Ольгерд, всплеснув руками. – А ты где ты пропадал, Макс? Куда тебя занесло, что я не мог с тобой связаться?

– Мы только что вернулись со второго Уровня.

– Это опять ты! – Пушистый указал на Рейнлан пальцем, – Представляете, однажды ее дурная лошадь чуть не сожрала все мои сигареты! Это было еще на Земле!

– Это конь, а не лошадь! Как ты мог не запомнить сэра Манго Верта! Привет, Пушистый. И тебе привет, дядь! – подмигнула она Ольгеду, – И все остальные, тоже здравствуйте.

– А ты кто? – с нескрываемым любопытством спросил Инг.

– Я Страж Западных Границ Ада, Рейнлан Бэнкс! – протянула она руку.

– А я Харар, Инг Сефид. А Страж – это темный?

– Нет, Страж – это особенный! Смотри, у меня есть с собой Лохматый!

– Макс!!!

Инг налетел на вошедшего Хвоста и крепко обнял, не оставляя шансов на сопротивление.

– И тебе привет Инг, – невесело усмехнулся Макс.

Он посмотрел на Лину, Иллиса, Айрана и Селлах, но никто из них не смог надолго задержать на нем взгляд, не допустив жалости, так сильно его внешний вид выдавал его состояние. Лина со вздохом отвернулась, и Иллис взял ее за руку под столом.

– Итак, плюс один всадник, плюс один Хвост, – заключила Роксана.

– Мы не одни. Там еще ребята догоняют, Воители. Анна, Кутта и еще двое.

– Где вы достали Воителей? Вы были в Лесабре? – тут же оживилась Лина.

– Айран, ты говорил, нужно человек пять – шесть для авангардной атаки. Пожалуйста, вот тебе целая толпа, – сказала Амба.

– Да, да, будет тебе шоковый штурм. Возьмешь всех, кроме Макса.

Техникой телепортации для проникновения в город воспользоваться было невозможно – это уже успели проверить Роксана и Ольгерд. Инквизиторы способны создавать мощнейшие защитные барьеры, не пропускающие ни темных, ни светлых, использующих Хантай-Ни. Техника перемещения Зары была не достаточно мощной, чтобы преодолеть сопротивление щита. Просто перелететь через ограду Азура тоже

не представлялось возможным – настолько плотным был защитный барьер. Единственный ход оставался через ворота.

Было решено Рейнлан, Инга, Анну и еще троих прибывших Воителей включить в отдельный отряд под командованием Амбы, который нанесет первую дезориентирующую атаку. В это время тайным подземным ходом, о котором, возможно, еще не успели узнать Инквизиторы, в Азур проберется отряд «бывалых»: Ольгерд, Роксана, Айран и Арахна. В зависимости от сложившейся обстановки, по сигналу Первого Хвоста в город входит отряд «живчиков», который включал Иллиса, Лину, Зару, Селлах и Максима, первые трое были верхом. Мешер оставалась в доме Пушистого (он был строго проинструктирован не оставаться с маской в одной комнате).

Отряд Амбы ворвался в главные ворота с таким напором, что смог очень быстро прорвать оборону Инквизиторов. Все семеро старались производить как можно больше шума и разрушений, вели бой максимально дерзко и постоянно применяли чакру Огня. Маданго Верт и лошади Воителей, раззадоренные перед боем, хрипели, били землю и лягались. Для прорыва Инг принял обличие дикобраза и был внешне не отличим от Агварэса. Он заметил, что это играет ему на руку – Инквизиторы избегали столкновения с ним, принимая за Демона. Амба тоже приняла облик зверя, не менее впечатляющий. Ее природная форма превращения – тигр – видоизменилась, благодаря практике техник Кеаго, в некую

помесь с волком с костистыми шипами вдоль хребта и двумя парами небольших рогов.

Со своей позиции Анкс сразу заметила красноволосую всадницу, прорывающуюся сквозь оборонительные отряды Инквизиторов. Она узнала Рейнлан, вместе с которой воспитывалась у Ольгерда, и пришла в бешенство от нахлынувших воспоминаний, от немого укора, который несло ее неожиданное возвращение. Она сорвалась с места и помчалась в самый эпицентр схватки, не слыша Арча, который пытался ее задержать. Анкс была нужна ему для разработки дальнейшей тактики – только она могла помочь предугадать, каких действий ждать от Хвостов.

Добраться до Рейнлан, ничего не замечающей в азарте боя, ей не позволила Амба. Анкс выдала себя обликом Хвоста и маской на лице. Амба рассудила, что ей эта маска куда нужнее. В облике волко-тигра она бросилась на Анкс, повалила ее на землю, прижав к земле одной лапой, и смахнула с нее маску, полоснув когтями по щеке. Анкс попыталась всадить меч в открывшийся бок Амбы, но она откинула ее в сторону. В следующую секунду она в один прыжок оказалась рядом, готовая растерзать Анкс на части, но ее пронзил луч концентрированной чакры Света. Амба застыла на месте и взвыла от боли. Арч обошел кругом парализованного волко-тигра и присел к Анкс, прикрыв ее собой, не переставая выпускать луч Света.

Черно-рыжий дикобраз бросился на перерез этому лучу, и

Инквизитор заметил, что Свет не имеет на него губительно-го воздействия. Арч выпустил в сторону Амбы и Инга мощный поток Света, и дикобраз неожиданно для Инквизитора закрыл их обоих барьером из еще более сильной светлой чакры, которой мог владеть только Харар, и этот барьер поглотил атаку Инквизитора.

Тем временем Макс в доме Пушистого ожидал команды Ольгерда к выступлению, но ее все не было. Он уже начал нервничать от неизвестности и едва не решился самовольно выдвинуться, подстрекаемый Зарой, когда Ольгерд сообщил, что никому из «бывалых» не удалось выбраться из подземного туннеля. Тайный путь был обнаружен и занят Инквизиторами.

– Мы тут надолго застряли, не ждите нас.

– Понял, выдвигаемся.

– Я забыл предупредить тебя, сынок... Ой, подожди, тут один надоеда лезет обниматься... Так, он отстал... Я забыл рассказать тебе о драконах. Инквизиторы собираются их призывать, надо использовать момент. Все, давай, милый, я тут нарасхват.

На этом Ольгерд закончил сеанс связи. Макс пересказал сумбурный диалог сестре, с трудом сохраняя видимость спокойствия.

– Я кое-что помню об инквизиторских драконах, – сказала Лина, – По сути это бездушные сгустки энергии, но они могут сражаться самостоятельно. Чтобы призвать их, Инквизи-

торам придется всем одновременно ненадолго оторваться от боя и потратить достаточно много сил. Видимо, наш авангард их здорово припугнул, раз они идут на такие меры. Нам нужно войти в город именно в это время.

– Я сойду с ума от такого потока новостей... Скажу Ольгерду, чтобы дал отмашку, когда Инквизиторы отвлекутся на призыв драконов.

«Живчики» были в полной готовности, когда получили команду Первого Хвоста выдвигаться. Их появление стало для Инквизиторов полной неожиданностью. Анкс не успела предупредить Арча, что могут появиться другие, к тому же она не знала, что их будет так много. Инквизиторы, одновременно по телепатическому сговору создали вокруг себя щиты и несколько секунд читали заклинание призыва. В небе над Азуром появились три черных дракона.

Спикировав, один из них отбросил Макса взмахом крыла к стене деревянного домика, который разнесло в щепки силой удара. Хвост схватил меч погибшего Инквизитора, тело которого придавили обломки разрушенного дома, догнал набирающего высоту дракона и взлетел на его спину. Тот поднялся в воздух и принялся выделывать фигуры высшего пилотажа, но Макс крепко вцепился когтями в его шею. Во время одного из маневров он вонзил меч глубоко в тело дракона. Дракон взревел и снова попытался спихнуть противника, но последовал новый удар большей силы и сопровождаемый выбросом темной энергии. Опять и опять меч рвал

плоть дракона и кромсал его, как бумажного, без крови. Чудовище рухнуло на землю, отлетев достаточно далеко от эпицентра сражения и попытался сбросил Макса извивающимся хвостом. Максим, удержавшись на нем, продолжал в бешенстве разить его мечом. Погибающий дракон смог обхватить его своим хвостом и крепко сжать. Он зажмурил глаза, и приказал себе не терять сознания – долго эта пытка продолжаться не могла, дракон был на исходе сил. Но от нехватки воздуха и боли Хвост лишился чувств незадолго до того, как тело дракона расслабилось.

А в гуще событий Воители, пропустившие через свои мечи чакру Огня, яростно сопротивлялись Инквизиторам, робеющим при виде пылающего оружия. Сумев оторваться от Инга, Арч забрался на крышу зала заседания Хвостов и выпустил оттуда колоссальную волну светлой чакры. Сразу за ней последовал волна Тьмы такой же силы, а затем снова Свет. Распространившаяся повсюду мощная чакра погасила мечи Воителей, и вывела из строя всех защитников Азура, кроме Инга. Многие просто рухнули на землю, скорчившись от боли, не выдержав таких колебаний контрастных стихий.

После первой вспышки Лина зажмурилась и упала, даже закричать она смогла не сразу. Жадная попытка вдохнуть – воздух словно стал слишком густым. Сквозь туман, застилающий глаза, она видела, как перед ней падает сраженный Иллис. Лина смотрела, как погибает ее любимый, но не могла сдвинуться с места. Она с трудом осознавала, что кто-то

поднял ее на руки и унес с поля битвы.

– Отступаем! – прокричал Инг с Линой на руках.

Селлах, которая тоже кое-как держалась после атак Арча, собирала остальных, чтобы вместе уйти из города. Ей с трудом удалось отыскать Макса и вытащить его из-под туши дракона. Еще двое крылатых ящеров при этом продолжали кружить над городом, готовые в любой момент поразить отступающий разбитый отряд. Арч вскоре выдохся, но волны из светлой и темной чакры продолжил выпускать другой Инквизитор.

Селлах и Ингу удалось найти всех уцелевших, вдвоем сотворить щит из Тьмы и Света и вывести всех из города. Потеряли в этом бою одного из Воителей и Иллиса; Макс, Лина и Зара были серьезно ранены. Не досчитались троих из восьми лошадей. Когда из подземного прохода появились Ольгерд, Айран, Роксана и Арахна, стало очевидно, что и они не отсиживались в стороне – все были изувечены светлой чакрой.

Пушистый пришел в ужас от того, в каком состоянии вернулся отряд, недавно покинувший его дом.

Роксана с Ольгердом и Арахной, устроившемся на ее коленях, приходили в себя, сидя на диване в углу. Селлах, несмотря на усталость, оказывала помощь раненым живым. Лина не могла опомниться от гибели Иллиса – не говоря ни слова, жестом отказавшись от помощи, она поднялась на второй этаж и заперлась в одной из комнат. Макс лежал без сознания и беспокройно жмурил глаза, его крылья были полу-

раскрыты от напряжения и тряслись. Из подвала слышалось жадное шипение Мешер.

Первое, о чем он вспомнил, когда очнулся, однако, была не маска.

– Где Рейнлан?!

– Успокойся, Макс, не вставай. Мы пока не знаем, где она, – Селлах пришлось приложить усилия, чтобы уложить его обратно.

– Что это значит? Ее не нашли?

– Я ее нигде не видел. Но это не значит, что она погибла, – сказал Инг.

– Где же она? Просто сбежала, не попрощавшись? Не может быть.

– Тише, Макс, – Селлах погладила его по горячему лбу.

– Почему она исчезла? Как она могла сбежать?

– А Рейнлан у нас барышня особенная. Творит, что хочет, – подошел Ольгерд и стал забалтывать сына: – Ее отец – Демон, а мать – шестикрылый Ангел. В результате такого контакта вероятность появления детей очень мала, но если ребенок родится, это, конечно, будет не обычный человек. Проявляться это может в искажении любого из начал. У Рейнлан, например, с темным и светлым все в порядке, а собственное – грифон. Представляешь? Она называет это силой Стража, но это ее фантазия, нет никаких Стражей, просто в душе она животное, без преувеличений. На самом деле, вы очень хорошая пара, у вас обоих абсолютно нет мозгов.

Спустя какое-то время обстановка в доме Пушистого относительно нормализовалась. Насколько уместно говорить о норме, когда речь идет об обществе девушки-наемницы, трех мертвых душ, двух Шеганов и Амбы, которая еще не надела добытую маску Хвоста, трех Хвостов, двух Демонов, Харара с огненным началом Древнего Демона и дочери Дьявола. Максим отважился подняться к Лине и уже довольно долго оставался у нее. Сфорца вышел послушать рассказ о прошедшем сражении, и Ольгерд причитал, почесывая его за ухом:

– Если бы Рейни только услышала, что слабое место Инквизиторов – это огонь, она бы сразу сказала использовать не чакру, а зажигалку! Почему мне не пришло это в голову? Инквизиторы устроили атаку стеной Света и Тьмы, и наша чакра Огня погасла. До чего я бестолковый! Все остальные тоже хороши, между прочим. Всегда надо все обсуждать с Рейнлан, когда она рядом...

Айран молча сидел в стороне. Селлах хотела осмотреть его раны, но он не подпустил ее к себе. Его накрыло странное беспокойство. Почему-то увидеть сейчас Катю становилось все более и более важно с каждой секундой.

– Хочешь вернуться на Землю? – вдруг спросила Амба.

Он не заметил, как она оказалась рядом. Его помощь нужна была здесь, в доме Пушистого, где старались не сойти с

ума его брат и сестра, а Ольгерд бился над новыми вариантами штурма.

– Что-то случилось в моем доме, – сказал Айран.

– Это переутомление, не волнуйся.

Этой ночью ксэ высшего ранга Хелен тоже не спала. Она и раньше засыпала не сразу, когда ей доводилось оставаться с Нацхи, в его просторной светлой спальне, и ощущать кожей шелк дорогого постельного белья, к которому не могла привыкнуть. К утру она обычно проваливалась в сон, но не в этот раз. С того дня, как они с Ханом побывали в доме Каты Мэхила, любовницы Айрана, будущей матери его сына, Хелен терзали мысли об этой девушке. Эта ее непосредственность. Ей сошло с рук ужасное поведение с Ханом. Она налетела на него, прикоснулась к нему, а он был столь снисходителен! Почему? Он сказал, что она беременна, он хорошо чувствует такие вещи. Значит, вот как он относится к женщине, когда она становится сосудом для новой жизни, даже если первый раз ее видит, даже если это жена врага всего государства. Жена человека, который едва не лишил ее, Хелен, жизни.

Когда Хелен была с инспекцией в деревне Ма и подверглась нападению воров, Айран ввел ее в транс с помощью техники Хосуто Соу. В какой-то момент появилась эта Ката, и Айран отвлекся на нее, невольно передав Хелен обрывки своих мыслей. В них было столько любви. Еще тогда Хелен стало известно, что у Айрана и Каты будет ребенок, но сразу

она не предала этому значения. Ката еще посмела защищать ее и залечивала раны – значит такой жалкой выглядела Хелен тогда, совершенно беспомощная под действием техники Айрана. А после этого Ката, как ни в чем не бывало, предлагала ей свою стряпню.

Хелен достаточно хорошо владела собой, чтобы не мусолить подобные мысли и гнать их каждый раз, как они всплывали в голове. Но вчера Нацхи говорил о будущем Ханства, о своих мечтах. Он многим делится с Хелен. У него большие планы, не осуществимые за время одной жизни. После таких разговоров невозможно было мысленно не вернуться к мыслям о недоступном материнстве. И неподобающее поведение и сообщничество в бунте – все сошло с рук беременной женщине. За этим, должно быть, стоит не только воспитание.

Эльхес был прав, когда сказал, что Хелен просто не могла позволить себе быть счастливой, быть с Нацхи, с ее Ханом. И одна из причин этого заключалась именно в безуспешных попытках стать матерью его детей.

Во всем этом Хелен видела предельную, недопустимую несправедливость. У вора будет сын. А у Хана – нет. Не с ней. Очевидно, что придет время, когда его любовь, если она и живет в его сердце на самом деле, не будет иметь значения – Нацхи всегда пренебрегает своими чувствами и делает так, как должно. Почему не эта рыжая дурочка подвернулась ему? Ката любила бы Нацхи, может быть, почти так же, как сама Хелен. Ката досталась самому мерзкому змею,

самому страшному демону. Их обоих настигнет расплата за такое расточительное счастье.

Хелен самодовольно улыбалась, глядя на окровавленное тело на кухонном полу, вспоротое ее мечом. Она подумала, что могла бы привязать голову девушки за ее длинные рыжие волосы к своему седлу и встретить Айрана гарцующей на своем красавце-коне. Он был не дома, когда Хелен пришла за его любимой.

От Нацхи она знала, что в Аду началась война за Азур, и, вероятнее всего, Айран отправился туда. Поэтому Хелен выкрала из секретного архива свитки с печатью, призывающей адских привратников. Только таким образом возможно было пройти в Ад без помощи темных. Она не чувствовала близости чакры Айрана, которую хорошо запомнила после контакта через Хосуто Соу, и ожидать его появления на Земле было бессмысленно. Однако Хелен медлила с призывом привратников. Она впала в состояние некоего оцепенения и тяжело опустилась в кресло в гостиной, тупо уставившись перед собой. Дом наполняла странная смесь запаха свежей сдобы и свежей крови.

Хелен думала о том, как Айран в облике Хвоста будет гневно атаковать ее, а она – с легкостью обороняться от непродуманных ударов, будет играть с ним, как кошка с задранным хвостом мышью. Он будет таким жалким в своей злости, будет швырять свои шурикены, метать чакру, и все без толку. А Хелен будет полна спокойствия и силы, как сейчас. Хелен

уничтожит его. Когда он, полумертвый, будет лежать перед ней, она вонзит меч в его глаз и будет упражняться в меткости удара.

Вдруг Хелен рассмеялась. Ее истерика раскрылась, как бутон ядовитого алого цветка. Она рывком развернула свиток с печатью и впустила в него чакру, начиная призыв привратников.

Когда внезапно кто-то оттащил ее в сторону, обхватив сзади, она закричала и начала яростно вырываться.

– Почему ты не веришь мне? – услышала она тихий знакомый голос.

Нацхи крепко держал и ее, она не могла продолжать впускать чакру в печать.

– Убери это, – сказал он.

Приказ исполнил сопровождающий Хана молодой ксэ, который свернул свиток и перетянул его ремнем. Это был Сирроу Кутта.

– Вероятнее всего, мы опоздали, – сказал он.

Однако ничего не происходило, привратники не являлись. Хелен замерла в руках Нацхи, но он не ослаблял хватки. Теперь она надеялась, что впустила в печать недостаточно чакры для их появления.

– Если они все-таки явятся.... – Нацхи взглянул на Сирроу.

– Да, господин, – ответил ксэ.

Хелен молчала. Она была в полной растерянности. Сей-

час, когда прошло состояние аффекта, она заметила, что по щекам льются слезы, как у ребенка. И вот постепенно перед ней возникли силуэты двух кентавров. Один из них был черным, глаза его смотрели в пол, он казался воплощением вселенского мрака. Другой был неистового рыжего цвета, и стоило только на миг на него взглянуть, как его лукавый пронзительный взгляд начинал пробираться глубоко в душу. Рыжий кентавр гарцевал и, казалось, вот-вот сорвется с места, а черный был совершенно неподвижен и невозмутим.

– Сирроу отправится в Ад вместо тебя.

Хелен повернула голову в его сторону, насколько позволяло ее положение. Она не могла ни остановить слезы, ни выдать из себя хоть слово.

– А ты, Хелен, не двигайся. Это приказ.

Слова Хана словно окатили ее ледяной водой. Она с трудом удержалась на ногах, когда Нацхи отпустил ее и отошел в сторону. Сирроу тем временем поклонился кентаврам-привратникам, они ответили ему сдержанным кивком, и все трое моментально исчезли.

– Благодарю, Хелен. Должно быть, тебе нелегко далось исполнение такого специфического приказа, но только таким доверенным воинам, как ты я могу поручить подобное задание.

– Что? – выдавила она, не до конца уверенная, что слышала именно то, что на самом деле произнес Хан.

– Только что ты исполнила приговор, который я вынес

Кате Мэхила, за предательство интересов Ханства и пособничество повстанческому движению. Ее жизнь необходимо было сохранить до определенного времени, чтобы следствие смогло с ее помощью приобрести некоторые сведения об Айране Дарде и, по возможности, вышло бы на других значительных фигур. Именно так обстоят дела на бумаге, – Нацхи протянул Хелен ее именную карточку с зафиксированным временем начала выполнения секретного задания, – Ты почему-то забыла взять с собой документы, очень важно всегда иметь их при себе. Пожалуйста, будь внимательнее в следующий раз.

Хелен не выдержала, рухнула на колени и разрыдалась в голос. Нацхи отвел от нее взгляд и обратил его на мертвую Катю. Тело и разбрызганную повсюду кровь охватила чакра, которая вскоре сожгла все, оставив лишь горстку пепла.

Воители имели связь друг с другом через такие же медальоны, как носила на шее Рейнлан. Кутта призвал на помощь своих товарищей из крепости Лесабры, и вскоре в дом Пушистого прибыла еще десятка воинов. Их штаб постепенно креп.

Айран не покинул Орден Хвостов, несмотря на свои волнения о Кате. Чтобы отвлечься от мрачных мыслей, он посвятил себя заботе о раненой сестре. Амба понимала, что сейчас лучше не беспокоить его своим присутствием, поэто-

му покинула особняк, чтобы, наконец, надеть маску и стать Хвостом. Превращение она перенесла относительно легко – ее тело успело достаточно хорошо адаптироваться к темной чакре за время жизни у Кеаго. Серебристая маска Анкс сделала Амбу ящерным Хвостом: у нее появились кожистые крылья, шея и руки до локтя покрылись чешуей, на пальцах появились широкие черные когти, продолжением позвоночника стал хвост рептилии. Она пришла в сознание довольно быстро и решила облететь окрестности, чтобы изучить новые ощущения и возможности тела.

Амба первая заметила приближение Сирроу Кутты в сопровождении адских привратников. Ксэ явился в Ад, выполняя приказ Хана заменить Хелен, призвавшую кентавров, и, наверное, еще ни один приказ он не бросался выполнять с таким рвением, зная, что сможет увидеть Селлах. Амба вернулась в штаб, чтобы предупредить всех о весьма неожиданном визите.

Воитель Кутта в сопровождении своих товарищей вышел навстречу Сирроу. Увидев их, кентавры молча исчезли, посчитав свое дело законченным.

– Дедушка! Не ожидал! Здравствуйте! – поприветствовал Сирроу Воителя.

– Да и я совсем не ждал. Как тебя сюда занесло?

– Это твой потомок, Кутта? У тебя уже, наверное, сотня внуков! – усмехнулся другой Воитель.

– Около того должно быть. Как папа, Сирроу?

– Замечательно, #Карьеру уже оставил, весь в собаках и младших детях.

За Воителями из особняка последовал Сфорца в сопровождении Амбы и Инга.

– Любопытно, весьма и весьма любопытно, – проговорил Демон, – Считаете своих потомков, а я уже сбился бы со счета, так вас стало много.

– Зачем ты нас вытащил? – спросил Инг, ожидая от Сфорцы подвоха в любую минуту.

– Во мне внезапно разыгрались родственные чувства, – Демон обнажил клыки в опасной улыбке.

– В каком это смысле? Алекс как-то говорил, что клан Кутта основал великий и ужасный Сфорца, и что они владеют его техникой объединения начал...

– Да, мы были первыми среди ксэ, кто стал объединяться с животными. В основе этой техники лежит именно заклятие Сфорцы, – Воитель Кутта почтительно кивнул Демону-основателю.

– То самое заклятие, которое я наложил на тебя, малец, – подмигнул Сфорца Ингу.

– Понял я, понял. Вы этим похвастаться нас привели? Устройте семейный ужин: Сфорца, Кутта-старший, Кутта-младший. Причем тут мы?

– И Кеаго, – сказала Амба, – Мы имеем с кланом Кутта общие корни.

– Не забывай, что ты Кеаго не по крови, – проворчал

Сфорца.

Амба без тени смущения рыкнула на него, словно в доказательство своей волчьей природы.

– Правильнее сказать, что Кеаго происходят от клана Кутта, – добавил Воитель, – Они выделились, когда начали эксперименты с темной чакрой. Чтобы сохранять ее, они вступали в браки с Хвостами, а потом изобрели печать, позволяющую передавать Тьму из поколения в поколение без потерь и создавать особый тип энергии, смешивая темную и водную чакры. Сначала Кеаго ставили эту печать своим единомышленникам из Кутта. Постепенно теоретическое обоснование их экспериментов приобрело религиозный характер, они превратились в сексту и стали принимать в свои ряды людей со стороны. Мы, Кутта, сохранили темную чакру до сих пор именно благодаря инициативе первых Кеаго рожать детей от темных. Теперь так просто там от нее не отделаться, Тьма закрепилась за нашим кланом на генетическом уровне.

– Значит, твое темное начало тоже на второй ступени? – спросил Инг у Сирроу.

Тот лишь кивнул.

– Да, детишки у меня все со своими заморочками. Те еще гордецы, что одни, что другие, – с удовольствием прорычал Сфорца.

Сирроу, не говоря ни слова, отошел в сторону особняка. На пороге показалась Селлах, которая смотрела попеременно то на Инга, то на него.

– Что ты тут делаешь?

– Я пришел, потому что знал, что ты здесь.

Селлах резко отвернулась, но не отошла от ксэ ни на шаг. Он протянул руку, чтобы прикоснуться к ней. Но в этот момент в доме раздался шум, заставивший Селлах сорваться с места. Сирроу и Инг вбежали вслед за ней.

В зале, где проходил общий сбор, она застала Ольгерда, держащего Максима за плечи. Того трясло и переполняло темной чакрой.

– Она не успокоится. Она очень голодна, – хрипел он, глядя отцу в глаза.

– Сейчас мы дадим ей разгуляться, потерпи немного.

Амба, Воители и Сфорца тоже зашли в зал.

– Ребятухи, надо выдвигаться! – обратился Первый Хвост ко всем присутствующим, – Кто может, собирайтесь на гулянку, идем на Азур.

– С корабля на бал, – Воитель Кутта положил невесомую руку на плечо Сирроу.

– Введите его в курс дела, – сказал Ольгерд, – На этот раз мы будем использовать настоящий огонь, не чакру. Разводите костры и готовьте масло, будем сооружать факелы. Времени у нас немного, моему сыночку сейчас сорвет крышу, и всем тут мало не покажется.

Макс сжался, согнувшись пополам, непроизвольно принимая обличие Хвоста. Он явно не продержался бы долго. Селлах в испуге отступила на шаг, попав в руки Сирроу, лас-

ково обхватившие ее за плечи.

– Мы с Максом можем выдвинуться первыми. Я буду прикрывать его Светом. У меня есть идея, как нам с ним преодолеть барьер.

Ольгерд внимательно посмотрел на Инга и кивнул. Чтобы проделать брешь в инквизиторском щите вокруг Азура, он предложил вместе ввинтиться в него, в вихре выпуская энергию контрастной природы, которая при одновременном точечном воздействии должна была расшатать внутреннее равновесие барьера. Схватив друг друга за плечи, Хвост и Харар облачились в темную и светлую чакры и на свой страх и риск, закрутившись, двинулись к щиту. Макс ощущал руки Инга, как раскаленные камни на своих плечах, от Света его мутило, но он не прекращал выпускать чакру, усиленную Мешер. Макс опасался, как бы маска не попыталась напасть на Инга, но она не посмела этого сделать.

«Сверло», в которое они превратились, пробуравило барьер, и Макс с Ингом влетели в Азур. Теперь для Мешер начался пир. Инквизиторы, которым она служила не одну сотню лет, были для нее еще более желанным кормом, чем обычные души. Макс позволил ей почти полностью завладеть своим разумом, о чем заранее предупредил Инга, и Харар постоянно следил за ним, защищая от атак Светом. Они прорвались к воротам и открыли их.

В город стремительно проникли две группы темных: Арахна, Ольгерд и Роксана – в одной, Сфорца, Амба и Ай-

ран – в другой. Они действовали по заготовленному плану, перемещаясь с поразительной скоростью по всем стратегически важным точкам города, как единые потоки Тьмы, не задерживаясь нигде дольше нескольких секунд.

Но еще более Инквизиторов поразили появившиеся следом Воители. У одних были луки, заряженные горящими стрелами, у других – факелы и мечи. Все они сидели на рвущихся в бой лошадях. Вместе с ними были Пушистый, Сирроу и Селлах.

Увидев две черных молнии, в которые превратились темные, и огненное озеро Воителей, Арч выдернул Анкс из толпы и завел в какой-то полуразрушенный дом.

– Всё на грани срыва, они догадались использовать настоящий огонь.

– Что вам нужно? Вы сошли с ума?! – в бешенстве прокричала Анкс, – Я должна быть там!

– Это срочно! Нужно менять тактику действий!

– Там Дьявол! Неужели не видел?!

– Денница? Я видел только...

– Не Денница, другой Дьявол, – перебила Анкс, – Вернее, другая, я знаю ее. Мне необходимо быть там, Арч! Дьявольскую чакру ни с чем не спутать. Уж я-то запомнила после боя с Денницей. Тогда я проиграла, но сейчас не должна. Я лучше умру!

– Вы бредите. Возможно, Денница действительно передал кому-то свою силу, хоть это и маловероятно. В таком слу-

чае носитель этой силы способен разрушить здесь все одним взмахом руки, а вы рветесь в бой. Вы лишились маски. Что вы сможете противопоставить Дьяволу? Советую вам успокоиться и разумно оценить свои возможности.

– Арч! Пусти меня! Дай мне свой меч! Я должна ее уничтожить!

– Пока вы не успокоитесь...

Анкс не стала слушать его и попыталась оттолкнуть от прохода. В результате она угодила в крепкий захват Инквизитора.

– Вы не оставляете мне выбора.

Он впустил в сердце Анкс светлую чакру. Она ощутила резкую боль, а потом неожиданно почувствовала небывалый прилив жизни. Почти сразу ей стало ясно, что ей усилили светлое начало, и все прочее вдруг стало неважно. Ноги ее подкосились, и она упала на пол с улыбкой на лице. Это было прекрасное чувство, ради которого стоило пойти на все это. Несколько слезинок выкатились из ее счастливых глаз. Больше не Хвост и не Шеган – в полной мере живая. И есть второй шанс на счастье.

Арч спрятал потерявшую сознание девушку за обломками и вышел из укрытия.

Теперь и он увидел новоявленного Дьявола во всей красе.

Когда Рейнлан, никого не предупредив, покинула Орден

Хвостов, верхом на Маданго Верте она направилась в неизвестном ей направлении. Мысли о том, что пришлось сбегать с поля боя, сейчас ее не беспокоили, она полностью доверяла своей интуиции. Город уже остался так далеко в стороне, что потерял свои очертания, когда ее встретили два кентавра-привратника – черный и рыжий.

Они поприветствовали Рейнлан кивком, всадница и ее конь ответили тем же. Она не знала, куда и зачем ее ведут, но даже не пыталась задавать вопросов, чувствуя, что все идет так, как должно.

Кентавры проводили Рейнлан к появившемуся посреди мрачной равнины лифту. Вчетвером они с трудом поместились в кабину, хоть она и была достаточно внушительных размеров.

– Надо бы сказать Деннице, чтобы сделал лифт побольше! – сказала Рейнлан и вдруг поняла, что именно Дьявол и хочет ее видеть.

Она нажала на кнопку «-8», и лифт тронулся.

– Я, конечно, и раньше пыталась побывать на восьмом Уровне, но эта старая развалюха никогда не трогалась с места! Представляете? – продолжила трепаться она.

Сейчас же «развалюха» стремительно неслась вниз, к центру Ада.

Когда двери открылись, перед ними оказались огромные кованые ворота, за которыми виднелся залитый солнцем луг.

– Как странно, никакой гнетущей Тьмы! У старика, ока-

зывается, есть вкус!

Черный кентавр молча отворил ворота и отступил обратно в кабину лифта. Створки медленно раскрылись перед Рейнлан, и она скомандовала коню идти вперед, но Маданго Верт не захотел идти дальше.

– Конечно, ты не испугался, я знаю, просто ты очень большой упрямец, – похвалила коня Рейнлан, спешила и прошла за ворота.

На всем обозримом пространстве вокруг ничего не было видно, кроме высокой сочной травы, покачивающейся на ветру.

– Тут так спокойно, правда?

Денница возник за спиной Рейнлан. Он сидел на траве, скрестив ноги, и безмятежно щурился на яркое небо. Отец Тьмы предстал в скромном человеческом облики, без кожистых крыльев, гигантских когтей и прочих сатанинских атрибутов. Он подставил лицо ветру и придерживал свои черные развевающиеся волосы.

– У нас будет поединок за трон Ада? – спросила Рейнлан.

Он нехотя взглянул на нее, словно уже успев позабыть об ее присутствии. Цвет его хитрых глаз обращал на себя внимание: левый был насыщенно-желтым и как будто искрился, правый хранил черноту всех ночей.

– Пусть будет так, – пожал плечами Денница.

– Я принимаю вызов! Начнем! – Рейнлан обнажила свой меч и встала в боевую стойку.

– Атакуй.

– А где твой меч? Я никогда не нападала на безоружного!

– Он мне не нужен, – Денница ласково улыбнулся.

Рейнлан помедлила, переступая через свои моральные принципы, но все ж решилась на атаку. Замахнувшись мечом, она пыталась нанести смертоносный удар, способный снести Деннице голову. Но ее атака не коснулась Дьявола, не причинив ему никакого вреда. Рейнлан попробовала применить собственную чакру, загоревшуюся всеми цветами радуги, серебром и золотом, принимавшую форму потока, волны и пламени, но все удары обтекали Денницу, как рука водораздельный камень.

– Ты закончила?

Он поднял на Рейнлан ехидный взгляд. В следующее мгновение ее сбил с ног и закрутил в спираль поток энергии, настолько мощный, что она потеряла ориентацию в пространстве и стала задыхаться. Это была не Тьма, а сила самого Дьявола, чакра его собственного начала. Она давила на Рейнлан со всех сторон, изнутри и снаружи, скрыв от нее залитый солнцем луг.

«Я не умру, ни за что не умру», – решила она.

Сила Дьявола стала проникать в Рейнлан, встраиваться в ее душу. Но она не ранила, а наполняла энергией Вселенского Хаоса, всей его многовековой злостью и мощью.

Осознавать себя она начала, только когда на огромных перепончатых крыльях уже летела к Азуру. Все ее тело горело

новой багровой чакрой. Каждым нервом Рейнлан ощущала всесилие и свободу.

Сверху Рейнлан увидела, как сражаются Инг и ее Лохматый, тринадцать Воителей с Сирроу и Селлах, Арахна и Ольгерд с Роксаной, Сфорца и Айран с Амбой. Картина битвы привела ее в восторг, и она громко рассмеялась.

– Да здравствует Дьявол! – воскликнул Ольгерд, отсалютовав ей.

Долго любоваться величием новоявленного Дьявола Арчу не позволили атаковавшие Воители. Анна и еще двое мертвых ксэ с полыхающими факелами повели против него дерзкий ближний бой. Арч не давал им подобраться к укрытию, где оставил потерявшую сознание Анкс – первоочередной его задачей было сместить зону активного боя в сторону от прохода. Ему пришлось долго отбиваться от умелых воинов, и это отвлекло все его внимание от наблюдения за ходом основного сражения. Во время их схватки в буквальном смысле запахло жареным: опасные ожоги на сероватой коже Арча выглядели, как жженая бумага. Плащ ему пришлось снять, когда кто-то из Воителей догадался поджечь его подол. Но за свою самоуверенность они расплатились сполна – все трое были уничтожены инквизиторским мечом.

Тем временем захватчики Азура начали отступление, и Арч, взяв на руки Анкс, последовал за ними. Откуда в Аду

появился новый носитель дьявольской силы, им еще предстояло разобраться. А сейчас Азур нужно было оставить и снова временно позабыть о Мешер. Защитный барьер был разрушен, и Инквизиторы, собравшись в условленной точке, все вместе беспрепятственно покинули город.

Анкс пришла в себя в комнате Арча. Он стоял к ней спиной и заваривал чай, раздетый по пояс; его тело мягко сияло волнами светлой чакры, которую он посылал в свои раны.

– Это можно как-то залечить? – подала голос Анкс, приподнимаясь.

– С пробуждением вас. Я могу несколько ускорить процесс заживления с помощью чакры. Таких явных следов не должно остаться. Извините, за мой непрезентабельный вид.

Без своего плаща Арч казался еще более худощавым. Почерневшие волнистые волосы чуть прикрывали его узкие плечи. Из черных ожогов сочилась мицура, а он спокойно протирали очки, опершись на подоконник.

Анкс остро ощущала свою беспомощность от того, что ничем не могла ему помочь. Несмотря на недавние модификации, которым подверглась ее душа, она не могла использовать светлую чакру.

Словно угадав ход ее мыслей, Инквизитор сказал:

– Итак, вы уже поняли, что я усилил ваше светлое начало до второй ступени, и теперь оно равнозначно вашему темному началу, благо маску вы успешно утратили.

– Не нужно напоминать об этом лишний раз.

– Напротив, освобождение от связи с Орденом Хвостов значительно облегчило ваше положение. Сейчас, по большому счету, вам ничего не мешает стать Инквизитором. Но я должен задать вам вопрос, готовы ли вы лишиться собственного начала?

– Может быть... Да... – стушевалась Анкс.

– Будет лучше, если мы отложим ваше превращение, – кинул Арч, словно речь шла о чем-то незначительном, и стал что-то искать в тумбе.

Анкс погрузилась в размышления. Она действительно была совершенно не готова к очередным переменам. Сейчас, будучи свободной от маски, с усиленным светлым началом, она сама удивлялась своему намерению стать Инквизитором. Но признаться в своей нерешительности она бы не смогла.

Арч вдруг оказался рядом, и ей тут же захотелось забиться в дальний угол.

– У меня есть просьба. Я лягу, а ты, пожалуйста, накрой мне спину марлей. Мицура никак не останавливается.

Арч впервые обратился к ней на «ты».

Он дал Анкс бинтовой сверток, лег на тахту вместо нее, положив голову на сложенные руки, и перестал выпускать чакру. Она немного помедлила и прикоснулась к его костистой спине.

– Все быстро придет в норму, не волнуйся обо мне. Закончишь, и устраивайся в соседней комнате.

Она стала пластами укладывать бинты на влажные от мицуры раны, уже подлеченные Светом, но еще внушающие отращение своим неестественным видом. Арч помолчал, прикрыв глаза, прежде чем сказать:

– Прости. Мы не смогли. Это поражение.

Анкс замерла.

– Просто ты устал.

– А ты? Тебе стало все равно?

– Да, Азур мне стал совершенно безразличен.

Она присела, чтобы посмотреть ему в глаза.

– Тогда и мне тоже, – сказал Арч.

Анкс не смогла сдержать желания погладить его по голове.

– Мицура, кажется, больше не выходит. Тебе нужно отдыхать, я пойду.

Анкс ночевала в соседней комнате, где все было приспособлено для живого человека – была ванная, свежая вкусная еда и разные напитки и широкая кровать. Когда она проснулась, Арча не оказалось у себя, и она отправилась за ним в библиотеку. Излюбленным прежде одиноким прогулкам она теперь предпочитала его общество. Казалось, все шло своим чередом, и ни войны, ни вообще какой-либо жизни до сих пор просто не было.

Несколько Инквизиторов выходили из читального зала со связкой книг и толстыми папками. На столе Арча были разложены кучи подобных папок и книг, он торопился создать на своем рабочем месте хотя бы видимость порядка.

– Привет, Анкс. У меня очередь, уже четыре души ждут, пошли со мной, – Арч стремительно подошел к ней и взял за руку.

Она удивленно поморгала и перенеслась с ним в Пространство Ожидания, не успев даже поздороваться в ответ.

– С прибытием, почтеннейший, – начал Инквизитор беседу с умершей душой, – Вы находитесь на Посмертном Суде. Меня зовут Арч, я буду рассматривать ваше дело. На рассмотрении будет присутствовать наш стажер. Вы не возражаете? Конечно, не возражаете.

Это была душа сорокадвухлетнего вора, умершего от меча ксэ в городе Фога на месте совершения преступления. Воровал, он потому что был рожден в семье воров, но в раннем детстве оказался изгнан из их общины, пытался даже стать Кеаго, но и там не задержался. Податься в деревни в юности он не мог из принципа, а потом уже было страшно, что казнят без разборок, только услышав, что он вор. Так всю жизнь он и бегал.

Однажды, забравшись в крестьянский дом, он застал там хозяйку, которая приставила к его горлу нож и пообещала не сдавать его, если он сделает, что она скажет. Ее муж был бесплоден, и она приказала зачать с ней ребенка. Он сделал все, что она хотела, и попытался забыть об этом случае, но хозяйка дома навсегда поселилась в его сердце. Вор стал постоянно приходить в этот дом, когда ее мужа не было, и хозяйка оставляла для него дверь открытой. В день рождения

своей дочери он решил украсть дорогое кольцо, чтобы подарить своей любовнице. Тогда-то, на ярмарке в городе Фога, его и убили.

– Тут очевидно Ад, но не очень низкий Уровень, не печальтесь, только за воровство.

Так прошло какое-то время – Анкс сложно было сказать, сколько именно. После четырех душ, упомянутых Арчем, поочередно появились еще несколько. Вскоре Анкс стало тяжело оставаться в Пространстве, и Арч, воспользовавшись первой же возникшей паузой, предложил ей отправиться на прогулку в Рай, отдохнуть.

– А это можно? – удивилась она.

– Почему же нет? У Инквизиторов там тоже имеется резиденция, только придется воспользоваться лифтом. У них там замечательный садик, можно собирать фрукты.

Он отвел Анкс к лифту, на котором собирались ехать души праведников, и завел ее в кабину. Они доехали так же быстро, как если бы поднимались на второй этаж обычного жилого дома.

Перед воротами Рая их встретил Ангел с большим мечом за спиной.

– Не волнуйтесь, не проверка, – сказал ему Арч.

Ангел вежливо улыбнулся, и Анкс вдруг почувствовала себя в полной безопасности.

– Перья у тебя мягкие, белые. У Хвостов совсем не такие, – с детской непосредственностью проговорила она, едва

не погладив крыло привратника.

– Не стоит лишний раз упоминать Хвостов, – Арч прикоснулся к ее плечу: – Я вернусь за тобой.

В Раю Анкс было хорошо, время ускользнуло от нее. Арч оставил ее там почти на полдня по земным меркам, но этого невозможно было почувствовать. Ей часто встречались Ангелы и умершие праведники. В восприятии Анкс это место выглядело, как роскошный сад, пропитанный умиротворенной радостью, деревья в котором одновременно плодоносили и цвели. Она сорвала несколько груш, крупных, розово-желтых, – больше в руках было не унести.

Когда Арч в черном плаще с закрывающим лицо капюшоном пришел забрать ее, она, не говоря ни слова, еще под впечатлением от своей прогулки, протянула ему все собранные плоды.

– Спасибо. Райские, как всегда, отменные. Идем, я и так задержался.

Его деловой тон и безразличие к такой возвышенной щедрости привели Анкс в чувства. В кабине лифта она уже полностью пришла в себя. Арч скинул капюшон, прислонился к стене и устало прикрыл глаза, придерживая у груди пирамидку из груш. Пока они спускались в саматскую библиотеку – а это показалось более долгим процессом, чем подъем из Пространства Ожидания – она любовалась им, не отдавая себе в этом отчета.

– У меня сегодня была неуравновешенная девочка, кото-

рую в двенадцать лет завлекли в секту Кеаго и сделали смертницей, – заговорил он по дороге к дому.

– Я там не бывала, но мне рассказывали, что это жуткие ребята.

– Жуткое сборище, – подтвердил Арч, – Я предлагал их разнести к Денискиной бабушке, но Совет Инквизиторов такую инициативу не одобрил.

– Как ты сказал? К чьей бабушке? – ушам не поверила Анкс.

– Да это так... Не бери в голову, – в его голосе угадывалось смущение.

– Ладно. А почему тебе не позволили уничтожить Кеаго?

– Я не знаю, свою позицию на совещаниях Инквизиторы в праве не мотивировать, и пользуются этим почти постоянно. Думаю, дело в покровительстве Сфорцы. А может, они просто забавляют Дьявола. Или не только его...

Анкс прочитала его намек на высшие силы, противоположные адским, и неловко усмехнулась своей догадке.

– У меня сегодня очень хороший опиум и зеленый чай. Составишь мне компанию?

– Пытаешься сделать меня зависимой?

– Я бы мог сделать это иначе, и более надежно, если бы хотел, ты сама знаешь. А пара тяг не сделает тебя наркоманкой. Злоупотреблять я тебе не позволю.

– Не позволишь, значит. Тоже звучит, знаешь ли...

– У живых очень быстро формируется зависимость, начи-

наются проблемы со сном, судороги, приступы удушья и еще многое.

– Тем не менее, ты предлагаешь покурить с тобой. Почему бы и нет.

«Вот змей!» – подумала Анкс.

Пока Арч готовил курительную смесь, Анкс поставила греться чайник на маленькую горелку. Она заметила на столе оставленную большую толстую тетрадь.

– Посмотри, – сказал Арч, заметив ее заинтересованный взгляд, но так что ей пришлось бы лечь или сесть рядом, чтобы прочесть, – Это регистрационный журнал уничтожения душ. Ненавижу их заполнять.

– Уничтожения? – Анкс присела и погрузилась записи, склонив голову на бок.

– Да, та девчонка из секты Кеаго.

Анкс оторвалась от тетради, испытав непривычное чувство потрясения.

– Почему? – только и смогла сказать она.

Арч помолчал. Его лицо, повернутое к ней в пол-оборота, с ее ракурса почти полностью было скрыто спадающими волосами.

– Она была не в себе и бросилась на меня, пыталась напасть. Такое бывает. Я не хотел вообще-то. Сбросил ее с себя, обнажил меч, сказал что это ее уничтожит одним ударом, что надо закончить дело. Она сама бросилась на оружие. Я хотел залечить ее светлой чакрой, хоть это и не приветству-

ется, но куда там...

Он как-то слишком сентиментально для себя вздохнул и втянул дым.

– Раз это уже произошло, и ничего не исправить, переживать нечего. Тебе ведь это не навредило, – взяла себя в руки Анкс.

– Хорошо сказано: «Не стоит переживать», – съязвил Арч, тщательно проговорив последнее слово.

Арч подвинул тумбу с накрытой стеклянным куполом свечой и подал зеленый чай с мятой, лайм, тростниковый сахар и овсяные печенья в черной керамической посуде. Сбросив свой новый плащ на пол, Инквизитор откинулся на диване и раскурил трубку. Согнув ногу в колене и втягивая дым, он был бы похож на восточного шейха, но казался для этого образа недостаточно габаритным.

– Можешь расслабиться, – Арч небрежно прикоснулся к ее руке, передавая трубку.

Через ее тело словно прошел электрический импульс; она отдернула руку и от чего-то заволновалась. Арч задержал взгляд на запястье девушки и по микро-судорогам смог заметить учащенный пульс.

– Как прекрасно, что твое сердце еще бьется, – вдруг сказал он.

– А твое – нет? – от неожиданности спросила она, не подумав

– У меня нет сердца, там внутри пусто. Только мицура,

каналы чакры и кости. Я ведь не дышу, не замечала? – он втянул дым и усмехнулся: – Легких тоже нет. Кстати, если тебе будет сложно уснуть после опиума, выпей чего-нибудь холодного. Лучше дождаться, пока чай остынет.

Анкс молча покивала. Она не знала, что делать с нахлынувшим на нее необъяснимым напряжением и старалась глубже дышать.

– Почему тебя так взволновало уничтожение души? – спросил Арч, словно оправдывая ее нервозность.

Она резко повернула голову на его голос, чувствуя, что разговор и теперь нужно вести очень осторожно.

– Хвосты ведь сами всегда стремились завладеть нашим орудием казни. Правда, завладев, почему-то были рады недолго, – продолжил размышлять Инквизитор, – Ну, вот Мешер принадлежит им. И что же? Довольны они теперь?

Анкс еще больше помрачнела и подобрала под себя ноги. Она вспомнила, что так любил сидеть Макс, но не смогла заставить себя поменять позы.

– Кстати, можешь не переживать, ни у кого нет предрассудков на твой счет из-за того, что сделал твой отец... Украсть Мешер, орудие казни... Никому из нас и в голову не приходило надевать ее на себя! Можешь представить себе, какая сила в ней заключена? Ее создали Антарэс и Ангелы, вложив в нее энергию Света и Тьмы невообразимой мощи. Но он, должно быть, решил, что способен на все и совладеет с ней. Беда в том, Мешер похожа на вирус, и подстраивается

под сущность того, с кем контактирует. Темные – идеальная жертва для нее, ими ведь движет только жадность до силы и свободы. Она создает наилучшую иллюзию могущества, а сама поработывает их. Но эти гордые твари никогда не вернут нам ее... Знаешь, когда я поднял вопрос о войне с Азуром, кое-кто высказался, что нам лучше просто дождаться, пока Мешер сама их всех сожрет.

Анкс вспоминала всех Хвостов, погибших из-за Мешер на ее памяти. Большинство лишались жизни через несколько месяцев: или погибали от общего истощения, или перерезали себе горло, или отдавали душу Маске. Но каждый считал себя особенным – другие не справлялись, а он сможет. Анкс подумала, что Максим, скорее всего, тоже скоро умрет. Перед глазами у нее стояла сцена их нелепого расставания. Он тогда, как сквозь сон, спросил: «Хочешь, чтобы я насовсем оставил тебя?», – а потом просто: «Я понял», – и сразу бросился к своей Мешер. Должно быть, он только того и ждал.

Арч смотрел на отстраненное лицо Анкс и видел все ее тревоги, не прикладывая ни малейших усилий, чтобы прочесть ее мысли.

– Если на чистоту, я вообще не хочу делать тебя Инквизитором, – вдруг сказал он.

– Я так и думала. Но почему?

– Тебе нужно восстановиться. Ты недавно получила усиленное светлое начало, нельзя так часто терзать душу.

Анкс саркастически посмотрела на него, и теперь пришла

очередь Арча отводить взгляд.

– Тебе не пойдет серый оттенок кожи. Лучше всего, если бы он остался таким же свежим.

Арч осторожно взял ее за руку и прикоснулся к ней губами. Анкс оцепенела.

– Забудь про все, забудь, Анкс, и расслабься.

Она закрыла глаза, показывая доверие, но не сразу смогла расслабиться. Арч стал целовать ее шею, лицо и губы.

– Ты боишься?

– Нет, – прошептала Анкс, не открывая глаз.

Она позволила снять с себя одежду. Он продолжал деликатные поцелуи и ласки своими холодными пальцами, а потом и неторопливым языком. Сквозь наслаждение Анкс ощутила где-то внутри странное покалывание, как легкий разряд тока. Ее чakra прошла насквозь по каналу с низа позвоночника до черепа и белым огнем вырвалась наружу. Минутная нирвана, прямо здесь в аду. В последние мгновения Арч выгнулся, закрыв глаза ладонями, потом его руки произвольно поползли вверх, подняв волосы со лба, и чakra Анкс взорвалась завершающей вспышкой.

Анна была среди тех троих Воителей, что напали на Арча во время последнего сражения в Азруе, когда он только сделал Анкс человеком, и погибли от его руки. В Лесабру вернулся только Кутта и еще двое Воителей. Макс остался в

доме Пушистого вместе с Линой, чтобы прийти в себя после дикой охоты. Сам Пушистый чудом уцелел и выхаживал их обоих вдвоем с Рейнлан, на физическом состоянии которой приобретение силы Дьявола сказалось, скорее, даже в лучшую сторону. Исключая проблемы внутреннего диссонанса, она чувствовала себя превосходно.

Теперь светлое начало Рейнлан находилось в тисках огромного багрового удава, который представлял собой передатчика дьявольской воли. Грифон, ее собственное начало, пока не нашел со змеем общего языка, а светлое начало постоянно норовило вырваться.

Остальные живые покинули Ад. Айран, наконец, отправился к Кате, еще не зная, что ее в помутнении рассудка убила Хелен. Амба вместе с Ингом вернулась в деревню Ту – ей по многим причинам непросто далось это решение, но идти с Айраном она не могла, а увидеть Алекса впервые за несколько лет было необходимо. Сирроу и Селлах тоже переместились на Землю – они никому не сказали, куда, но ушли вместе; Селлах лишь передала Алексу просьбу о непродолжительной отлучке. Раны Зары еще окончательно не зажили, но она решила не отлеживаться в Азуре, адская атмосфера неблагоприятно воздействовала на нее. Впрочем, в обществе одинокого Джакомо ее лечение протекало весьма специфическим образом.

Этот холодный декабрьский день они провели вдвоем. Из кабинета Комохо разносился крепкий запах дыма канны и

доносился пьяный смех. Им обоим было невдомек, что во дворец беспрепятственно прошел лидер секты Кеаго.

Открыв дверь, Сатанг увидел Джакомо, сидящего на своем рабочем столе в обнимку с черноволосой девушкой. Между пальцами у него была зажата самокрутка, а на губах повисла нетрезвая улыбка.

– Это ты! Господин Кнес! Заходи! Давно тебя не видел! Будешь? У меня еще осталось! – выпустив дым через ноздри, Джакомо тише добавил: – Хорошая трава...

– Мне нужно видеть Амбу, – сухо сказал сектант.

– Какая еще Амба? – подала голос Зара, – Ты говорил, что завязал с остальными! Я же у тебя одна? Скажи?

– Конечно, одна! – Рубрус приобнял ее за талию.

– Что ты ко мне пристал! Дай сюда! – она отняла у него самокрутку и затянулась.

– Ты слышал, Рубрус? Я ищу Амбу, – повторил Сатанг.

– Для меня она умерла! – отмахнулся Джакомо.

– Где она?

– Откуда мне знать? Все в шенад! – Рубрус широко отмахнулся.

– Я никуда не уйду, пока не получу информацию.

– Тогда тебя вышвырнут отсюда! Как ты разговариваешь с Комохо, будь ты хоть трижды Кнес?

– Кеаго заняли твою деревню за несколько минут. Твои люди слишком привыкли к отсутствию дисциплины и потеряли бдительность.

Джакомо в секунду протрезвел.

– Итак, где Амба?

– Какого шенада ты ищешь тут его бывших? Сказано тебе, Амбы тут больше нет! И ты проваливай! – выдала Зара.

Сатанг в момент оказался у письменного стола, за волосы стащил Зару с колен Джакомо и перерезал ей горло. Со спокойным достоинством он отошел в сторону от фонтанирующего кровью тела, еще несколько секунд трепыхающегося на столе. Комохо облокотился на поверхность стола, и навис над Зарой, испачкавшись в ее крови. Шокированный Джакомо хотел прильнуть к ней, но в его шею угодил брошенный кинжал. Рубрус не отрывался от Зары, но послал в рану исцеляющую чакру, механически вытаскивая из шеи клинок, не обращая внимания, что кровь хлестала и у Зары, и у него самого.

Сатанг подошел к Джакомо сзади, и свалил на пол ударом колена. Рубрус словно очнулся, рывком поднялся на ноги и бросился на Сатанга с найшу в руке. Он подставил под удар другой кинжал, блокировав атаку. Противники проникали во взгляды друг друга, сведя боевую дистанцию до минимума. Наконец, рука Комохо дрогнула, и Сатанг смог нанести последний удар. Лезвие глубоко проникло в тело Джакомо, и он, весь перепачканный темно-красным, рухнул на пол рядом с письменным столом, на котором лежала его мертвая любовница.

Сатанг вышел из кабинета правителя деревни. Он погру-

зился в тяжелые воспоминания двадцатилетней давности, когда, сделав привал неподалеку от деревни Ма, они с сестрой и приятелем, видели издали этот самый дворец и представляли, как он помпезно разрушается. Теперь его сестра, милая Сольвейг, мертва – причем по милости того самого приятеля. Она погибла, рожая от него щенка, который сейчас мнит себя главным светлым. Впрочем, Сатанг никогда до конца не доверял Эльхесу, все же он был пришлым. Но тогда он казался своим, разделял его мечты о завоевании всего Ханства и даже довольно толково разъяснял, как это можно было бы устроить. Теперь Сатанг перебирал в памяти содержание этих юношеских бесед, в которых, какими бы наивными они ни казались, изо дня в день излагались элементы стратегического плана по захвату Ханства.

Одна застава только что пала перед Кеаго, Сатанг приказал своим людям занять ее. Нужно было принести жертву, задобрить своего бога, чтобы получить благословение. И он припоминал, что в деревне Ту живет девушка, на щеке которой остался незаконченный жертвенный знак. По иронии судьбы именно Джакомо Рубрус тогда помешал Сатангу закончить дело.

Судьба решила до конца выдержать абсурдный характер переплетения жизненных путей. Кеаго был так погружен в свои возвышенные размышления, что, совсем позабыл об оставленных в кабинете Комохо телах. Между тем, он допустил серьезную ошибку, не проверив, прикончил ли обоих.

Еще несколько минут Зара оставалась живой. Она собрала остатки сил, чтобы перенестись в деревню Ту и предупредить Алекса, с которым когда-то сражалась, о захвате деревни Ма.

Макс с Рейнлан остались жить в доме Пушистого. Лина после гибели Иллиса находилась в крайне подавленном состоянии, и было принято решение, что ей нужно перебраться жить к Ольгерду. Она не смогла бы сейчас оставаться рядом с младшим братом.

После пира Мешер на последнем сражении в Азуре Макс отчетливо ощущал, что маска пробралась в его разум еще глубже. Он мучился кошмарами и приступами лунатизма. Рейнлан постоянно была рядом и всегда будила, если спать становилось для него слишком опасно.

Максима нужно было срочно доставить в деревню Ту к Ингу и Николасу, но постоянные атаки Мешер не давали ему восстановиться в достаточной степени, чтобы он смог перенести такое агрессивное воздействие светлой чакры, какое было необходимо для искоренения маски из его сознания. Мешер чувствовала, что утрата контроля над Хвостом будет означать ее гибель. Макс тоже понял, что любой сон может оказаться для него последним. Он старался спать как можно реже и постоянно занимал себя чтением, общением с Рейнлан, иногда – если позволяло состояние – тренировками.

Чтобы снять болевые симптомы и легче переносить бессонные периоды, он иногда брал у Пушистого канну.

Активных действий маска однако не предпринимала. Макс постоянно ощущал ее присутствие, и вскоре оно сделалось слишком привычным. Рейнлан видела, что он научился справляться с Мешер, и тоже постепенно стала расслабляться. Хоть она теперь и обладала дьявольской силой, все же ей был необходим полноценный сон.

Мешер напомнила о себе именно в тот день, когда Рейнлан и Макс впервые за долгое время уснули одновременно. Она звала, она требовала, она вопила. Максим широко распахнул глаза и бесшумно сел на кровати. Рейнлан не слышала голоса маски и продолжала спокойно спать. Макс посмотрел на стол, на котором лежала его черно-белая маска... Его маска! «Сама Сила! Я так нужен Тебе! Какое счастье, что я нужен Тебе! И Ты нужна мне! Я обожаю Тебя! Дай мне еще этой чудесной Силы! Дай! Я сделаю все, как Ты пожелаешь! Я Твой!»

Он начал с хозяина дома: в секунду порвал на части Пушистого, не успевшего даже закричать, и скормил маске его мицуру. Сразу же после этого он переместился на Землю.

Была холодная ночь. В замершем тихом лесу, припорошенном снежком, появился одержимый Хвост. Он извивался, выкручивался, взлетал в вышину и пикировал вниз. Приземляясь, он чуть не врезался в ствол высокой ели и ободрал себе бок ее колючими ветвями. Его страшно ломало, и жаж-

да убийства не оставляла ни на секунду. Мешер почувствовала живые души и поманила его в крестьянскую деревню, расположенную неподалеку. Он издал дикий крик, переходящий в рев, и полетел туда.

В первом же доме, куда он забрался, оказался пятилетний мальчик, которого настолько парализовал страх, что он не смог издать ни звука. Хвост бросился на него и ударом когтистой лапы порвал ему горло. Кровь брызнула из раны, и Макс припал к ней. Позади с лопатой в руках оказался отец несчастного мальчика. Он ударил Хвоста по голове, тот оторвался от жертвы и пошатнулся. Не позволяя ему опомниться, крестьянин стал бить по спине, голове, шее. Макс откинул его потоком Тьмы к шкафу с посудой. Тарелки со звоном посыпались на отца, а Хвост одним прыжком оказался рядом и покончил с ним так же, как только что расправился с его сыном.

Душа уже покидала тело мальчика, и Мешер стала требовать ее. Макс снял маску с лица, отдал ей чистую, еще не знающую гнева и ненависти душу. Сам он прильнул к рваной ране на теле отца и стал втягивать горячую красную жидкость. Когда Мешер покончила с юной душой, она подтянула свой длинный язык к новой жертве. Макс голодными глазами смотрел, как она пожирает душу крестьянина, и мицура вместе с кровью растекалась вокруг тела. Он тоже хотел ощутить вкус души и, наконец, не вытерпел и стал слизывать с пола остатки пиршества маски.

Потом туда сбежались другие жители. Макс убил двух женщин и собаку, которая бесстрашно набросилась на него, пытаясь защитить своих хозяев...

После, весь в крови, он улетел из деревни, оставив крестьян в совершенном ужасе. Один из них, быстрее других опомнившийся от шока, отправился к Хану и доложил ему о случившемся. А Хвост пролетел еще не одну сотню километров, доведя себя до полного изнеможения, прежде чем вернулся в Ад.

Макс вошел в свой мрачный дом и устало прислонился к стене. Он смотрел в пустоту, не моргая, крепко сжав мокрые от пота пальцы в кулаки. Все его тело жрала дикая боль, раздирая каждую клетку, пронзала каждый нерв. Он на минуту упер в Рейнлан тяжелый взгляд своих отечных красных глаз. Каждый удар сердца приносил новую вспышку боли. Макс добрался до дивана и тяжело повалился. Он лежал ничком, страшно бледный, с прикрытыми глазами, абсолютно без сил, и тихо, чуть заметно дышал.

Рейнлан укрыла его теплым пледом и под села рядом, напряженно глядя на него. Макс погрузился в забытие. Погладив его по спине и по крыльям, Рейнлан почувствовала, что он очень напряжен. Стиснув зубы, Макс зарычал, а Мешер смотрела не него пустыми глазницами и ухмылялась. Рейнлан тут же принялась будить его: трясти и кричать, но он все не мог очнуться. Тогда она впустила в его тело заряд дьявольской чакры, и только это заставило его вернуться.

– Что случилось, Макс?

– Она чуть не убила мое светлое начало, – в ужасе выжал он, часто дыша.

– Смотри мне в глаза, – Рейнлан обхватила его голову руками и проникла в его сознание.

Она увидела узкий черный коридор, в самом его конце – Мешер, язык которой разделялся на три части и тянулся к каждому из начал души. Темное, полуросомаха, сидело подле самой маски и преданно глядело на нее. Собственное начало стояло на коленях прямо напротив Мешер. Светлое начало с парой белых крыльев находилось дальше всех от Мешер, но черный язык исхитрился дотянуться и до него. Багровый дьявольский змей, впущенный сюда Рейнлан, зашипел на маску, и та, ощущая противостоящую ей силу, отпустила светлого Макса.

Но дьявольское начало не успокоилось на этом. Змей внезапно обвил Ангела хвостом и попытался бы сожрать, если бы Рейнлан вовремя не овладела ситуацией и не вывела его из сознания Макса.

– Ты как? – от волнения выкрикнула она.

Макс оглядел ее мутным взглядом и ничего не ответил. На пол хлынула рвота и кровь.

Со времени последнего боя в Аду Селлах и Сирроу не появлялись дома. Они провели вместе целый день на Земле,

гуляя по ярмаркам, – Сирроу не торопился на отчет к Хану, – и теперь уже готовились встретить ночь. В одной из крестьянских деревень они купили бутылку вина и теперь шли, улыбаясь и обнимая друг друга. Они остановились у реки, протекающей неподалеку от деревни Ту, и устроились в зарослях высокой травы.

– Ты в порядке? – спросил Сирроу, проведя по волосам девушки.

Вместо ответа последовало мягкое прикосновение губ девушки. Он продолжил поцелуй, обвив руками талию. Оторвался от губ и перешел на шею, спускаясь вниз на плечо, целуя и постепенно обнажая его. Она запустила руки под одежду и проводила холодными пальцами по его спине. Дрожь пронзила его тело. Он сильнее напрягся и замер. Потом набрал воздух и начал долгий, страстный поцелуй. Проникал языком глубже, запускал пальцы между волос, не отрываясь до той предательской секунды, пока не кончится воздух, а потом еще на мгновение прикоснулся к губам. Она проводила по спине уже с большей страстью и оставляла на коже красные полосы. Она приближалась к его шее, и он ощутил неровное обжигающее дыхание девушки и поцелуй, который перешел в плавное движение языка до мочки уха, а потом укус. Он сильнее выгибался и уже почти не дышал...

Но внезапно они оставили нежные ласки и стали вслушиваться в тишину. Напрягающий шорох проникал сквозь вечернюю тишину.

– Кеаго... – пробормотал Сирроу.

Около сотни сектантов направлялись к Ту: пробирались сквозь густую траву, шли по отмели, летели в облике воронов. Они заметили влюбленных. Те не трогались с места, но каждый из них сжимал рукоять своего оружия. Сатанг перекинулся взглядом с парой Кеаго и вместе с ними неожиданно пошел в атаку. Остальные же продолжили путь к деревне без своего Кнеса.

Сатанг стремительно ринулся к Селлах. Задачей двоих других сектантов было предотвратить вмешательство Сирроу. Печать на щеке Селлах, когда-то начатая Сатангом, все еще была не завершена, а Кеаго не позволяют раненой жертве сбежать. Когда Селлах упорно тренировалась в лесу в одиночестве, Джакомо Рубрус, который стал Комохо деревни Ма и только что отдал за нее жизнь, прервал процесс жертвоприношения живой крови богу Дождя. Но сейчас Сатанг не был один и считал, что на этот раз ничто не помешает ему завершить печать.

После непродолжительного ближнего боя Сатанг прижал Селлах к дереву и заглянул в ее зрачки своими стальными глазами. Все, как в прошлый раз. И так же страшно. Снова показались острые лезвия, которые словно когти выходили из надетой на руку перчатки. Холодная ухмылка на лице сектанта. И Сатанг продолжил вырезать замысловатый узор на щеке Селлах. Та пыталась сопротивляться, но любое движение грозило ее удушьем. Она ожидала, борясь с острой бо-

лю, чтобы не выпустить наружу крик или слезу. Кнес вскоре завершил печать и отпустил жертву, чтобы произнести молитвенные заклинания. Селлах медленно сползла по дереву на землю, слизывая с губ свою кровь.

Увидев, как Кеаго применил свое искусство на его любимой, Сирроу пришел в такую ярость, которая дала ему невероятный импульс сил. Он мгновенно послал огненную чакру в меч и оттолкнул Сатанга от девушки. Он уже почти пронзил его шею, но тот ловко увернулся и выкрутил Сирроу. Пока Кеаго заносил клинок, ему удалось вырваться и ранить его в бок. Ксэ был в неудобной позиции и после атаки не удержался на ногах. Сектант схватил его за шиворот. Сирроу выпустил вспышку Огня, заставив Кеаго отдернуть руку. Сирроу снова пошел в атаку. Раны болели и кровоточили, но он продолжал напирать на Кеаго. Он присоединил к Огню свой сильный Ветер и направил меч в солнечное сплетение. «Отправляйся к своему богу!» – промелькнуло в мыслях ксэ.

Сирроу подошел к Селлах. Теперь печать Кеаго была завершена, и техника уже начала свое действие. На коже девушки образовалось множество порезов, из которых текла кровь. Селлах пыталась затянуть ранки исцеляющей чакрой, но они не поддавались. Сирроу взял ее на руки. Она обняла его за шею и, утратив попытки помочь себе, направила зеленую теплую чакру в его тело.

– Что это за странные раны? Что он сделал с тобой? – тихо проговорил ксэ, напряженно вглядываясь в оставленную

метку, которая начинала чуть заметно сиять голубоватым.

Селлах оторвалась от своей работы и посмотрела в глаза Сирроу.

– Печать Кеаго сделает меня жертвой их богу. Мне нужно вернуться в свою деревню, там могут помочь. Воспользуемся Хантай-Ни.

Айран вернулся в деревню Ту, как только узнал о гибели Каты и его нерожденного ребенка. Он был готов принять казнь как вор, предоставив случаю распоряжаться своей разбитой жизнью. Но Алекс, предупрежденный Зарой о возможном нападении Сатанга, с готовностью составил ему протекцию. Прежде, чем погибнуть прямо на ковре в его кабинете, Зара успела напомнить Алексу, как по иронии судьбы еще только летом, во время войны между Ту и Ма, им пришлось дважды сойтись в бою: один раз, когда Алекс, Инг и Селлах разбили партизанский отряд Зары, и второй раз – в последнем решающем сражении. О теле наемницы позаботились со всеми почестями.

Айран, умелый воин и обладатель силы Хвоста, к тому же имеющий немало сведений о Кеаго, был сейчас необходим деревне. Несложно догадаться, что свое слово здесь сказала и сестра Комохо.

Чтобы отблагодарить Амбу, Айран наведлся в выделенную для нее ученическую комнату в общежитии. Он застал

ее в раздумьях, напряженно вглядывающейся в горизонт у открытого окна.

– Он ищет меня. За мной сюда и придет, – сказала она вместо приветствия.

Айран помолчал и подошел ближе.

– Сатанг? – он положил ей руку на плечо.

Амба не сдержалась и, круто развернувшись, уткнулась в его грудь. Он осторожно погладил ее по спине.

В это время внизу послышались голоса. Группа санитаров совещалась о чем-то на пути к госпиталю. Из их разговора Айран выхватил имя Селлах.

– Амба, я зашел, только чтобы сказать тебе спасибо, что у меня не возникло проблем с Комохо, – объяснился Айран, отстраняясь от нее.

– Нам нужно в больницу, да?

Они с Амбой поспешили вслед за медиками. В палате на кушетке лежала обессиленная Селлах, из которой печать Сатанга на глазах вытягивала энергию. У изголовья с одной стороны сидела медсестра, постоянно протирающая кровоточащую рану на щеке, а с другой стороны стоял Сирроу.

Увидев Айрана, ксэ машинально обнажил меч и встал в боевую стойку, преградив ему путь и выпалив скороговоркой:

– Ты что здесь забыл, драный кот?

– В сторону, – рыкнула на него Амба.

Ксэ опустил меч, оробев от ее волевого взгляда. Айран по-

дошел к Селлах со стороны медсестры, она вымучено улыбнулась ему.

– Это печать Кеаго? – напряженно спросил он, пряча волнение.

– Да, – выжала девушка.

Айран попросил сестру выйти, присел на край кушетки и осмотрел вырезанный на лице Селлах узор.

– Будет больно. Придется терпеть.

Она кивнула.

– Знаешь, как выжигать наши печати? – Амба заглянула ему через плечо.

Сирроу с недоверием покосился на бывшую сектантку.

– Пришлось кое-чему научиться, прежде чем соваться в ваше логово.

Айран приложил кончик пальца к лицу Селлах и стал выпускать из него сжатую до тонкого луча чакру Тьмы. Амба и Сирроу, одна с интересом, другой с тревогой наблюдали за процессом. Невероятная точечная концентрация энергии позволяла выжигать печать.

Айран почти закончил, когда в палату без стука ворвался Инг Сефид.

– Как она?!

– Печать больше не действует. Ей нужно отдохнуть, – ответил Айран, не отрываясь.

Селлах переводила благодарный, почти стыдливый взгляд с Айрана на Сирроу и Инга. Амба, только взглянув на во-

шедшего брата, метнулась к окну, догадавшись о причине его прихода.

– Они в деревне, – одновременно произнесли оба.

– Я понял. Сирроу, оставь Селлах на попечение медиков и присоединяйся, – сказал Айран.

Вместе с Амбой он вышел из палаты вслед за Ингом. В больничном коридоре их встретила Али, метнувшаяся к своему Харару, как ласковый котенок.

– Милая, не сейчас, прошу тебя. Предстоит жестокая битва, – сухо ответил Инг, даже не остановившись, чтобы обнять ее.

– Хочешь побыть один? – огорчилась Макарано.

– Да, оставь меня, пожалуйста.

Его взгляд был непривычно жестким, и Али в недоумении пропустила мимо себя троих воинов. Амба отлично знала, что с ним происходит. Она задержалась, проходя мимо Али.

– Присмотри за ним, Царица. Это все чакра Кеаго, его зовет кровь.

Алекс приказал окружить деревню оборонительным кольцом. Оно успело замкнуться до приближения Кеаго.

Инг ощущал их силу, и его темное начало ликовало. Он не выдержал, оторвался от своего отряда, забрался на смотровую башню в окружной стене деревни и по-волчьи завыл оттуда, как выли на луну все сектанты. Услышав его зов, Сатанг замер. Только он сам имел право исполнять песню вожаков из чистой линии. Целый хор Кеаго и их волков ото-

звались Ингу.

– Не отвечать этому недоноску! – приказал сектантам Сатанг, стараясь не выдать неуверенности, что они подчинятся.

– Не атаковать башню! – приказал сихэ Алекс, стараясь не выдать неуверенности, что ситуация под контролем.

Когда началось сражение, Инг остался в башне. Постепенно он стал различать энергию сектантов, а потом и слышать их отдельные мысли. «Кто ты? – раздался в его сознании вдохновенный голос одного из них, – Я помню твою чакру!»

– Я Кеаго! – прокричал Инг из смотрового окна.

Тут же страшный стон вырвался из его груди. Он свалился на пол и забился в угол, закрыв голову руками.

– Я Харар! – прошипел он сквозь зубы.

Снова раздался вой, призывающий Инга встать на сторону Кеаго. Разрываемый внутренней борьбой, он вскочил на ноги и ударился об несущий столб башни, разбив висок в кровь, чтобы привести себя в чувства. Али с внешней стороны от стены, где шло сражение, видела, как он терзается, и больше всего сейчас хотела оказаться рядом.

Стоило Царице только отвлечься, как ее на ходу полоснул кинжалом Кеаго верхом на огромном волке. Чакра сектанта, помесь водной и темной энергии, прошла по всему телу Царицы, вызвав судорогу. Кеаго развернул волка для лобовой атаки, но Али быстро пришла в себя и, обнажив меч, ударила наотмашь в грудь прыгающему на нее зверю. Раненый волк отскочил в сторону, не удержав на спине своего хозяи-

на. Меч Али запылал силой Антарес, и она решительно нанесла удар, прикончив его. Сектант отполз в сторону, постаравшись скрыться от нее в суматохе сражения.

Но вдруг Кеаго начали отступление. Как по команде, они торопились выйти из сражения и покидали даже самые выгодные позиции.

Сатанг нашел то, за чем пришел. Но разделить тандем Амбы и Айрана ему не удалось. Другие сектанты защищали его только до тех пор, пока меч Амбы не пронзил его сердце.

Как только вожак перестал дышать, их восприимчивое коллективное сознание восприняло приказ к отступлению. Они не могли задумать о том, кто повелевает ими. Этот приказ имел такое же безоговорочное глубинное воздействие, как приказ законного Кнеса, хотя исходил от сихэ деревни Ту, Инга Сефида.

Без воли Кнеса Кеаго не представляли собой организованной силы. Они покинули деревню, не успев нанести ей значительного вреда. Но колоссальному воздействию подвергся тот, кого можно было чествовать за их скоротечное отступление.

Инг остался под присмотром Николаса, который убедил Али, что для обретения душевного равновесия Харару необходимо временное отсутствие контакта с ней.

– Она в порядке, – сказал Николас, вернувшись к Ингу в

тишину личных покоев Комохо, куда не было доступа никому, кроме Алекса.

Инг сидел на стуле, отвернувшись к пустой стене. Он слышал его слова, но не смог выдернуть себя из прострации, чтобы как-то отреагировать. Николас присел на небольшой диван за его спиной.

– Поговори со мной, Инг. Что ты чувствуешь?

Инг долго молчал, прежде чем ответить:

– Не могу вспомнить, кто я, и откуда взялся. Заставляю себя думать, что знаю это, но не могу поверить.

– Откуда ты взялся достоверно известно. Как и все мы – из чрева матери. Именно в этом и дело, в твоей прекрасной маме, Сольвейг Кеаго. Я сейчас задумался, выходит, мы с Сатангом были в некотором смысле родственниками. Сольвейг была его родной сестрой.

– Вы видели ее?

– Однажды в наш сад забралась девчонка Кеаго. Я видел, как твой отец, Эльхес, помог ей надрать нашего винограда и показал тайный ход. Так они столько набрали, что одной ей было не унести, и эти двое сумасшедших решили, что он может помочь донести добычу до дома, прямо в логово Кеаго. Так он первый раз попал в их пещеры.

Инг не проявлял никакого видимого внимания, но Николас знал, что он слышит каждое слово.

– В тот день Эльхес узнал от Сатанга, что такое их чакра и их яд, – продолжил учитель, – На следующий день, дома,

отец решил, что он пьян, потому что ноги его не держали от слабости. Он избил Эльхеса в наказание и отправил в таком состоянии в академию. Мне до сих пор стыдно, что я даже не попытался его защитить. Только мне Эльхес сказал, что был в пещере Кеаго. С тех пор он стал там частым гостем, несмотря на неудачное знакомство с Сатангом. Его уже тогда готовили к тому, что он будет Кнесом, поэтому он мнил себя важным человеком. Вообще-то у них проводится поединок за право обладания этим статусом, но он носит, скорее, характер ритуала, потому что наследники Сфорцы, люди из чистой линии, всегда побеждают в бою. Постепенно Эльхес со многими сошелся, и с самим Сатангом в том числе. Он как-то даже проговорился, что они ради забавы продумывали план захвата Ханства. А теперь вот Сатанг решил попробовать воплотить этот план. Не удивлюсь, кстати, если именно тот самый план, который они с Эльхесом сочиняли, накурившись канны...

Инг чуть усмехнулся. Это уже было большим продвижением.

– Он канну курил?

– Да, с ними, бывало. И много курил вообще-то. Даже в день твоего рождения накурился. Правда, от горя, из-за Сольвейг. Да и не знаю, решился ли бы он тебя выкрасть, если бы не накурился тогда...

– Выкрасть? Кеаго хотели, чтобы я остался у них?

– Конечно. У тебя была возможность убедиться, что ты

обладаешь властью над ними. А кроме того Сфорца не просто так запечатал Агварэса в своего потомка. Он хотел сделать его рабом людей. И, конечно, он выбрал Кеаго, а не Кутта, потому что, попади Агварэс в руки ксэ, он стал бы оружием Хана, то есть оружием светлых. Видимо, Сфорца посчитал, что достаточно сильным, чтобы удержать в себе Демона, может быть только потомок чистой линии Кеаго. Такую модификацию над душой можно произвести только с еще не рожденным человеком, а Сольвейг была единственной дочерью главы клана, поэтому все сходилось именно на тебе. И, разумеется, они пытались тебя вернуть.

Инг резко развернулся на стуле лицом к Николасу.

– Расскажите мне!

– Хорошо, мальчик, – Николас тяжело вздохнул, – Помню, как Эльхес сказал: «Не хочу, чтобы он стал таким же повернутым фанатиком, когда вырастет». Фанатиком, или нет, а было очевидно, что ты станешь великим. Ты очень рано научился улыбаться, и, улыбаясь, становился похож на Эльхеса. И в то же время от тебя с первых дней жизни веяло холодной древней силой. Я понимал, что Кеаго несложно будет обнаружить твою чакру. Сатанг пришел за тобой уже на следующий день. Ему удалось проникнуть в деревню, а затем и влезть в наш дом, так что он совершенно спокойно вошел в комнату, где мы с моей женой сидели у твоей колыбели. Эльхес должен был спать наверху, но он ворвался в комнату прямо следом за Сатангом. Тогда сектант, не обращая на

нас никакого внимания, сказал ему: «Никогда сын Сольвейг не будет никем, кроме Кеаго». Эльхес ответил, что ты будешь носить имя Сефид. Сатанг обвинил его в надругательстве над именем его сестры, и тогда началась битва прямо в нашем доме. Сатанг был не один, и мы вступили с ними в бой. Эльхес крикнул моей жене: «Забери Инга!» – он первый раз назвал твое имя. Она обернулась птицей, схватила тебя и улетела. Кеаго не нашли тебя, потому что она умела прятать сигналы чакры, которые они могли учуять.

Николас умолк. Инг смотрел на него, обдумывая все сказанное. Было так тихо, что послышавшиеся в коридоре шаги сразу же выдали приближение Алекса. Он постучал в дверь, прежде, чем войти в собственную спальню.

– Я не помешал?

– Нет, мы как раз закончили. Что случилось?

– Мне сообщили, что в окрестностях деревни Ив было совершено жестокое нападение на крестьян. По показателям очевидцев, это был темный. Я хочу, чтобы ты взял это дело, отец.

Инг с тревогой смотрел на Комохо. Алекс избегал встречаться с ним взглядом, понимая, что именно произошло в крестьянском поселении с наибольшей вероятностью.

– С удовольствием возьму дело, господин Комохо. По Земле стало разгуливать слишком много темных, – сказал Николас.

В его голосе слышалась затаенная злоба.

– Поговори с Сирроу. Хан уже в курсе произошедшего, он отсылает его на аналогичное задание по расследованию.

Николас коротко поклонился сыну и вышел из комнаты.

Сирроу тем временем находился в госпитале. Он разбудил Селлах нежными поцелуями в ладонь. Она медленно открыла глаза, взглянула на Сирроу и тихо произнесла его имя. Но в следующий миг от ее неги не осталось и следа; она резко откинула одеяло и почти вскочила на ноги.

– Что произошло? Кто-нибудь ранен?

Селлах была без сознания все время, пока Кеаго находились в опасной близости от деревни.

– Они ушли. Успокойся, милая. Они больше не придут.

Сирроу уложил ее обратно и рассказал о сражении то, что знал сам, а именно – что Кеаго покинули место сражения сразу же после гибели Сатанга, видимо не имея больше причины для продолжения битвы.

– Хочешь чего-нибудь?

– Хочу, чтобы ты остался, – тихо пробормотала она.

– Именно этого я сделать не могу. Меня отправляют на задание.

– Уходишь? Лучше бы я никогда не просыпалась.

– Что ты такое говоришь! – Сирроу склонился к ней, чтобы обнять, и она ощутила запах крови на его одежде.

– Возьми меня с собой, – твердо сказала она, упершись в его плечи, – Ведь ты защищал мою деревню от Кеаго, я должна отплатить тебе за это.

– Если так хочешь, чтобы кто-то был кому-то должен, то давай договоримся, что твой Комохо должен Хану. А ты не в том состоянии, чтобы сопровождать меня.

– Ты хотя бы скажешь мне, из-за чего я снова остаюсь одна?

– Селлах... Ведется дело по вчерашним убийствам, – ответил ксэ.

– Что случилось?

– Вчера ночью из крестьянской деревни поступило сообщение о жестоком убийстве ребенка и трех взрослых. Я возглавляю следственную группу. Есть версии, что это могут быть Кеаго. Но у меня лично другое предположение.

Селлах напряглась. У нее тоже были свои рассуждения на этот счет.

– Ведь наверняка для твоего товарища Максима Дарда а эта ночь не была спокойной, – проговорил Сирроу вполголоса.

Селлах отвела тревожный взгляд.

– Он способен на такое, скажи?

– Мешер свела его с ума. Он ни в чем не виноват!

– Я буду пытаться свалить все на Кеаго. Но с вашим Максимом надо что-то делать.

Проснувшись в доме Пушистого, Рейнлан встряхнула головой, чтобы прогнать сон и взбодриться. Одновременно с

ней от неожиданности вздрогнул Максим, нервы которого окончательно расшатала борьба с Мешер. Он не спал уже несколько дней.

– Макс! Я не заметила, как уснула. Сколько прошло?

– Не знаю, я зачитался. Думаю, больше шести часов, – зевнул он.

– Ты не пытался уснуть?

– Если бы пытался, уснул бы давно...

– Но тебе тоже нужен сон, Лохматый!

– Я боюсь спать. Она во мне, Рейнлан. Она полностью владеет моими снами. Мне не справиться.

– Нет, ты что! – Рейнлан подошла к его креслу, села рядом на пол и взяла его за руку, – Ты отлично справляешься!

– Если расслаблюсь хоть на минуту, она сожрет меня. Или придется творить то же самое, что в прошлый раз с теми беднягами. Рейнлан, ты знаешь, когда я был на Земле последний раз, я убивал людей. Наверное, их было много. Я пил их кровь. И мицуру.

– Знаю, – ответила Рейнлан, непривычно серьезно глядя ему в глаза, – Ты пришел весь в крови. Она подтачивает тебя. Но сейчас ты еще слишком силен для нее.

– Я вовсе не так силен. Она бы сломила мою душу, как маленькую тростинку, если бы я перестал бороться. Хоть на секунду. Рейнлан, прости, но я долго так не смогу. Я не хочу убивать. Я не хочу. Что мне делать?

– Но она израсходовала не всю силу. Она ведь для чего-то

ее копит!

– Совсем не всю, в том-то и дело. Она продолжает сопротивляться. Прямо сейчас. Она выматывает меня понемногу, а сама копит силы. И потом очень скоро она нанесет свой удар, и я не выдержу. Может быть, проще отдать ей душу прямо сейчас.

– Если б не было шансов, она бы съела тебя секунду назад. Как бы она ни была сильна, сейчас она ничего не сделает!

– Рейнлан!!! – закричал Макс, – Ты слышишь меня??? Я каждую секунду, – он прокашлялся и продолжил, уже не так напирая: – каждую секунду на грани! У меня внутри скоро все порвется! Я бы не ушел на Землю, если бы мог терпеть!

– Но ведь держишься! Все горит и порвано, очень сильно, я сама видела! – она в гневе зарычала, вскочила на ноги и нервно заходила по комнате.

– Легче сдохнуть, чем слышать все это, – прохрипел Макс.

– У тебя ломит каждую кость, а каждый нерв натянут до предела, – сказала Рейнлан, давая понять, что слышит и чувствует его.

– И я все равно должен это терпеть?

– Не сдаваться и продолжать бороться! – прокричала Рейнлан и схватила его за плечи.

– Когда-нибудь она окажется сильнее. Анкс говорила, тут в этом доме погиб уже не один ее хозяин. «Хозяин» – хорошо сказано... Это она наша госпожа, это мы все в конечном счете ей покоряемся.

– А ты Макс Лохматый! И ты не покоришься! Никогда эта маска тебя не сожрет!

Макс закрыл глаза и, почувствовав ее страстное тепло, тихо проговорил:

– Ради тебя.

– Она отступит! – уверенно сказала Рейнлан, – Она сломает свои зубы!

– Я должен вернуться в деревню Ту. Мне могут помочь Инг и Николас.

Маска почувствовала его нарастающую уверенность. А ведь он только что готов был отдаться! Мешер послала крепкий удар чакры в сердце Макса. Темной чакры было так много, что она вспышкой вышла наружу.

Рейнлан в ответ маске впустила в его сознание свою багряную дьявольскую чакру. Мешер где-то в углу зашипела вместе с Максом, отдавая боль своему Хвосту. Рейнлан заметила ее и запустила заряд энергии прямо в нее. Шипя, маска спряталась под шкаф, но отыгралась на Максиме. Тогда Рейнлан, погрузившись в сознание Хвоста в виде сгустка энергии, напоминающего грифона, набросилась на маску зверенком и начала борьбу. Каждый ее удар отражался и на Максe. Он, не выдержав дьявольских атак, вытеснил Рейнлан из своего сознания, из последних сил вырвавшись из ее крепких объятий.

Если бы Макс смог потерпеть еще немного, она нанесла бы свой сокрушительный удар и, возможно, покончила бы с

Мешер. Но вряд ли это выдержал бы сам Максим. Его трясло, как в припадке эпилепсии, пока Дьявол и маска вели борьбу, терзая светлое начало и выводя из себя темное.

Освободившись, Хвост сполз с дивана на пол. Он потерял сознание, и вот тогда Мешер запустила свои лапы в его душу снова. Уже через несколько секунд он метался по полу, бросался на каменные стены, рвал на себе кожу.

Темные мутные пятна в глазах.

Снова ликует безжалостный страх.

Где ты берешь

Эту мощь

Жизненных сил?

Ты не признаешь правду мою:

Да, я держусь, но стою на краю.

Я свою смерть убью

Ради тебя.

Нет не смысла, ни сил спорить с тобой,

Значит, я буду бороться с судьбой

В этот раз.

В первый раз

Я начну этот бой.

Январь

Ранним темным утром Амба влезла в комнату к Айрану – единственную, где в такое время горел свет. Несмотря на заморозки, окно было открыто нараспашку. Айран сидел за столом, заполняя форму отчетности. Вернувшись в деревню, он стал загружать себя миссиями-одиночками и различной бумажной работой. Разумеется, делал он это не ради денег. Людям его склада деньги нужны или для воплощения идей, или для содержания семьи. И того, и другого он теперь был лишен.

– Не ложился? – спросила Амба, перемахнув через подоконник.

– Собирался закончить с делами к утру.

– Значит, и на меня времени не найдешь?

– Бессонница дарит много свободных часов. Отвлечься не помешает.

– Хочу показать тебе одно место! Давно мечтаю! – Амба вся сияла, – Пойдем? Это недалеко. Туда лучше всего приходить на рассвете.

Они направились к юго-востоку от деревни и шли больше получаса, пока не достигли обрыва, за которым в пред-рассветной мгле ничего не было видно. Но стоило сделать несколько шагов к откосу, как начинали прорисовываться причудливые очертания огромного сада. На фоне сереюще-

го неба лишённые листьев деревья были похожи на чёрное кружево на серебристом атласе. Амба прикасалась к спящим ветвям и глубоко вдыхала свежий воздух.

– Тебе здесь нравится? – она протянула Айрану уцелевший резной бордовый лист.

– С тобой хорошо, – он заключил её ладонь в свои руки.

Амба прильнула к его груди, и он ощутил её глубокое дыхание. Её лучистые глаза были похожи на костер в глухой ночи. Её Тьма была живой Тьмой. Амба широко улыбнулась, глядя на Айрана, и стали заметны её большие клыки.

– Почему ты захотела быть Кеаго? – спросил он.

– Тьма мне ближе, чем Свет. Я чувствую что-то родное, свободное! Мой отец был светлым. Ненавижу его. Давит, навязывает своё мнение и светлый путь. Никогда не делала так, как он говорил!

Айран помолчал, глядя вдаль. С каждой секундой горизонт становился все светлее.

– А я однажды просто понял, что без Тьмы не добьюсь своей цели. Когда я стал Шеганом, почти сразу получил Хосуто Соу. А ещё совершенно новую жизнь.

Было видно, что Айран не мог избавиться от какого-то груза, залегшего на дне его души. Но Амба ни о чём его не спрашивала. Мало ли, что творится в голове у такого, как Айран, даже не говоря о скорби по Кате и нерожденному сыну. Он был рядом с ней и иногда улыбался – одно это уже делало Амбу счастливой.

– Ты всю жизнь готов положить на воплощение идей, которые считаешь справедливыми. Но почему-то не хочешь отомстить этой собаке, Хелен из деревни ксэ. Я чувствую тебя всем своим естеством, но понять умом никогда не смогу. Айран, ты сумасшедший. Мой печальный Демон. Я обожаю тебя!

Он усмехнулся, прикрыв глаза, и Амба лизнула его в щеку, воспользовавшись моментом.

Утро уже совсем расцвело, когда они вернулись в деревню. Амба была воодушевлена и чувствовала себя совершенно счастливой.

Тем более болезненно для нее оказалось напоминание о безрадостной стороне жизни. Она вдруг увидела своего отца, Николаса, и остановилась посреди дороги, как вкопанная, гневно глядя перед собой.

– Перестань, – тихо сказал ей Айран.

– Так и знал, что вы вместе прохладаетесь, – Николас тоже заметил их и подошел ближе.

– Не твое дело, как и с кем я провожу время, – Амба дрожь сжимала кулаки.

– Вообще-то непосредственно мое. Будь любезна учитывать, что я старший по званию. Уже нет смысла говорить о дочернем долге, но не смей забывать о долге перед Комохо и Ханом! Раз уж по милости своего брата ты снова преспокойно числишься в ряду сихэ, а не казнена, как следовало бы.

– Так и знала, что ты желаешь мне смерти, – проговорила

Амба сквозь зубы, пронизывая Николаса взглядом.

– Вы хотели что-то обсудить? – обратился к нему Айран.

– Именно с тобой и хотел.

Сейчас Николай допрашивал всех, кто был связан с темной чакрой. Не избежал этого даже Инг. Амбе пришлось оставить их у тюрьмы, где в изолированной от внешних воздействий камере проходили допросы. До нее очередь еще не дошла.

Дверь камеры закрылась, и Николай указал Айрану на место за металлическим столом. Тот послушно сел, с легкой иронией глядя на Сефида.

– Развелось вас, темных, – пробормотал Николай, стоя напротив него, – Вокруг меня все, похоже, сговорились погубить свою душу.

– Это вы намекаете на моего отца? Сколько лет прошло, а вы все не успокоитесь. Мне казалось, были друзьями? Неужели поменяли мнение о нем лишь оттого, что он выбрал негодный вам путь?

– Ольгерд мой друг. И не смей с таким показным безразличием говорить об его смерти. К тому же ты отлично знаешь, какие последствия имело его ужасное убийство.

– От чего же мне не быть равнодушным? Я-то по нему соскучиться никак не успеваю, видимся довольно часто. Заглядывайте в Азур, тоже свидитесь.

– Вы, темные, стираете грань между жизнью и смертью. Для вас умереть – словно ничего не значит. Это против при-

роды, против самого бытия. И ваша темная зараза расплзается среди живых. Поэтому я не допущу, чтобы такие, как ты, могли спокойно жить в деревне на равных правах с законопослушными воинами, которые положили жизнь на служение своему господину.

– Я правильно понимаю, что сейчас вся ваша работа с допросами сведется не к выяснению истинного положения, а к подгонке фактов? Вы ведь хотите уничтожить всех темных?

– Не зарывайся.

– А вы не забывайте о своих подопечных. И я не только об Инге говорю.

– Макс сам принял решение уйти из деревни и снял с меня всякую ответственность за себя. Ушел не без твоей помощи, надо полагать. Наверняка, ты осведомлен об этом даже лучше меня, так что мне нет смысла пытаться взывать к твоей совести. Нету в твоей душе даже ее следов, бессмысленное занятие.

– Да и не только о нем я сказал, – ухмыльнулся Айран.

– Не играй со мной в загадки. Алекс слишком мягко обошелся с тобой. Неслыханно, чтобы вор, устроивший государственный переворот, покушавшийся на жизнь Хана, темный, переманивший нескольких человек в ваш адский омут, потом бы спокойно пришел в свою родную деревню и, как ни в чем не бывало, поселился бы там на прежних основаниях. Думаешь, я не понимаю, почему Алекс так к тебе благосклонен? Амба всегда умела найти к нему подход. А ты, видимо,

сумел найти подход к ней.

– Хотите сказать, это из-за меня ваша дочь выбрала Тьму? И ушла из деревни тоже за мной?

– Не трудись разыгрывать случайного участника событий. Ты отлично знал, что небезразличен ей, еще когда учился в академии. Ты забрал ее у меня и использовал для связи с Кеаго. И наверняка не только с этой целью, – Николас смотрел в глаза Айрану.

– Это был ее собственный выбор.

– Вы никогда не будете вместе.

– Вы же понимаете, что теперь не выйдете живым из этой комнаты? – Айран холодно ухмыльнулся.

– Я так не думаю.

Николас выпустил волну Света, отбросившую Айрана к стене вместе со стулом. Он зажмурился от яркой вспышки, но тут же взял себя в руки и вступил в схватку с Сефидом.

В это время Амбу накрыла бесконтрольная тревога. За несколько минут ее сердцебиение без видимых причин так участилось, что, казалось, грудная клетка вот-вот треснет. И вдруг что-то бегущее и уже почти взлетающее оборвалось в ее душе. Ей вдруг стало так пусто, что захотелось завывать. Чутье позвало ее обратно к тюрьме.

Со всех ног примчавшись туда, она увидела, как из черного хода выносят носилки с телом. Следом спускался перепачканный кровью Николас с белыми крыльями за спиной.

Мощная волна темной чакры хлынула из Амбы и пронес-

лась по всей деревне. Она рванула вперед, вышибла носилки из рук стражников и склонилась над свалившимся на землю телом Айрана. Его лицо было привычно неподвижно и все так же прекрасно для нее. Амба обхватила его в ладони и, не помня себя, прокричала:

– Айран!!! Я люблю тебя!!! – ее голос сорвался, а пальцы сжали пряди его испачканных кровью волос.

Амба вся задрожала и крепко прижала к себе израненное тело.

Она погружалась в гнев и отчаяние. Ее темное начало все больше активизировалось, и она непроизвольно приняла обличие Хвоста. Зарывшись в волосы Айрана, она заплакала. Ее слезы были золотого цвета и обжигали кожу, как расплавленный металл. Волны Тьмы расходились от Амбы. В глазах становилось мутно, и она уже почти ничего не видела. Ее кожа покрывалась чешуей сначала на месте ожогов, затем по всему лицу, а вскоре и по всему телу. Темное начало Амбы сливалось с маской Ящера, и она превращалась в Демона.

Напор ее чакры ощущался всеми жителями деревни. В кабинет Комохо вбежали тюремщики, доложившие о необходимости уничтожения темного существа. Алекс запретил предпринимать что-либо без его приказа.

Тем временем в темный поток влился Огонь. Став гигантским ящером, Амба схватила Николаса в пасть и с силой ударила о стену какого-то дома. Она бросила его на землю и издала дикий рев. Николай из последних сил преодолел

несколько метров, но Амба догнала его, снова схватила и, прижав лапой, стала выламывать ему крыло. Кровь брызнула на чешую, горевшую Тьмой. Амба вырвала бывшему Харару все четыре крыла по очереди, после чего снова схватила его истекающее кровью тело и насадила на ближайший фонарь. Потом стащила с этого фонаря и насадила на другой, оставляя на столбах куски его плоти.

За ужасающей сценой из окна своей комнаты наблюдал Инг. Он ожидал приказа Алекса и старался гнать мысли о том, что это будет за приказ, и чего он будет стоить Комохо. Али обнимала Инга, прильнув к плечу. Ей было плохо от распространяющейся повсюду темной энергии, она едва стояла на ногах.

– Отойди от окна, милая. Приляг лучше, – Инг постарался сказать это как можно более нежно, но ни на миг не оторвался от разворачивающейся картины.

– Не могу, Инг! Мне с тобой спокойней!

Али постаралась заглянуть ему в глаза. К своему ужасу, она увидела в них жадный до Тьмы блеск, свойственный Кеаго, и непроизвольно отстранилась.

– Иди-ка ты, правда, отдохни, – сказал ей Инг.

– Хорошо, – Али в растерянности отошла к дивану.

В этот момент в их комнату ворвался посланец Комохо. Ингу он передал приказ о боевой готовности, а Али – укрыться во дворце. Рядом с их жилищем стало уже совсем небезопасно.

– За кого он меня держит? А я? – возмутилась Али.

– Господин приказал никому не вмешиваться и ждет только Инга Сефида, – с расстановкой проговорил посланец.

Амба, казалось, полностью утратила разум. Прямо перед ней стоял Алекс.

– Я не хочу с тобой драться, сестра! – прокричал он снизу, – Тебе не станет лучше, если все вокруг погибнут! Уходи!

Инг подбежал к нему и остановился рядом. Демон-ящер зарычал и отбросил их обоих лапой в сторону. Инг стал дикобразом, выпустив наружу темную чакру и увеличившись до размеров ящера. Он бросился на Амбу.

Ее впечатлила эта дерзость. Она оскалилась, радостно и страстно. В короткой схватке, погубившей несколько строевых, Инг поборол ее. Дикобраз прижал Амбу к земле, ощущая напряжение во всех мышцах чешуйчатого тела, поставил лапы на грудину и зарычал на нее, что было мочи.

– Уходи, Амба! Это моя деревня!

– Брат! – прохрипела Амба, глядя ему в глаза с восхищением.

В следующую секунду она исчезла.

Инг принял свое обличие и сел на землю. Его лицо было слегка обожжено.

Алекс тут же взял на себя организацию тушения разгоревшегося от чакры Огня пожара. Инга он отправил в свой кабинет, и тот молча повиновался.

Али уже была там. Обхватив плечи руками, она сидела

около шкафа, вся взъерошенная, как перепуганная кошка. Инг прошел к столу, сел и уронил голову на сложенные перед собой руки. Али немного выждала и подошла к нему.

– Что с тобой?

Инг приподнялся, посмотрел на нее странными глазами. по-кеажьи дикими и одновременно с этим измученными, – и не смог ничего сказать.

– Ты наверно очень устал от этих кошмарных перепадов. Я же слышу, как ты кричишь по ночам, – Али приобняла его сзади, – Мало кто справился бы с этим!

– Нет! Все же со мной нормально!.. Просто это была слишком сильна Тьма. Ты сама как, Али?

– Мне было плохо, когда ты ушел. Я боялась ее, эту ящерицу! – призналась Али, – Но пришел ты, и все в порядке.

– Ты молодец.

Инг прижал ее к себе и закрыл глаза под ее тихое мурлыканье.

В свой кабинет вошел Алекс и рухнул на стул, утирая пот с лица.

– Шенад... Она разрушила часть пищевого склада. Нам и так есть нечего, год неурожайный, и эти войны...

– Какие еще потери?

– Несколько человек ранены, но ничего серьезного. А обо всех погибших ты в курсе. Так-то.

Алекс, сколько мог, держался за роль ответственного руководителя, но после этих слов не выдержал и закрыл лицо

руками.

Воспользовавшись кратковременным улучшением своего состояния, Максим вместе с Рейнлан перенесся на Землю, оказавшись перед самым кабинетом Комохо деревни Ту. Стражи поблизости не оказалось, и Макс решился постучать в приоткрытую дверь.

– Кто бы это ни был, хуже уже не будет, – послышался голос Алекса.

– Ну, заходите! – рявкнул Инг.

Макс показался на пороге.

– Можно? – тихо спросил он.

– Эй, привет! – помахала рукой Рейнлан из-за его плеча.

Комохо жестом пригласил их.

– Мне нужна помощь. Инг, хорошо, что ты здесь. Вы с Николасом сможете уничтожить Мешер. Для этого нужно...

– Расскажи ему, что произошло, – прервал его Алекс и вышел, посторонив Макса и Рейнлан.

– Николас только что погиб. И можешь полюбоваться, во что превратилась деревня по милости его дочери, которая его и убила.

В ужасе Максим подошел к окну и оглядел разрушенное погорелое селение, перенесшее буйство Демона.

– Значит, Инг, ты ничего не сможешь сделать?

– Но я же умею проникать в сознание! Я могу его на-

учить! – предложила Рейнлан.

– Вообще-то я имею представление об этой технике, Николас успел обучить меня основам. Но перед тем, как братья за тебя, мне нужна тренировка. И не сейчас.

– Что значит «не сейчас»? У нас каждая секунда на счету! – Рейнлан в два шага оказалась рядом с Ингом.

Инг поднял на нее усталые глаза, в которых отпечатались следы страшной внутренней и внешней борьбы. Объяснять Дьяволу уже ничего было не нужно.

– Он сейчас совсем не в подходящем состоянии, – на всякий случай прокомментировала Али.

Макс тяжело опустился на стул, тихо простонав от досады. Он тоже был совсем не в подходящем состоянии, чтобы ждать, пока Инг придет в себя, а потом освоит необходимые навыки.

– Мне нужно в тюрьму. Ее стены ведь устойчивы к воздействию чакры, значит, там я не смогу никому навредить. Основание для заключения тоже есть, достаточно веское. Если вы завели дела по убийству крестьян в деревне Ив, можете их закрывать, это был я. Оформите все официально.

– Неплохой вариант, – отозвался Инг.

– Если Алекс решит, я приму казнь. Только поскорее посадите меня в камеру.

– Да подыши уж свежим воздухом напоследок. Тебе там так понравилось в прошлый раз?

– Мешер осталась в Аду, но моя связь с ней от этого не

ослабевают. Я недолго смогу владеть собой.

– Понял! – тут же мобилизовался Инг.

В считанные минуты он организовал заключение Макса, оставив Али за главную в кабинете Комохо.

Малейшее промедление могло бы обернуться очередной драмой, потому что, когда Макса под конвоем завели в камеру, он был уже под властью маски. Рухнув на каменный пол и корчась от боли, он прокричал:

– Рейнлан, уходи!!!

– Ты уверен? Я могу остаться.

– Я опасен для тебя!!! Она может затягивать душу изнутри меня!!! Она всегда здесь!!! Уходи!!!

– Ты, скорее, навредишь себе самому, чем мне, – с досадой сказала Рейнлан.

Когда дверь за ней закрывалась, он бросился вслед за ней, как дикий зверь, но врезался в стальную дверь. Стражник покачал головой и начал впускать чакру в специальную печать на столе, поддерживающую прочность стен.

– Он будет долго так беситься. Ты выдержишь? Я могу подежурить за тебя! Даю слово, я его не выпущу! – протараторила Рейнлан.

– Иди, разберусь, – буркнул стражник.

– Нет, я все-таки останусь. Хочешь чего-нибудь съесть? Я принесу!

– Ты чего это? Делать нечего?

– Я могу помочь! На самом деле! Сил у меня много!

– Так хочешь за меня поработать? Валяй. Садись на мое место, только живее, – он уступил ей печать.

– Проще простого! Да я бы смогла всю вашу тюрьму охранять!

Впустив дьявольскую чакру в печать, она ощутила безумно мощные импульсы Тьмы. Конечно, она справлялась с ними, но картина действительности представилась ей в еще более мрачном свете. Она усилила поток чакры в печать, от чего она засветилась багряным.

– Что это? – отпрянул стражник.

– Это, – Рейнлан смущенно и нервно усмехнулась, – Это дьявольская чакра.

Глаза сихэ округлились.

В камерах начали кричать и стучать в двери другие заключенные.

– Чего это они? – спросила Рейнлан.

– Ты их душишь своей бесовской силой! А этот Хвост и без тебя устроит нам веселье!

Рейнлан тут же оторвалась от печати. Стражник вернулся на свое место.

– Кто вы вообще такие?

– А ты еще не понял?

Она услышала, что в камере наступило затишье. Неспкойная тишина нервировала ее, и она попросила стражника еще раз впустить ее внутрь.

Макс лежал на холодном полу, раскинув по полу крылья,

и смотрел в потолок. Во время припадка он так изорвал себя когтями, что на его руках и груди не осталось живого места.

– Выгоните ее... – пробормотал он.

– Что, Лохматый? – склоняясь к нему, переспросила Рейнлан.

– Выгоните ее!!! – он ринулся к стене и стал, что есть мочи, биться в нее, не переставая кричать, – Пошла прочь!!!

Рейнлан обхватила его сзади и, как можно сильнее, прижала к себе. Она почувствовала на его теле глубокие свежие раны, еще источающие кровь. Вскоре он успокоился и резко обмяк в ее руках. Она отпустила, Макс поковылял к кушетке и сел на пол рядом с ней, поджав по себя ноги. Он тяжело дышал и тарашил глаза в пол.

– Думаешь, она тут до тебя доберется? – осторожно спросила Рейнлан.

– Она в моей голове, в моем сознании, – хрипло зашептал Хвост, – Если я усну, это конец. Я не сдамся. Я не буду спать.

– Если хочешь, поспи, а я пока побуду рядом и, если что, отгоню ее.

– Да... Я очень хочу спать... Только не приближайся ко мне! Только не твоя дьявольская сила! Нет!!! – он вдруг сорвался на визг.

– Максим!

– Я буду держаться, пока Инг не будет готов. Оставь меня. Стража! Уведите ее!

Рейнлан вышла из камеры, посмотрела в глаза стражнику

и порывисто обняла его от отчаяния.

Ближе к ночи Эльхес вернулся домой. Все было до отворачиваемости знакомо: припорошенная снегом дорожка до его небольшого дома, скрип двери, порог, о который он ежедневно спотыкался. Из прихожей просматривалась кухня и проходная комната.

Привычную картину резко нарушал обнаружившийся на кухне ящер, который стоял на двух лапах и пил молоко.

– Доброй ночи, – поздоровался Эльхес со спокойствием опытного метрдотеля и стал раздеваться.

– Есть еще? – грубым, но явно женским голосом спросил ящер, демонстрируя опустошенный кувшин.

– Нет. Но я могу сходить.

– Куда ты пойдешь? Коров рано утром доят, мне остатков не нужно. Завтра сходишь... Ты же все равно собирался идти?

– Теперь точно пойду. В человеческом виде ты наверняка прекрасная девушка, а я люблю услужить слабому полу.

– Слабому? – ящер властно махнул хвостом.

– Ладно, ладно, – усмехнулся Эльхес и стал разводить огонь в камине, – Только не забирайся больше ни к кому, тебя не все так радушно встретят.

– А ты почему такой гостеприимный? Совсем ничего не боишься?

– В таком настроении, как сейчас, шокировать меня очень сложно.

– У тебя что-то случилось?

Ящер опустился на лапы и подполз ближе.

– С удовольствием выговорюсь перед тобой обо всех бедах своей грешной жизни. Только мне бы хотелось узнать твое имя.

– Меня зовут Амба. А тебя?

– Амба Сефид? – он сказал это, словно в подтверждение собственных мыслей и сел на стул.

– Какого шенада я Сефид?! – прорычал ящер, – Я не имею ничего общего с этим ограниченным семейством!

– Ты стала Демоном?

– Как видишь, я самый настоящий Демон!

– И разрушила полдеревни Ту?

– Только половину? Маловато им!

– Ты, дочь Николаса... Как ты могла!

– И что, если эта тварь – мой биологический отец?

– Тварь? – с холодной угрозой произнес Эльхес, – Как ты смеешь!

– Что это ты так разволновался? Сам даже имени не назвал, а от меня требуешь объяснений!

– Меня зовут Эльхес Сефид. Странно, что ты снова меня не узнала, мы не так давно виделись. Слепая ты что ли? – пробормотал он со злым сарказмом.

– Ну и что! Я все равно вижу тебя! Я вижу не глазами! –

бросила она.

– Ты, правда, ослепла? – осекся ксэ, – Я-то думал, как тебе хватило наглости остаться после того, как увидела меня. А ты и не увидела...

– На самом деле я сразу почувствовала что-то знакомое, – сказала она, – Что-то важное. Но ты пахнешь совсем иначе, чем в прошлый раз.

Эльхес усмехнулся, словно догадывался, почему его запах поменялся со времени их последней встречи.

Ящер неожиданно уменьшился и влез прямо в камин. Амба стала не просто ящерицей, а саламандрой. Она начала сбрасывать старую кожу, обнажая алмазно-блестящую чешую. Вы скажите, что саламандры выглядят не совсем так? А вы что видели настоящих саламандр? Это вас кто-то обманул! Те саламандры, которых вы считаете саламандрами на самом деле вовсе не саламандры. А те, которые в огне не горят, именно вот такие они и есть. Если какая-нибудь ящерица скажет вам, что она саламандра – киньте ее в огонь. Если она врет, она за это и сгорит, а если нет, то будет весело посмотреть, как у нее постепенно становится алмазной чешуя.

Завершив ритуал, Амба вылезла обратно, снова став прежнего цвета, но еще не окончательно лишившись яркого блеска.

– Очень красиво, – сказал Эльхес.

Спустя еще какое-то время перед ним оказалась девушка с неровно обстриженными пепельными волосами, глаза-

ми ящера и ящеринной же левой рукой, от плеча до кончиков пальцев покрытой чешуей. Черты ее лица были выразительными, но не слишком изящными. Особенно долго Эльхес разглядывал ее слепые глаза. Любой другой постарался бы поскорее отвернуться. Мир этих глаз – старый, заброшенный дом, окна и двери в котором наглухо заколочены. Но Эльхес, продолжая смотреть на нее, сказал:

– Ты убила Николаса... Шенад! Только что я думал, что при встрече размажу твои мозги по стене.

Он как будто думал в двух направлениях одновременно.

– Ты бы сам так поступил на моем месте, – девушка села рядом.

– Наш отец был куда более строгим, чем Николас к вам с Алексом, – голос Эльхеса дрогнул.

– Какая странная энергия исходит от тебя. Только что ты хотел убивать, а теперь... Как глухо и пусто у тебя в душе!

– Я бы не смог тебя убить.

– Почему?

Эльхес помолчал. Амбе показалось, что он хочет признаться ей в чем-то важном, и снова она ощутила тот странно знакомый, не принадлежащий ему запах.

– Я видел, как ты родилась, – наконец, сказал он, – Твои родители были так счастливы.

– Счастливы? У Николаса были одни проблемы со мной, – фыркнула Амба.

– Они ждали тебя. Что бы там ни было, Николас всегда

тебя любил.

– Знаешь, мне же не нравилось только то, что он ограничивал меня.

– Да, понимаю. Чувствуешь себя зверем, на которого ведут охоту.

– Ты неплохо разбираешься в людях.

– Ну, кое-что я успел понять за свою жизнь. А понять девушку, которая подалась в Кеаго, для меня не так уж сложно.

– Ты-то помнишь, нашу чакру! Если бы не Николас, ты бы тоже стал Кеаго, я уверена!

– Да, я бы никогда не оставил его и сына, если бы не все эти обстоятельства.

– Так пусть бы Николас ушел с тобой!

– Он не мог, верно служил Комохо. Сначала я тоже не понимал его, но потом... Ты знаешь, что такое верность?

– Да! – уверенно ответила Амба, – Но я не понимаю Николаса!

– Может быть, оно и к лучшему, презирай его до конца. Это не так мучительно, как страдать от невозможности многое изменить, когда это уже невозможно.

– А что тогда случилось? Почему ты ушел из деревни?

– По иронии судьбы, во время выполнения миссии я убил Ольгерда Дарда.

– По иронии судьбы? – не поняла Амба, – Имеешь в виду, что мы квиты? Ты убил отца Айрана, а я – твоего брата.

– Почти это и имею в виду. Все даже еще более забавно.

Амба вдруг невероятно отчетливо ощутила тот чудесный запах, исходящий от Эльхеса, и смогла узнать его, но появившееся предположение казалось невозможным.

– Я тут подумал, какой ужас... Нет, я вовсе не о тебе! Я подумал, у меня ужасный дом. Мне ведь даже негде тебя нормально поселить. Вот для кого это делали? Для кого строили этот дом? Зачем при такой маленькой спальне такая огромная кухня и отдельный туалет? Хотя это, конечно, очень кстати теперь. Чем я, собственно, не доволен?

Эльхес взглянул на Амбу. Она засмеялась от неожиданности таких рассуждений.

– Может быть эта комната предназначена для того, чтобы сблизить сердца влюбленных и поэтому такая тесная? Нет, скорее сплющить сердца влюбленных!

Слушая его, Амба все больше убеждалась в своих догадках.

– Да, да, Амба, это я, – вдруг сказал он с какой-то новой интонацией.

– Айран...

Амба порывисто бросилась ему в ноги и прижалась к его коленям.

– Как это вообще возможно?

– Когда я погиб, Арч поместил мое темное начало в это тело. Он не стал проводить разъяснительные работы, какого шенана это потребовалось делать.

– Он тебе не навредил?

– Арч? Нисколько не навредил, – Айран говорил спокойно и тише, чем Эльхес, – А ты от слез стала слепой?

– Да, но это неважно. Даже лучше, что я не вижу тебя в чужом теле, – Амба улыбалась.

Она подняла взгляд, чтобы посмотреть ему в глаза, и потянулась к губам. Он не возражал, тогда она крепко прижала его к себе и поцеловала. Айран заговорил, только когда она отпустила его:

– Запомни, что я скажу тебе. Когда придет время, оставайся со светлыми.

– Ты же темный! С чего бы это мне..? Постой, придет время? О чем ты?

– Я чувствую, что-то грядет.

– Что бы там ни было, я останусь с тобой.

Сирроу был отозван с миссии по расследованию дела об убитых крестьянах и вернулся в деревню ксэ. У него было собственное жилье – половина небольшого дома в центре деревни с отдельным входом, где все было приспособлено для содержания нескольких собак. Только чтобы помыть и накормить их он и заглянул к себе.

В его планы входило провести вечер в кругу своей семьи, которая жила на окраине, в квартале, целиком принадлежащем клану Кутта. Сегодня не планировалось больших семейных собраний. Сирроу просто хотел увидеть отца, мать и сво-

их четырех сестер, на что не так уж часто находил время, не смотря на близкое соседство.

Планы ему, однако, пришлось немного изменить. Дома его дожидалась Селлах. Он увидел ее, только включив свет – она безмятежно спала на его кровати, одна из собак лежала у нее в ногах. Обычно верные охранники дома, собаки не тронули ее, видимо, почуяв долгожданного гостя.

Сирроу постарался производить как можно меньше шума, чтобы не разбудить Селлах, но она все равно проснулась, как только он оказался рядом.

– Селлах!

– Недавно я узнала, что твой клан темный, – сказала она, только открыв глаза.

– Ну, я не люблю об этом говорить... – Сирроу присел рядом.

– Ладно, – напряженно вздохнула она.

– Дело в том, что наш клан основал Демон по имени Сфорца, – пошел на попятную ксэ, – У него было два сына от земной женщины. Старший догадался смешивать Тьму и Воду, которые получил в наследство от отца, – это был первый Кеаго. Другой же вообще стал развивать только собственное начало и, позаимствовав у Сфорцы технику объединения начал, стал ксэ и дал начало моему роду.

– Значит, у тебя темное начало с крыльями?

– Ну, да, с крыльями... – Сирроу был смущен.

– Неужели в тебе есть такая сила, и ты ее не используешь?

– Никогда. Наш клан отказался применять Тьму.

Селлах подняла на него взгляд и нежно улыбнулась, пытаясь скрыть, как ее темная часть негодовала, почему он настолько сильнее ее. Она погладила его волосам. Он хотел прижать ее к себе, но она неожиданно проговорила:

– Извини... – встала с кровати и отступила на шаг, – Спасибо за все.

– Селлах? – не понял Сирроу.

– Я ухожу!!! – прокричала девушка, – Прости.

Она приняла облик Шегана, распахнула окно и вылетела прочь.

– Селлах! Почему ты уходишь? – Сирроу выбежал следом из дома, но уже не смог разглядеть ее облаках, – Почему ты всегда уходишь? – тихо повторил он, – Вернись!

Шум ветра скрыл шорох крыльев Селлах, и она, незамеченная, приземлилась позади. Девушка подошла к Сирроу и обняла его со спины.

– Я люблю тебя, – тихо прошептал он.

– Я не уйду... Я тоже не могу без тебя!

– С тобой все хорошо?

– Не совсем, – она нежно развернула Сирроу к себе, – Я сама не в порядке, я неправильная. Я столько боли причинила тебе, – не выдержав его взгляда, Селлах уткнулась в его грудь, – Я ненавижу себя за это. Ты должен был прогнать меня. Или убить еще тогда... Я не хочу, чтобы ты мучился в одиночестве. Но я ведь приношу лишь мучения!

– Замолчи, Селлах, – спокойно сказал Сирроу и заглянул в ее глаза, – Пойдем ко мне.

На следующее утро они вместе отправились к родителям Сирроу. Селлах все еще была на взводе. Неясная тревога, терзавшая ее со вчерашнего дня, – а на самом деле многим ранее, – отпускала лишь в отдельные моменты. Она совершенно не была готова к встрече с радушным шумным семейством, каким представлялись ей Кутта, и боялась, что будет чувствовать себя неловко среди них. Но отказаться Селлах не посмела. Вернее, побоялась признаться в том, что не справляется со своими чувствами, которые сама не может понять.

Семья Сирроу, и вправду, оказалась на редкость шумной. Хотя никто в доме ни разу не поднял на другого голос, суетливую, почти ярмарочную атмосферу создавали непрекращающийся спор между старшей и средней дочерью, возня младшей, суета матери и смех отца. Селлах была принята так, словно сама была одной из дочерей красивой матери Сирроу. Она принялась помогать ей с приготовлением обеда и быстро сошлась с ней, постоянно получая уроки кулинарии и элементарной жизненной мудрости. Все беспокойства и дурные мысли оставили Селлах за веселой работой.

Сирроу же утащил на задний двор отец, где они что-то долго чинили и в это время были похожи на настоящих крестьян. Собственно, семья Кутта давно жила, как крестьяне, если не брать в расчет, что отец иногда был вынужден появ-

ляться на службе.

В непрекращающихся заботах никто не заметил, как на участок прошла красноволосая девушка. Однажды, несколько лет назад, когда младшей из сестер Сирроу еще не было на свете, она уже была в этом доме и хорошо его запомнила. Запомнила она и то, что приходиться сюда обязательно нужно с угощением для собак. Поэтому, как только они залаяли, выбежав навстречу, каждой досталось по куску свежего мяса.

Селлах закачивала разливать суп по тарелкам, когда заметила гостью.

– Рейнлан!

Почему-то Селлах очень ей обрадовалась, несмотря на то, что Рейнлан выглядела совсем не такой жизнерадостной, как при первой встрече.

Ей было беспокойно из-за Макса. А стоило молодому Дьяволу только прийти в более или менее нестабильное состояние, как внутри нее обострялась борьба. Ее светлое и собственное начала до сих пор не желали мириться с присутствием багрового змея, заселенного Денницей в ее душу.

Все собрались за столом, и, конечно, с радостью пригласили, Рейнлан. Когда общая суэта немного поутихла, отец Сирроу стал рассказывать, как она впервые появилась в деревне ксэ.

– Однажды ночью кто-то забрался в оружейный склад, – принялся вспоминать он, – Шуму тогда подняли! А оказалось, что это было дело рук десятилетней девчонки Рейнлан

Бэнкс. Она не числилась ни за одним из поселений и утверждала, что родом из адского города Азур. Все это вызвало беспокойство в деревне, но Эльхес взял ее под свое крыло, и дело замяли.

– Еще бы мне это не сошло с рук! – самонадеянно ухмыльнулась Рейнлан.

– Ой, эта Рейнлан могла вытрепать нервы кому угодно! – проворчала мать, что вызвало у всех смех.

– Только Эльхесу она так понравилась, – продолжил отец, – что за все ее хулиганства он сам брал ответственность и направлял ее на путь истинный, старался не нравоучать, не наказывать, а подружиться с ней. Только так с такими и можно. Она быстро привязалась к Сирроу и сделала из лучшего ученика настоящего дебошира.

– Отец! – смутился Сирроу.

– Что? Если бы не эта девчонка, так бы и остался нелепым заучкой...

Рейнлан не знала, куда себя деть. Дело было далеко не в смущении.

Как только все закончили есть, она встала из-за стола, оставив тарелку наполовину полной, что было очень для нее не обычно, вышла на улицу и тут, наконец, все напряжение, что накопилось, весь сумбур и тревога вылились из нее. По деревне разнесся взрыв багровой дьявольской чакры. Рейнлан взмыла ввысь на огромных перепончатых крыльях; в ее глазах полыхало пламя.

Откуда-то появился Эльхес во главе с несколькими ксэ младшего ранга и тут же приказал Сирроу действовать вместе с его отрядом. Все они объединились с птицами и последовали за ней.

– Не наносить ранений без необходимости! – приказал Эльхес.

Ксэ вскоре настигли Рейнлан и стали прижимать ее к земле. Тогда Дьявол рванул вниз сам и глубоко вошел в землю, оставив на боевой арене спиралеобразный кратер. Рейнлан металась по заснеженной площадке, обжигая воинов своей чакрой. Ей перерезали сухожилия крыльев, она снова выпустила волну энергии и за несколько секунд полностью восстановилась. Ксэ преградили ей путь слева, справа, Эльхес контролировал ситуацию сверху, паря на орлиных крыльях. Вдруг Дьявол исчез и оказался в воздухе за его спиной. Рейнлан набросилась на Сефида, но он вовремя развернулся и подставил под ее атаку меч. Рейнлан заблокировала его руки в невероятно сильном захвате и потянула за собой, объятая багровой чакрой.

Вспышка.

Вдруг то ли в воздухе, то ли в сознании Эльхеса возник образ Денницы. Багровый змей, начало Дьявола, вырвалось из Рейнлан и скользнуло Эльхесу в рот.

Он захлебнулся проникшей в него силой и замер. Из лопаток у него выросла пара перепончатых крыльев. Чакра стала разливаться вокруг нового Дьявола. Багровый удав теперь

оббился вокруг светлого начала Эльхеса, которое не стало вырываться и позволило себя заглотить.

Амба стояла на крыльце его дома и с ужасом наблюдала.

Сознание новоявленного Дьявола собиралось воедино из трех различных начал. По его телу расползлась черно-багровая шерсть, на спине образовывались перепончатые крылья, разрывающие одежду. Он оглядел воинов, окруживших его на значительном расстоянии, в глазах которых явно читался страх.

Амба ринулась к нему, схватила за плечи и попыталась заглянуть в глаза.

– Прощай, – произнес Эльхес, словно изнутри себя.

Он исчез.

– Айран! – позвала Амба, – Айран!!!

Амба переместилась в Ад в надежде найти его. Но восьмой Уровень, где он оказался, был закрыт для всех, кроме приглашенных Денницей гостей.

Рейнлан смогла снова навестить Макса в тюрьме деревни Ту, как только под присмотром семейства Кутта пришла в себя после избавления от дьявольской силы. Она выбрала удачное время для визита. Макс завершил очередной раунд сражения с Мешер, и сейчас маске требовался отдых.

Он лежал в углу в кроваво-слизистой луже у разбитой раковины; одно крыло почти полностью закрывало его, другое

было откинута в сторону. Когда тяжелая дверь отворилась, и Рейнлан зашла в камеру, он даже не пошевелился. На полу перед дверью валялась миска с загустевшей клейкой кашей. Рейнлан задела ее ногой и коротко вздохнула, подумав, что Макс до сих пор ничего не ел. Она помотала головой, стряхнув с волос тающие снежинки.

– Лохматый, – позвала Рейнлан и присела рядом.

Макс повернулся к ней, снимая облик Хвоста. Его волосы за последнее время сильно отрасли, и челка лезла в глаза. Он поднялся, опираясь на стену, повернул кран и сунул голову под струю холодной воды, смывая с лица кровь, грязь и пот и убирая назад волосы.

По пути он подобрал разодранное одеяло, закутался в него и завалился на лежак. Рейнлан подсела к нему и положила на колени его мокрую голову, от чего при таком сквозняке сразу сделалось зябко. На пару секунд Макс закрыл глаза, но усилием воли заставил себя не засыпать и крепко сжал челюсти.

– Я здесь часто думаю об одном дне в моей жизни, – сказал он.

Рейнлан была рада, что у него остались силы говорить.

– О каком же? Я вот мало что могу в подробностях вспомнить.

– Лина тогда закончила академию, а я – только шестой класс. Ночью Айран взял нас на луга, это в сторону деревни Ма. Там паслись деревенские лошади. Он даже разрешил

нам, – Макс прервался на кашель, – разрешил нам покататься.

– Да, лошади это здорово! – улыбнулась Рейнлан, – Тебе нравилось?

– Было так хорошо... Мы все время провели вместе, до самого утра.

– И потом стали ходить туда каждую ночь?

– Каждую ночь не получалось. Но тогда казалось, что весь Свет, который только есть на Земле, был в этом ночном воздухе и в лошадиных гривах.

Максим надолго замолчал. Рейнлан настороженно смотрела на него. Ей хотелось крепко прижать Макса к себе, встряхнуть, войти в его сознание и разбить Мешер на мелкие куски. Она знала, что если позволит себе хотя бы заглянуть в его душу, то уже не сможет остановиться, и тогда все пропало.

Вместо нее, резко распахнув дверь камеры, к Максиму широкими шагами подошел Инг в сопровождении охранника.

– Я знаю, как ее уничтожить, – сказал он.

Вид у него был совершенно ошалелый – останавливать его явно было бессмысленно.

– Рейнлан, тебе лучше выйти. Неизвестно как ты в таком состоянии среагируешь на все, что здесь будет происходить.

– Что с Рейнлан? Что произошло? – подал голос Максим.

– Потом расскажу, Лохматый. Думай сейчас о другом. Я уже в порядке, – постаралась успокоить его Рейнлан, – Так

что мне надо делать, Инг?

– Лучше просто уходи. Можешь мне доверять. Я точно знаю, что делаю.

Рейнлан посмотрела в глаза Ингу, оглянулась на Максима и сказала:

– Я останусь. Мешать не буду.

Она отошла в дальний угол, не отрывая взгляда от Макса. Охранник занял место у двери.

Инг не один день пытался понять, как подступиться к Мешер, используя свой уникальный опыт, полученный на тренировках с Николасом. Вместе с Али они перечитали сотню трактатов и потратили не одну ночь на различные испытания. Теперь же ему предстояло без права на ошибку на практике воспользоваться выявленными закономерностями.

Инг начертил на полу камеры сложную печать – почти такую же, как чертил для него Николас. В центр этой печати он усадил Максима. Ожидая завершения приготовлений, он тяжело смотрел на друга исподлобья, опершись обеими руками на пол. Инг погрузился в черноту его зрачков и вошел в его сознание. Он предстал там в двух своих ипостасях: как Харар и как Шеган.

В душе Макса находилась гигантская черно-белая маска размером значительно больше человеческого роста. Черная паутина из ее рта опутывала сидящее перед ней темное начало – получеловека-полуросомаху, похожего на мумию буддистского монаха. Ее раздвоенный язык тянулся к другим

началом. Светлое было уже на грани возможности существования – его белые крылья покрывали раны, оно истекало прозрачной мицурой и почти не могло двигаться.

При появлении непрошенных гостей язык Мешер оттянулся от начал Макса и, как кнут, замахнулся для удара. Предугадав ее атаку, светлый Инг выставил щит из плотной светлой чакры. Мешер снова и снова, все сильнее и чаще наносила удары языком по щиту и не могла его разрушить. Вскоре маска отбросила в сторону темное начало Максима и стала угрожающе приближаться к Харару, как огромный корабль. Под прикрытием светлого щита Инг-Шеган ринулся к темному Максу и обхватил его по рукам и ногам, чтобы он не смог помешать разворачивающемуся действию.

Дистанция между маской и Хараром сократилась до минимума, и разгневанная Мешер бросилась на Инга. Провернувшись кубарем, чтобы не угодить в захват ее языка, Инг разрубил мечом черную липкую паутину, еще тянущуюся к Хвосту. Маска в бешенстве распахнула гигантскую пасть, как голодная змея, и завизжала. Ее огромные острые клыки ударились об щит. Тогда Инг обрушил на нее всю энергию, накопленную в щите от отраженных ударов.

С жутким рычанием, визгом и хрипом маска стала плавиться и трескаться, продолжая попытки уничтожить Харара и встречаясь с его новыми ударами.

В это время темный Инг удерживал на месте полуросомаху. Постепенно он приобретал все более человеческие чер-

ты – с гибелью Мешер из него исходила Тьма. Мешер изда-
ла последний истошный крик и взорвалась. Белые осколки
ее раздробленного тела зависли в воздухе блестящими сне-
жинками.

Не теряя времени, Харар подошел к истерзанному свет-
лому началу Максима и впустил в него чакру. Потеряв связь
с Мешер, Макс остался со второй ступенью темного начала,
и теперь Инг усиливал его светлое начало до того же уровня.

Как только Инг завершил сеанс, Максим рухнул на пол
внутри начерченной в камере печати. Рейнлан метнулась к
нему и потрясла за плечи. Он не открывал глаз. Она ощутила
исходящую из его сердца сильную чакру, умиротворяющую
и теплу чакру Света.

Инг устало улыбнулся, кивнул охраннику и молча поки-
нул камеру.

Когда Макс открыл глаза, он лежал в палате госпиталя.
Еще не севшее солнце было ярко-малинового цвета. Рейнлан
долго обнимала его, пока оно совсем не село.

– Расскажи, как все это было? – спросила она, спустя це-
лую вечность.

– Мне казалось, что я был в детстве. После занятий нас
с Ингом отправили на хозяйственные работы. За драку, ка-
жется. Заставили красить какой-то забор. Селлах пришла со-
ставить нам компанию. Айран тогда уже ушел из деревни, и
я жил в общежитии вместе с ребятами. Инг кричал: «Мы же
ничего не ели целый день!»

– Какой он смышленный был! Еще в детстве! Вот у кого есть голова на плечах! – оценила Рейнлан.

– В это время домой возвращался Алекс, и он, конечно, не упустил возможности пошутить над братом. Он раздражили Инга, и немного перегнул палку, Инг даже чуть драться не полез. Должно быть, только присутствие Селлах его останавливало. Будто со мной стычек было мало, – Макс произнес это с досадой, но было видно, как тепло ему от этих пустых в сущности воспоминаний, – Когда Алекс переключился со своими подколами на меня, я претворился, что не слышу. А Инг вдруг прямо заорал на него: «Не смейся над ним! Лучше бы пожрать принес!» А я, такой весь оскорбленный, бурчу: «Никто не просил меня защищать!»

Макс смотрел в окно и улыбался.

– Я совсем себя не узнаю. Теперь я свободен. Не только от Мешер. Еще и от того глупого злого мальчика. И теперь я только с тобой, Рейнлан.

Эльхес не сопротивлялся дьявольской силе. Когда змей, воплощающий волю Денницы, обвился вокруг его светлого начала, оно позволило удаву заглотить себя. Эльхес чувствовал, что сейчас исполняет свое истинное предназначение. Если только можно называть Эльхесом то существо, которым он стал – с темным началом Айрана и дьявольским змеем вместо светлого. Он не знал, как теперь его зовут, так

что это имя можно было условно закрепить за ним лишь по той причине, что все составные его души помещались в теле Эльхеса.

Само тело тоже претерпело определенные метаморфозы и стало напоминать усовершенствованную модификацию Хвоста. Обнаженный торс, основание шеи и руки до локтя оказались закрыты вросшими в плоть гибкими металлическими пластинами, а пространство между ними покрылось черно-багровой шерстью. За спиной были сложены громоздкие перепончатые когтистые крылья, как у летучей мыши. Кисти рук, шея и нижняя часть лица была исполосована черным полосами, на пальцах появились длинные когти.

Два кентавра-привратника, черный и рыжий, встретили его в Аду и в знак приветствия припали на колени. Новый Дьявол зашел в появившийся лифт, доехал вместе с ними до восьмого Уровня и оказался на бескрайнем лугу.

Теплый ветер мягко перебирал его отросшие рыжие волосы, которые приобрели пунцовый оттенок. Сочная трава стелилась по ветру, как водоросли по течению. Впереди виднелся большой круглый стол из белого мрамора и множество кресел вокруг него. Эльхес сосчитал все, их оказалось двадцать шесть.

В это же время с другой стороны к столу подошел Денница в скромном человеческом облики. Он посмотрел на Эльхеса долгим ничего не выражающим взглядом. Правый его глаз был черным, левый – золотым. Эльхес откуда-то знал, что

его собственные глаза стали черными, как были у Айрана.

– Все сложилось. Все достигло предела, – сказал Денница и жестом пригласил присесть.

Оба почти синхронно опустили в кресла. Денница легко откинулся на спинку стула. Эльхес не сразу смог приспособиться к своим массивным крыльям.

– Хорошее тело, крепкое. Куда лучше прежнего. Зря я рассчитывал на девчонку. Не доросла. Больно упряма. В тебе же есть истинная Тьма, которую ты породил в себе сам. А в Рейнлан ее не было. Видимо, она обладает каким-то дьявольским обаянием, – Денница прищурил свой левый глаз.

– Я очень ее любил. Интересно, кстати, узнать, наконец, почему она называла себя Стражем?

– Раньше существовал целый Орден Стражей, отпрысков Ангелов и Демонов. Они выступали против борьбы между Светом и Тьмой, вот и возомнили себя хранителями мирового равновесия. Первым из них был основатель клана Макарано. Они стали инициаторами заключения того самого Договора, от которого выиграла только семейка Макарано. И мою Антарес, и светлого Харара назначили им в услужение. Такого наворотили, умора! Стражи старались поддерживать связь при жизни, а потом находили друг друга после смерти. Кстати, это они построили крепость Лесабру.

– Что же теперь?

– Это тебе решать, мой прекрасный шедевр!

– Мне решать? Вся моя жизнь прошла по твоему плану.

Разве не так?

Денница усмехнулся.

– Объясни мне все напоследок.

– Для нового реванша мне нужен был еще один союзник, кроме Роксаны, с кем бы я мог разделить силу. Увы, возможности любого тела весьма ограничены, а чтобы воплотить свою мечту, мне нужно контролировать такую мощь, которую даже мне не выдержать в одиночку. Нас и двоих оказалось мало. На роль третьего я заметил Рейнлан, Эльхеса и Айрана. Все вы подкупали потенциалом развития собственного начала. Только Рейнлан сила досталась от природы, даром. А вы оба другие. Одному я просто позволил вдоволь повеселиться за время земной жизни, другому с детства нашептывал идти путем Тьмы. Но Эльхес – слишком живой, слишком горячий. Без нужного темного начала он был бы еще менее осторожен с моей силой, чем Рейнлан. А Айран слишком благороден и холоден. Еще, чего доброго, решил бы уничтожить всех темных, как было с ворами во время так называемого восстания.

– Забавно, что все мы оказались крепко связаны между собой. Эльхес же прикончил Ольгерда – отца Айрана и любовника твоей дочери.

– Да, да, ловишь фишку!

– Еще при жизни Ольгерд частенько заглядывал ночью в Ад, – на этот раз заговорил не Эльхес, а Айран, – А когда он погиб, мать очень мучилась. Потом ее сердце не выдержало,

это было поздней ночью. Тогда я сообщил об этом Комохо и попросил прислать людей для осмотра, когда я уведу детей гулять. Сестра меня спрашивает, где мама, а я ничего сказать не могу.

– Что ж, мой мальчик, я вижу, ты очень устал. Давай-ка вместе закончим всю эту историю.

Все, кто имели темное начало выше первой ступени, получили приглашение Денницы на восьмой Уровень.

Словно в насмешку над лирическим настроением Айрана, первыми к круглому каменному столу подошли Ольгерд с Роксаной и Линой; с ними, как всегда, были Сфорца и Арахна. Ольгерд и Роксана были при параде, с массивными мечами за спиной: он – в облике Хвоста-полульва, она – с дьявольскими перепончатыми крыльями и броней из белого металла на груди и руках.

– Вот кого ты взял себе в преемники! – обрадовалась Роксана.

Ольгерд с шутовской улыбкой поставил перед Дьяволами поднос с пирожками.

– Отведайте, о великий Князь Тьмы и ты, новый Дьявол. О! Да ты на товарища моего одного очень похож! Пирожочки, как всегда, по рецепту Роксаны! А чтобы вы оба к шенаду не отравились и раньше времени не померли, я сейчас их все понадкусываю прямо при вас, дорогие мои!

И Хвост принялся откусывать от каждого пирожка по половине, измазывая слюной оставшуюся часть и громко чав-

кая. Денница ухмылялся, не произнося ни слова. Сфорца приложил лапу к морде и покачал головой.

– Бескультурье, – пробормотал Арахна и занял место за столом рядом с Роксаной.

Эльхес смотрел на Ольгерда со сдержанным отвращением, понимая, что тот погряз в панике. Лина тем временем пристально смотрела на Эльхеса, пытаясь угадать, почему этот незнакомец кажется ей таким родным.

– Как ваши дела? – произнес Денница.

– С масками бардак. В работе только одна, это моя. Маска Кота свободна, ящериный Хвост слился со своей маской, а Мешер вообще уничтожили, – весело отрапортовал Ольгерд.

– Мешер уничтожили? – в изумлении переспросила Лина, – Почему ты не сказал? Как это произошло?

– А почему маска Кота свободна, а твоя дочь до сих Шеган? – спокойно продолжил Денница.

– Она у меня девушка своенравная, не хочет снова надевать маску, и все тут, – Хвост развел руками в комичной растерянности.

– Удивительно, насколько в людях силен страх ответственности. Даже накануне краха всего сущего они боятся лишний раз ее принять, – Денница с умилением взглянул на Лину.

– Какая, в шенад, ответственность! Я просто больше вообще не жалею с этим спутываться! Если ты собрал нас здесь, чтобы устроить третью Битву со светлыми, пожалуйста, по-

гибайте без меня, я в этом не участвую, – жестко проговорила она и добавила, обращаясь к Ольгерду: – Странно, что ты так старался меня сюда затащить. Знал же, что на восьмой Уровень могут позвать только на смерть.

Ольгерд скорчил виноватую гримасу и похлопал глазами, глядя на дочь.

– Я нашла тебя, – вдруг проговорил хриплый голос нового гостя, появившегося неожиданно для всех.

Это была Амба. Она подошла к креслу Эльхеса и положила руки (одна была полностью в чешуе) на столешницу. На ее глазах была черная повязка, зрение к ней так и не вернулось.

– Это ты, Айран, – произнесла она и прикоснулась к его груди, покрытой металлом.

– Это я, – подтвердил Дьявол и положил ладонь поверх ее руки.

– Я так и знала! – вскричала Лина, – Живучая крыса! Как ты это сделал?!

– Родная сестра так рада меня видеть!

Амба повернулась в сторону Лины и оскалилась.

– Что ты теперь хочешь?! Мало того, что ты уже успел натворить?!

– Пустить этот мир в шенад, – спокойно ответил Айран.

– Легко же ты согласился!

– У меня были все условия, чтобы принять это решение.

– Шенад! – Лина в отчаянии мотнула головой.

– К чему столько злобы? Не хочешь умирать? Денница

считает, мы можем победить.

– Это не наш путь! Это не твой путь! А ты на него согласен!

– Откуда ты знаешь, где мой путь?

– Да ты же постоянно делаешь то, что приносит и тебе, и всем вокруг только боль! Ты отдал часть себя в никуда, и нас всех тянешь за собой!

Айран рассмеялся.

– О! Как моя жизнь бессмысленна и никчемна! Я погубил свою несчастную сестру, брата, Катю и Амбу. Ничего не забыл? Разве я не самый настоящий Дьявол?

Тут к собранию присоединилась Селлах. Она явилась в обличии Шегана.

– Точно, про тебя я забыл! Селлах ведь тоже я свел с пути истинного.

Селлах оцепенела, глядя на Эльхеса и пытаясь осознать, что здесь происходит.

– Не желаю все это слушать. Прощайте, – Лина встала из-за стола и пошла прочь.

– Стой, – жалостливо протянул Ольгерд, глядя ей вслед.

– Забудь о ней, все в порядке, – Роксана ласково погладила его по плечу.

– Да, все в порядке, – сказал Денница, – Хотя вообще-то никакого порядка, совершенный хаос. Такие вы мне и нужны.

– Не нужно было ее отпускать, – сказала Амба, – Она мо-

жет податься к светлым.

– Невелика потеря, – отмахнулся Денница.

– Они узнают о наших планах раньше.

– Они и так в курсе. Мой зов получили все, чье темное начало выше первой ступени. Значит, весь клан Кутта и господин Харар его тоже слышали. В Пространстве Ожидания мы все равно окажемся все разом, там времени нет.

– Битва будет в Пространстве Ожидания? – уточнила Селлах.

– Ну да! В гадких романах в таких случаях пишут «уничтожающее ожидание».

– Нойрабу понравилось бы, – оценил Ольгерд.

– А что будет дальше? – Селлах крепко сжала кулаки при мысли о Сирроу и Инге.

– Какая уже разница? – засмеялась Роксана.

– Да не трусь! Мы разобьем светлых и будем править Миром! – прорычал Сфорца.

– Перекроим Мир, вернем себе Землю, утрем нос всемогущим Ангелам, – ухмыльнулся Денница.

Селлах в растерянности присела на край стула. Она была готова последовать примеру Лины и покинуть Уровень.

– Не расслабляйся, барышня, – сказала Роксана и протянула ей маску Кота, – это твое.

– Что? Мне кажется, это лишнее.

– Я был последним владельцем этой маски, так что прими ее как мой последний подарок, – сказал Айран.

Селлах с сомнением посмотрела на Эльхеса, голосом которого говорил ее бывший наставник. Впервые за долгое время она подумала о своем светлом начале, которое от рождения находилось на второй ступени.

– Давай уже!!! – взревел Ольгерд.

Селлах подорвалась с места, выхватила черную маску из рук Роксаны и надела на лицо. Переполнившая ее сила вырвалась наружу, крылья за ее спиной распахнулись от напряжения. Ольгерд ринулся к ней, чтобы иметь возможность предотвратить последствия на случай буйной реакции, но Селлах отбросила его чакрой. Ольгерд прокатился по траве, сделал кувырок через голову и тут же вскочил на ноги с таким задором, словно заряд Тьмы предал ему еще больше бодрости. Первый Хвост тоже надел свою золотую маску и прыжком сбил с ног Селлах, задыхающуюся от бесконтрольно испускаемой чакры. Он грубо развернул ее и прижал к земле, пока она пыталась вырваться, сама не зная, зачем.

Денница с любопытством наблюдал. Агония Селлах быстро прошла, и она замерла в крепком захвате Ольгерда.

– Вы закончили? – спросил Денница, – У нас тут почетный гость.

К столу вальяжно подходил большой ягуар. Его шкура казалась составленной из самородков золота. Еще издали самые молодые из присутствующих почувствовали незнакомую мощную чакру.

– Господин Макарано, какая честь, – галантно кивнул ягу-

ару Сфорца.

Тот молча взгромоздился в кресло, управившись с этим не менее ловко, чем Демон-волк, и равнодушно оглядел присутствующих. Вежливым кивком он удостоил лишь Денницу.

Вскоре после этого на Уровне появились семеро Кеаго. Среди них был и Сатанг. Все они имели темное начало на уровне Шегана. Бывший Кнес к своему удивлению узнал Селлах и Эльхеса.

Последними к собранию присоединились адские Инквизиторы. Из двадцати двух судей на зов Дьявола откликнулись только восемь. Вместе с Арчем прибыла и Анкс, которая, даже став человеком, приняла решение участвовать в последней Битве. Отправляться на Землю она не пожелала – идти ей там было некуда.

Таким образом, все кресла, расставленные вокруг круглого стола, оказались заняты.

– Все в состоянии боевой готовности? – обратился Денница.

– Я готова, – уверенно ответила Роксана.

– Я тоже готова, – проговорила Селлах.

– И я! И я готов на все! – подхватил Ольгерд.

На столе перед каждым участником безумного собрания появились бокалы, наполненные красным густым вином.

– За победу! – галантно произнес Арахна.

– За торжество Тьмы! – оскалился Сфорца.

– За неизбежное, – провозгласил Дьявол.

Все выпили вино до дна.

– Нам пора!

Прежде, чем темные исчезли с восьмого Уровня и перенеслись в Пространство Ожидания, Селлах успела подумать, что все они сейчас будут выглядеть, как маленькие дети, бьющие отца в грудь едва окрепшими кулачками.

В деревне ксэ воины Света собрались в кабинете Хана. За круглым столом в просторном зале совещаний сидели Нацхи, Хелен, Али, Инг, Алекс, Рейнлан, Лина Дард и Сирроу Кутта. Как и предполагал Денница, Лина сообщила светлым о необходимости срочной мобилизации, но к этому времени Хан уже успел объявить сбор.

– Кажется, все здесь, – Рейнлан осмотрела присутствующих, – Только Эльхеса вот не хватает!

– Вряд ли он появится, – осторожно сказал Сирроу, – Когда с тобой это случилось, ну, когда ты перестала быть Дьяволом... – он замылся и замолчал.

– Он на стороне темных, – договорил Нацхи.

– Как?! Надо найти его, он же наверняка передумает!

– Не надо его искать. Он теперь Дьявол.

– Эльхес Дьявол? – ужаснулся Инг.

Али приобняла его.

– Что теперь будет-то?! Ух, что будет! Он нам всем за-

даст! – в словах Рейнлан слышался неуместный задор.

– Хорошо бы, кстати, обсудить этот вопрос – что, собственно, будет, – сказал Нацхи, – В условиях Договора значится, что побежденная сторона полностью переходит во власть победителя. То есть, если победят темные, они завладеют Землей, а Рай падет.

– Я этого не допущу! – отрезала Рейнлан.

– Нужно оценить расстановку сил. Сражение будет происходить в Пространстве Ожидания. Мы не сможем использовать темную чакру – только светлую и собственную. Таковы условия. Наши темные начала будут уничтожены, как только мы окажемся в Пространстве.

– Отлично! Еще и часть меня заберут! Ну, хорошо, поиграем!

– Итак, у нас есть светлый Дух, Най. У Инга, как и у меня, наивысшая ступень развития светлого начала. У Максима светлое начало второй ступени, но его общее состояние, насколько я понимаю, еще нельзя назвать превосходным.

– Мой Лохматый справится, – произнесла Рейнлан с угрозой.

– Так или иначе, все остальные располагают в основном силой собственных начал.

Али положила свой меч на столешницу и отодвинула его в сторону.

– Мне нужно другое оружие, своим мечом я не смогу воспользоваться, в нем заточена Антарес. И Макарано сильный

Демон, даже Наю будет тяжело с ним справиться, – вздохнула она, – И я бы не хотела встречаться с ним в бою, все же мой клан многим ему обязан. Нужно заранее решить, кто кого возьмет на себя.

– С этим нам поможет Лина. Скажи, кто из темных был призван?

– Я не видела всех, но предположить могу. Из Хвостов остался только Ольгерд, но одна маска была свободна, и они могут сделать Хвостом любого Шегана. Сколько их отзовется на зов среди мертвых – страшно подумать.

– Уверен, что немного, – сказал Нацхи.

– Еще они наверняка пригласят адских Инквизиторов.

– А мы не забудем про Инквизиторов из Рая. Их тоже двадцать два.

– Сфорцу я беру на себя. У меня хватает причин, чтобы ненавидеть эту псину, – пробормотал Инг.

– Понимаю, но мы с тобой должны будем выступить против Дьяволов.

– Меня, значит, в расчет не берете? – усмехнулась Рейнлан.

– Я не сомневаюсь в твоих силах. Дело в том, что мы с Ингом сможем нанести им максимальный урон с помощью светлой чакры. И третьим я бы хотел видеть Максима.

Тот молча кивнул. Рейнлан не смогла скрыть своей тревоги.

– А мне бы пора помериться силами со своим первым учи-

телем, – оскалилась она.

– Раз уж на то пошло, советую желающему встретиться в бою с Арахной приготовить головной убор, – постаралась разбавить напряжение Лина.

– Вы хотите, чтобы Инг сражался против Дьяволов вместе с вами? – обратился Алекс к Хану, – Один из них Эльхес. Это чересчур.

– Мне все равно, кто он, кем он был раньше. Да и кем он был? Я готов, – кивнул Инг.

– А вот самого Эльхеса присутствие Инга может демобилизовать, – сказал Хан.

Какое-то время они совещались. Не только Ингу предстояло встретиться в бою с близким человеком. Сирроу думал о Селлах: он понимал, что она постарается лишить его возможности выбора противника и сама вступит с ним в схватку. Алекс гнал прочь мысли о своей сестре. В его случае вряд ли пришлось бы сражаться с ней один на один, но облегчения от этого не наступало.

Нацхи тем временем устроил сеанс связи с Инквизиторами и получил их согласие на участие, но точного количества тех, кто прибудет на Битву, знать было невозможно. Разрабатывать тактику боя таким образом было бессмысленно.

– Чего мы ждем, раз все решено? – наконец не выдержала Рейнлан, – Вперед!

Нацхи вонзил меч в землю и призвал своего Духа-хранителя, покровителя клана Най. За спиной Хана раскрылись

шесть белых крыльев. Появившийся белый олень поклонился своему господину и позволил ему оседлать себя.

Рейнлан села верхом на Маданго Верта. Макс и Сирроу подвели ханских лошадей для остальных.

Когда приготовления были завершены, светлые встали в общий круг и переместились в пространство Ожидания. За их спинами появились пятеро Ангелов и двенадцать райских Инквизиторов.

В эту же секунду перед ними возникли их соперники. Денница явился во всех красе: с лохматой гривой багровых волос, золотыми шипами на спине и плечах, массивными перепончатыми крыльями, в черной блестящей маске на лице.

В крошечной тьме лишь крохотная точка света виднелась где-то вдалеке. Тем не менее, все отчетливо видели друг друга.

Последний вздох.

Денница взглянул на Роксану и Эльхеса и пошел в атаку, выпустив пламя дьявольской чакры. Его преемники, не раздумывая, бросились следом. Амба не отставала от Дьяволов.

Арахна и Алекс поклонились друг другу, прежде чем начать бой. В следующую секунду паук захватил Сефида паутиной и потянул к себе. Он разрушил кокон огненной чакрой и, приблизившись, отрубил лапу Демона мечом. Паук укусил Алекса в плечо и вырвал хелицерами кусок мяса.

Селлах в облике Хвоста бросилась на Сирроу.

Преграждая Хану путь к Дьяволам, Сфорца бросился на

его оленя. Светлый Дух поднял волка на рога, в полете Сфорца получил клинком в живот. Волк напал сзади, олень отбросил его ударом копыт. Сфорца вцепился в ногу оленю и стал тянуть под себя. Инг, подоспевший на помощь, нанес Демону удар горящим светлой чакрой мечом.

Дьяволов отвлекли на себя Ангелы, но долго им было не выстоять. Как только путь оказался свободен, Нацхи, Инг и Максим образовали единый щит из светлой чакры и бросились в атаку. Денница совершенно обезумел от этой силы и стал выпускать еще больше чакры. Дьяволы продолжали биться о светлый щит, но он не поддавался. Они были обожжены Светом, а с их тел уже снесло защитные железные пластины.

Они выплеснули колоссальную вспышку силы. По Уровню разнесся ветер и треск чакры. Светлый щит чуть изогнулся, и Дьяволы повторили атаку. Измотанные воины Света с трудом выносили удушающую мощь их чакры.

- Ты повержен, – прошептал Денница.
- Тьма не поглотит нас, – ответил Нацхи.
- Тьма не поглотит нас! – повторил Инг.
- Тьма не поглотит нас! – отозвался Макс.

Вскоре все светлые повторяли эти слова, как мантру.

И вдруг пространство заполнила всепоглощающая энергия, исходящая одновременно от каждого из них.

Ослепительная вспышка закрутилась в спираль и разрослась, заполнив собой все вокруг. Постепенно она сжалась до

сияющего столба посреди Пространства Ожидания.

Свет уничтожил все темное, что находилось здесь.

С Селлах сошло обличие Хвоста. Обессиленная, она упала перед Сирроу на колени. Он только оборонялся от нее в ходе их битвы, но она потратила всю чакру на свои яростные непродуманные атаки.

Битва была окончена.

Двое Дьяволов лежали без движения – на них пришлась вся мощь удара. Это были Эльхес и Роксана. Тела Денницы нигде не было видно.

На нетвердых ногах к ним подошла Амба. Она заглянула в замершие глаза Эльхеса.

К ней приблизился Инг. Он знал, что Амба не оставит Айрана.

– Иди, – сказала она, – Алекс погиб. Хоть ты не пропадай.

– Куда идти? – спросил Харар.

– В Рай. Видишь этот столб Света? Туда вам дорога.

– Она говорит правду, – сказал Нацхи, – Идемте.

Он взял Хелен за руку и пошел к столбу Света вслед за своим оленем.

– Я остаюсь, – сказал Инг.

– И я с ним, – отозвалась Али.

– И я хочу остаться на Земле, господин, – сказал Сирроу, поднимая Селлах на руки.

– Не называй меня господином.

Оставшиеся в живых – Инг и Али, Сирроу и Селлах, Мак-

сим и Рейнлан – проводили взглядом Нацхи и Хелен, которые вошли в поток энергии и растворились в нем.

– Ты станешь правителем нового мира, – успел сказать Нацхи напоследок, глядя на Сирроу.

– Вместе нам это по силам, – ответил он и крепче прижал к себе Селлах.

– Каждый из нас получил то, чего желал, – заметил Максим.

– Да, мой Лохматый!

Инг взглянул на Али.

– Значит, мы остаемся?

Царица схватила его за руку и воскликнула:

– Да!

В оформлении обложки и текста использованы авторские иллюстрации.